Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

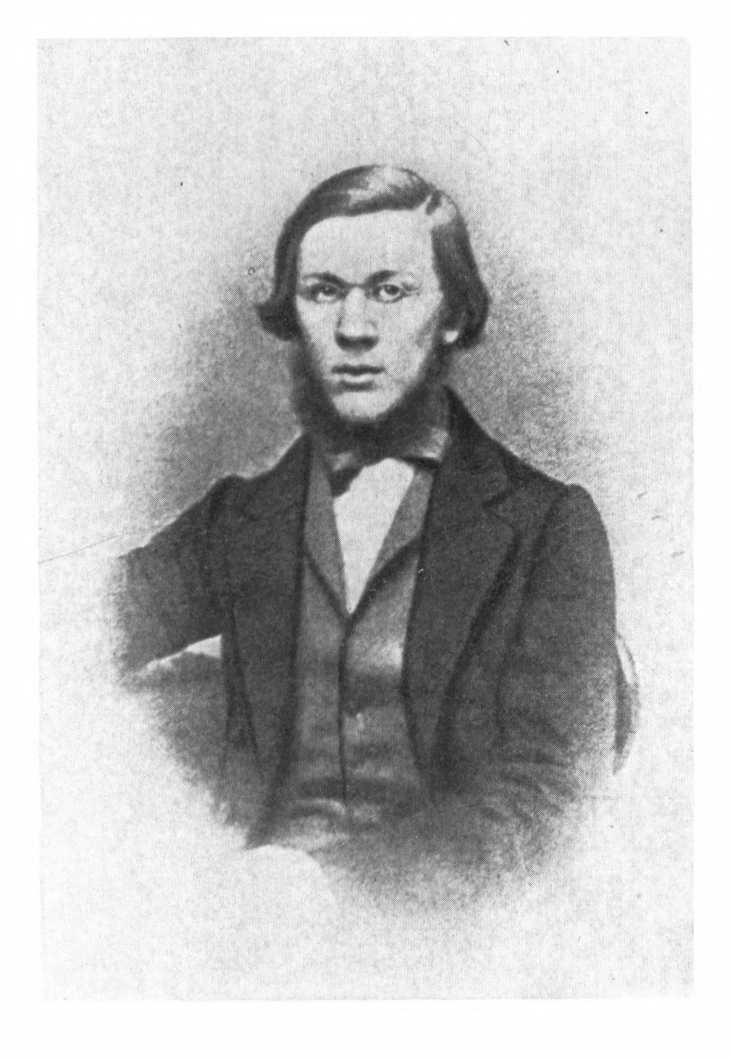
*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Б. Я. Бухштаба*

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1969

Р 1
Д 56

Замечательный русский критик Н. А. Добролюбов был также одним из наиболее значительных поэтов некрасовской школы. Искренняя, задушевная лирика Добролюбова — это поэтическая исповедь революционного демократа, раскрывающая его душевный облик и путь внутреннего развития. В живых и острых стихотворных памфлетах на политические и литературные темы Добролюбов обнаружил большой талант сатирика. Его злые и остроумные пародии принадлежат к числу лучших образцов этого жанра в русской поэзии.

7-4-1
334-69

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

1

Добролюбов-поэт естественно заслонен Добролюбовым-критиком и публицистом. В истории русской мысли и русской литературы роль великого критика революционной демократии настолько значительна, что в творческом наследии Добролюбова поэзия оказывается в тени. Это, конечно, совершенно закономерно. Деятельность критика и публициста была основным призванием Добролюбова и сделала его имя одним из самых значительных и дорогих для нас имен русского прошлого. Значение же Добролюбова-поэта в истории русской поэзии — второстепенное. Но было бы совершенно неправильно думать, что стихи Добролюбова интересны лишь как материал для биографии великого критика и для лучшего понимания его литературных вкусов и критических оценок. Мы вправе считать Добролюбова в числе заметнейших поэтов школы Некрасова, поэтов революционной демократии.

Николай Александрович Добролюбов родился 24 января (5 февраля) 1836 года в Нижнем Новгороде. Он был старшим сыном видного городского священника. Детство его прошло в атмосфере дружной и любящей семьи. Тем труднее было ему потом преодолевать мировоззрение, внушенное родителями и окрашенное воспоминаниями о светлой безмятежности детских лет.

Учился Добролюбов дома, занимаясь с учителем-семинаристом, в 1847 году поступил в последний класс духовного училища, а на следующий год — в Нижегородскую духовную семинарию.

И в училище и в семинарии Добролюбов выделялся исключительной начитанностью. По развитию он стоял настолько выше товарищей, что это обрекало его на одиночество среди них. По днев-

никам, отзывам учителей и мемуарам видно, что в ту пору Добролюбов отличался «усердием к церкви», «усердием к богослужению».[1]

Первые дошедшие до нас стихотворения Добролюбова относятся к 1849 году — значит, написаны в тринадцатилетнем возрасте. Возможно, стихи писались и раньше: тринадцатилетний Добролюбов пишет много и часто, — видимо, уже имея некоторый опыт.

Почти во все время пребывания в семинарии — до 1853 года — Добролюбов писал много стихов и относился к своей стихотворческой деятельности серьезно. В классе он считался поэтом, учителя писали похвальные отзывы под его тщательно перебеленными стихами, у него складывалось благоприятное мнение о своих поэтических способностях. В конце 1850 года Добролюбов послал несколько своих стихотворений редактору журнала «Москвитянин» М. П. Погодину при письме, солидный и самоуверенный тон которого, видимо, должен был маскировать юный возраст поэта. Мальчик считал возможным, что его стихи примут за произведения зрелого дарования и поместят рядом со стихами известных поэтов.[2] Конечно, надежда не сбылась.

В 1852 году Добролюбов — уже почти семнадцатилетний юноша — сделал новую попытку напечатать свои стихи, послав двенадцать стихотворений в редакцию журнала «Сын отечества».[3] Стихи не были напечатаны.

К своим стихотворениям предыдущих лет юный Добролюбов беспощадно строг. Перечитывая их, он дает им жестокие аттестации: «Ужели это я писал? Глупо», «Как это глупо, гадко и непоэтически. Да и стихи ужасно плохи», «Глупейшая сентиментальность с отсутствием орфографии»,

«Вирши эти прочитавши,
Омрачился я душой
И всю ночь провел не спавши,
Тяжкой мучимый тоской».

Много таких примечаний — с датами 1850—1853 годов — подписано под ранними стихотворениями Добролюбова. Любопытно,

---

[1] См.: С. А. Рейсер, Добролюбов в Нижнем Новгороде, Горький, 1961, с. 34.

[2] См.: Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений, т. 9, М.—Л., 1965, с. 8.

[3] См.: Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений, т. 8, М.—Л., 1964, с. 447.

как тщательно и постоянно перечитываются старые стихи, сколько на них тратится иронии и сарказма. Под стихотворением часто не одна пометка, а несколько разновременных, например: «Далеко же уехал. 28 генв. 1851 г.», «Дальше-то и не поеду. 29 сент. 1851 г.», «И умно сделаешь, мой друг! Потому что это очень глупые вирши... 15 дек. 1851 г.», «Совершенно справедливо. 5 января 1853 г.» А иные отзывы написаны в более грустном тоне: «Нужно бы отнять у тебя всякую надежду на существование в тебе поэтического таланта», «Не для чего и писать. А жаль...»

К 1853 году назрело разочарование. В письме этого года к товарищу по семинарии Добролюбов просит не считать его поэтом. Свои стихи он называет «порождением даже не фантазии, а какого-то резонерства, вычитанного из чужих сочинений». «Все это не мое собственное, а чужое, вычитанное, слышанное иногда». [1]

Ранние стихи Добролюбова действительно сплошь подражательны, и отражается в них не то, что пережито, а только то, что прочтено. Мальчик подражает вычитанным образцам (от совершенно архаических посланий, размышлений и сатир до лермонтовских дум и кольцовских песен), не зная тех чувств, которые хочет имитировать, тех жизненных отношений, на которых основаны его образцы.

Но чем дальше, тем больше сквозь подражательные формы пробивается все-таки самостоятельная и характерная мысль — в виде анализов душевного состояния автора, сатирических очерков, знакомых, правдивых рассказов о мучительных колебаниях сильной мысли, разрывающей путы ложного мировоззрения.

Ранние стихи Добролюбова имеют большое биографическое значение. Это единственные документы о душевной жизни, развитии, литературных вкусах тринадцати-четырнадцатилетнего Добролюбова. Позднее присоединяются дневники, дошедшие до нас в немногих отрывках.

В ранних стихотворениях Добролюбова бросается в глаза сильная струя религиозной дидактики. При всей подражательности стихов за ними чувствуется натура, жадно ищущая цельного мировоззрения. Пусть пока она осваивает традиционное религиозно-монархическое мировоззрение; то беспокойное стремление к истине, которое видно даже в этих стихах, так мало отражающих реальную жизнь автора, — должно скоро привести к кризису. Это сказывается уже в таких стихотворениях, как «Мудрование тщетное» (1852).

---

[1] Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений, т. 9, М.—Л., 1965, с. 14.

Потрясенный сомнениями юноша еще пытается не поддаваться неизбежному ходу развивающейся мысли, еще надеется сохранить уютный мир привычных с детства воззрений:

Лучше ж возвратиться
К прежним убежденьям,
Лучше покориться
Тем святым внушеньям,
Какие, бывало,
Слушал я так жадно,
От каких ставало
Сердцу так отрадно,
Когда я душою
К богу возносился,
Мыслию простою
Верил и молился...

Но воспоминания и сожаления не могли остановить процесса ломки старых убеждений.

В 1853 году Добролюбов, не окончив семинарии, выдержал экзамен и поступил на историко-филологический факультет Петербургского Главного педагогического института. В отрыве от семьи, под влиянием новых встреч и жадного чтения Белинского, Герцена, утопических социалистов, назревавший еще в семинарии идейный кризис разрешился. Его быстрому разрешению способствовало несчастье: в 1854 году Добролюбов потерял и мать и отца. Родителей, разлад с которыми был бы мучителен, теперь не было, а миф о справедливости и милосердии бога был вытравлен из сердца. Начинается быстрый духовный рост Добролюбова, оформление новых философских, социально-политических и литературных взглядов. Под влиянием передовых русских и западных мыслителей Добролюбов освобождается от пут традиционной идеологии и становится атеистом, материалистом, революционно мыслящим демократом. Этот перелом сказывается и на поэтической деятельности. Совсем было замершая в 1853 году, она оживляется с конца 1854 года. В течение 1855—1856 годов Добролюбов написал не менее пятнадцати революционных стихотворений. Они отличаются от стихов семинарского периода не только тематикой: энергия мысли и чувства, определенность и экспрессивность выражения делают их совершенно непохожими на вялые стихи предыдущих лет.

Основное содержание, основное устремление этих стихотворений — призыв к свержению самодержавия. Системе «военного деспотизма» дается характеристика, полная презрения и ненависти. На

первый план в этой характеристике (черта показательная для революционного просветителя) выдвигается борьба самодержавия с просвещением, мыслью, идейной жизнью:

И не поняв, что только в просвещеньи
Народов честь, и мощь, и благо, и покой,
Все силы напрягал он для уничтоженья
Стремлений и надежд России молодой.

Что жизнью свежею цвело и самобытной,
Что гордо шло вперед, неся идеи в мир,
К земле и к небу взор бросая любопытный, —
Он всё ловил, душил, он всё ссылал в Сибирь.

«Он» — это Николай I, но Добролюбов в этом стихотворении («18 февраля 1855 года») говорит не о личности умершего царя, а о политической системе и смерть Николая встречает словами:

Один тиран исчез, другой надел корону,
И тяготеет вновь тиранство над страной.

Описание монархической России, замечательное по широте охвата, сжатости и энергии, дано в стихотворении «Газетная Россия». Перечисляя, как прокурор, один за другим позорные факты, давая лапидарные характеристики различных сторон социальной жизни, Добролюбов резко очерчивает картину печального состояния страны:

Я видел в Руси свод законов,
Водимый прихотью судей,
Я слышал стоны миллионов
И вопль обиженных семей...
Видал я дряхлых инвалидов,
Судить посаженных в сенат,
Видал я, как, для царских видов,
Синодом управлял солдат,
Видал насильства архьереев,
Разврат и пьянство у попов,
Видал я школы для лакеев
И государственных воров,
Видал несчастные обвалы
Казенных зданий и мостов
И бар блистательные балы
На счет обеда их рабов...

В своих стихотворениях Добролюбов обвиняет правительство и его агентов в казнокрадстве, взяточничестве, лицемерии и лживости, в выдвижении немцев в ущерб своему народу, а главное, в «деспотизме беззаконном», в охране и поддержке крепостного права. Призыв к революции с особенной силой звучит в стихотворениях «Дума при гробе Оленина» и «К Розенталю». Первое написано по поводу убийства помещика двумя его крепостными, второе посвящено агитатору, пытавшемуся поднять крестьянское восстание. В «Думе при гробе Оленина» Добролюбов описывает безумные жестокости помещиков и крестьянское горе. Приветствуя крестьян, расправившихся с жестоким помещиком, Добролюбов подчеркивает революционный смысл их поступка в таких словах:

Без малодушия, боязни
Уж раб на барина восстал
И, не страшась позорной казни,
Топор на деспота поднял.

Вооружившись на тиранство,
Он вышел с ним на смертный бой
И беззаконному дворянству
Дал вызов гордый и прямой.

И в тесной связи с этой оценкой формулируются надежды на революцию:

И раб, тиранством угнетенный,
Вдруг от апатии тупой
Освободясь, прервет свой сонный,
Свой летаргический покой...

Восстанет он, разить готовый
Врагов свободы и добра, —
И для России жизни новой
Придет желанная пора.

Существенно, что революция мыслится Добролюбовым уже в 1855 году как крестьянская революция.

Поэт-революционер резко отграничивает будущее России от ее прошлого и настоящего:

О славном будущем мечтаю
Я для страны своей родной,
Но о прошедшем вспоминаю
С негодованьем и тоской.

Дается четкая концепция революционного патриотизма, страдающая, правда, просветительской схематичностью и прямолинейностью: все прошедшее России оценивается как «тьмы и тиранства долгий век».

В ряде стихотворений подлинный патриотизм противопоставляется лжепатриотической шумихе шовинистов и выражается в стремлении к счастливому будущему родного народа. Свою «Думу при гробе Оленина» Добролюбов заканчивает выражением веры в то, что, свергнув цепи, русский народ станет впереди всех народов по своей мощи, свободе, просвещению и благородству.

Политические стихотворения Добролюбова имели большой успех. По словам его товарища по педагогическому институту М. И. Шемановского, они ходили по Петербургу. Стихотворение «Царь Николай просил у бога. . .» Шемановский называет «слишком известным».[1] Другой товарищ Добролюбова по институту, Б. И. Сциборский, также вспоминает о восторге, с каким были приняты студентами революционные стихи Добролюбова.[2] М. К. Лемке указывает, что стихотворение «Ода на смерть Николая I» «пользовалось очень широкой популярностью в публике, которая и не подозревала, что автор его так еще молод».[3] Несколько стихотворений Добролюбова было анонимно напечатано в эмигрантских изданиях.

Но Добролюбов всегда крайне низко оценивал свои поэтические способности, а значит, и агитационную действенность своих стихов. После студенческих лет, отдавшись журнальной работе, найдя в ней применение и для своего поэтического дара, Добролюбов уже не возвращался к революционной политической поэзии.

2

Добролюбов окончил институт в 1857 году. Дальнейший жизненный путь был ясен. Еще в 1856 году Добролюбов начал печататься в «Современнике» и сблизился с Н. Г. Чернышевским, который в это время стоял, вместе с Н. А. Некрасовым, во главе журнала. Это сближение окончательно оформило и углубило револю-

---

[1] М. И. Шемановский, Воспоминания о жизни в Главном педагогическом институте 1853—1857 годов. — В кн.: Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников, Л., 1961, с. 73 и 82.

[2] См.: Б. И. Сциборский, Письмо к Н. Г. Чернышевскому. 10 февраля 1862 г. — Там же, с. 107—108.

[3] Н. А. Добролюбов, Первое полное собрание сочинений, т. 1, СПб., 1911, с. 30.

ционно-демократическое мировоззрение Добролюбова. С 1857 года он стал одним из основных сотрудников «Современника». На него была возложена вся литературно-критическая работа; Чернышевский, с появлением Добролюбова, отстранился от литературной критики и сосредоточился на философии, экономике, политике.

Писал Добролюбов очень много. Он старался охватить весь круг текущих литературных явлений, чтобы дать полное представление о состоянии и тенденциях русской литературы. Нейтральных отзывов у него нет; в каждой, даже мелкой заметке он не упускает из виду основной цели — революционизировать сознание читателей. Он откликается и на книжки совершенно ничтожные, но дающие возможность разоблачать и высмеивать враждебные направления. Не ограничиваясь литературной критикой, он пишет статьи философского и педагогического характера и публицистические статьи на животрепещущие темы русской и западной жизни.

С огромным темпераментом повел Добролюбов борьбу в двух направлениях: против реакционеров-крепостников, стремившихся повернуть колесо истории назад, старавшихся тормозить и урезывать даже те куцые реформы, которые подготовлялись правительством, и против дворянских либералов. В эпоху Николая I либералы вели идейную борьбу с абсолютизмом и крепостным правом, но вели ее во имя умеренной монархии и такого освобождения крестьян, которое не нарушало бы имущественных интересов помещиков. Как только эти интересы оказались под угрозой, либералы подали руку реакционерам для общей борьбы с революционной демократией. Борьба Добролюбова с либерализмом привела к уходу из «Современника» группы дворянских писателей во главе с Тургеневым. Если в художественном отношении журнал от этого стал менее блестящим, — идейно он стал однороднее и целеустремленнее.

В «Современнике» не остался втуне и поэтический талант Добролюбова. Здесь Добролюбов выказал себя недюжинным сатириком. По его инициативе при «Современнике» стало выходить нерегулярное сатирическое приложение «Свисток». Львиная доля «Свистка» и написана Добролюбовым; в некоторых номерах весь материал принадлежит ему.

Один из видных деятелей «Современника» М. А. Антонович пишет в своих воспоминаниях:

«Постоянно занятый мыслью, как бы вернее подействовать на читателей, раскрыть им глаза, а главное, пробудить в них энергию, Добролюбов находил, что серьезные журнальные статьи для этого недостаточны, что в некоторых случаях шутка или насмешка могут действовать сильнее, чем серьезное рассуждение, и что в шуточной

или сатирической форме возможно будет иногда провести в печать такие вещи, которые никак не пройдут в серьезной форме, и что, наконец, шуткой, насмешкой и издевательствами можно будет вернее убить ненавистную и самодовольную фразу о настоящем времени».[1]

Под «фразой о настоящем времени» Антонович имеет в виду обычное тогда начало газетных и журнальных статей и заметок: «В настоящее время, когда...». Добролюбов осмеивал этот штамп как типичное выражение либеральной самоудовлетворенности.

«Свисток» вместе с еженедельником «Искра» был наиболее значительным явлением сатирической журналистики 60-х годов. По выражению современника, «только звон «Колокола» из Лондона в силах был покрывать собою „Свисток"».[2] В литературе 60-х годов цитаты из «свистковских» стихотворений Добролюбова постоянно приводятся как всем известный литературный материал, да и не только в 60-е годы, а и у позднейших авторов, воспитанных на революционной литературе. Когда Ленин говорит: «...хочется верить, что «пойдет наш поезд, как не шел немецкий»,[3] он имеет в виду две строки из стихотворения Добролюбова «В прусском вагоне»:

Не пойдет наш поезд,
Как идет немецкий.

В 1858 году Добролюбов стал одним из редакторов «Современника». Редакционные дела, чтение и правка рукописей, беседы с авторами, объяснения с цензорами поглощали так много времени, что, по воспоминаниям А. Я. Панаевой, «Добролюбов мог приниматься за писание своих статей только вечером и часто засиживался за работой до четырех часов утра».[4]

Добролюбов быстро рос, его критическое дарование созревало и крепло. Классические статьи Добролюбова — «Что такое обломовщина?», «Темное царство», «Когда же придет настоящий день», «Луч света в темном царстве» — написаны в 1859 и 1860 годах, то есть когда их автору было двадцать три — двадцать четыре года.

Но постоянное переутомление надломило здоровье Добролюбова. Открылся туберкулез. К середине 1860 года стала ясной необходимость принять спешные и решительные меры. Некрасов дал Добролюбову материальную возможность уехать за границу, где

---

[1] М. А. Антонович, Воспоминания, М.—Л., 1933, с. 152.
[2] П. М. Ковалевский, Встречи на жизненном пути, Л., 1928, с. 426—427.
[3] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 12, с. 15.
[4] А. Панаева, Воспоминания, М., 1956, с. 271.

он провел год — преимущественно в Италии. Работы он не оставил. Из-за границы Добролюбов прислал знаменитую статью «Луч света в темном царстве», много материалов для «Свистка», ряд статей об итальянских делах.

Добролюбов попал в Италию в пору расцвета итальянского освободительного движения, в пору объединения Италии. Ситуация была очень сложной. Только что закончилась война между конституционной Сардинией и абсолютистской Сицилией (Неаполитанским королевством). Сицилия была присоединена к итальянскому королевству, объединившемуся под властью сардинского короля. Сицилия была завоевана в основном добровольческими отрядами Гарибальди, к которым присоединились сицилийские крестьяне. В то же время движение сицилийских крестьян против помещиков жестоко подавлялось войсками сардинского короля. Добролюбов писал об итальянских делах и в публицистической прозе и в сатирических стихах. Он не только стремился внушить русским читателям сочувствие к объединению Италии и презрение к павшему сицилийскому самодержавию. Он стремился развенчать и либеральных вождей сардинского королевства, вызывавших восхищение русских либералов, противопоставляя им революционеров-республиканцев и подымающееся против угнетателей крестьянство.

В августе 1861 года Добролюбов вернулся в Петербург и горячо принялся за работу. Пребывание за границей не принесло существенного улучшения здоровья, а по возвращении оно стало резко ухудшаться. Этому ухудшению содействовало душевное состояние. В начале 60-х годов кончился период правительственного либерализма, начались резкие проявления реакции. Добролюбов волновался и негодовал при известиях об арестах, о расстрелах крестьян, о цензурных стеснениях и преследованиях...

17 (29) ноября 1861 года Добролюбова не стало.

3

Вероятно, многие современники с удивлением узнали после смерти Добролюбова, что суровый критик лирических поэтов был автором интимных лирических стихотворений, писавшихся для себя, без всякой мысли о печати. На протяжении короткой жизни Добролюбова менялись мотивы и формы его поэтического творчества, но с детства и до смерти нет года, в который Добролюбов не писал бы стихов. Это было потребностью, которую не могло уничтожить неверие в свое поэтическое дарование.

Сохранились две тетради добролюбовской лирики зрелых лет. Первая тетрадь заключает стихи с конца 1856 года по август 1858 года, вторая — с конца 1860 года до июля или августа 1861 года. Невероятно, чтобы перерыв в лирическом творчестве Добролюбова так совпал с окончанием тетради, что, заполнив последнюю страницу, Добролюбов прекратил писание лирических стихов на два года. Гораздо вероятнее, что до нас не дошла промежуточная тетрадь 1858—1860 годов, равно как и тетрадь со стихами 1855—1856 годов. Странно представить себе, что Добролюбов два года совершенно не писал лирических стихов, затем два года писал интенсивнейшим образом,[1] затем опять два года не писал, а потом опять стал писать помногу. От 1855 года до нас дошел листок с тремя лирическими стихотворениями, датированными 4 мая, 5 мая и 28 мая. Можно ли думать, что этими тремя майскими стихотворениями лирическое творчество Добролюбова за тот год и ограничилось? Не вероятнее ли, что это случайно сохранившийся листок, а остальные стихотворения утеряны? Своих лирических стихотворений Добролюбов не распространял, и достаточно было затеряться двум тетрадям, чтобы стихотворения четырех лет погибли.

Как относился Добролюбов к своему лирическому творчеству, видно из того, что он мог вырвать из тетради и подарить свое стихотворение как автограф, не оставив себе копии. По такому автографу Н. В. Гербель, через много лет после смерти автора, опубликовал подаренное ему стихотворение «Сил молодецких размахи широкие!..» Другое же подаренное стихотворение, «Проведши молодость не в том, в чем было нужно...», Гербель не опубликовал, и оно пролежало под спудом почти восемьдесят лет.

При жизни Добролюбова было напечатано только шесть его лирических стихотворений. На эту публикацию Добролюбов решился лишь под сильным давлением Некрасова, который писал впоследствии о лирических стихах Добролюбова, что тот «не придавал им вовсе никакого значения⟨...⟩ Увидав у него однажды случайно тетрадку, где он записывал свои стихотворения, я с трудом уговорил его напечатать что-нибудь из них. Мы выбрали десять пьес; лучшие четыре в печать тогда не попали,[2] а шесть помещены в «Современнике» 1858 г., № IX, под псевдонимом: Волгин».[3]

---

[1] За 1857 год, поэтическая продукция которого сохранилась в тетради полностью, написано двадцать четыре оригинальных стихотворения и двадцать два переведено.

[2] Они были запрещены цензурой. — *Б. Б.*

[3] Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, т. 9, М., 1950, с. 412.

Сам Добролюбов, сообщая об этой публикации И. И. Бордюгову, также подчеркивает, что решился на печатание своих стихов лишь по настоянию Некрасова.[1]

После смерти Добролюбова Некрасов отобрал лучшие его стихотворения, выступил с чтением их на благотворительном вечере, напечатал их в «Современнике», внеся необходимые для цензуры изменения. Некрасов, видимо, интересовался лирическим творчеством Добролюбова и в каком-то отношении ценил его. Это показывает такой факт — мелкий, но характерный. В тетради Добролюбова есть отрывок, относящийся к 1861 году:

Видал я суетных рабов
Принци́пов строгих и свободных,
Видал начитанных глупцов,[2]
Лакеев мыслей благородных...

Незаконченных отрывков Добролюбова Некрасов не печатал, но, очевидно, его поразил своей меткостью найденный Добролюбовым образ — и он взял его в свое стихотворение.

20 апреля 1865 года В. П. Боткин сообщает А. А. Фету: «Некрасов даже сочинил следующее четверостишие:

Беги от подлых шулеров,
От старых баб и франтов модных
И от начитанных глупцов,
Лакеев мыслей благородных».[3]

А в «лирической комедии» Некрасова «Медвежья охота» (1867) находим такие строки:

Не много выиграл народ,
И легче нет ему покуда
Ни от чиновных мудрецов,
Ни от фанатиков народных,
Ни от начитанных глупцов,
Лакеев мыслей благородных![4]

---

[1] См.: Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений, т. 9, М.—Л., 1965, с. 327.

[2] Первоначально: «Видал ничтожных дураков».

[3] А. А. Фет, Мои воспоминания, т. 2, М., 1890, с. 64—65.

[4] Н. А. Некрасов, Полное собрание стихотворений, т. 2, Л., 1967, с. 238.

Некрасов мог перенести два стиха Добролюбова в свое стихотворение, не боясь стилистического разнобоя.

Добролюбов — поэт школы Некрасова. В его стихах мы узнаем и антураж некрасовской лирики, и ее типичные темы, и некрасовского лирического героя — интеллигентного городского пролетария, нервного, озлобленного, замученного... И тем не менее сильное влияние поэзии Некрасова не делает стихи Добролюбова подражательными, «не своими». Напротив, именно некрасовский художественный метод дал Добролюбову возможность полноценного выражения переживаний, не укладывавшихся в традиционные формы лирики.

Можно сказать, что поэзия Некрасова вывела Добролюбова-лирика на верную дорогу. Стихи Добролюбова не всегда свободны от штампов, от «поэтизмов». Когда он пишет:

Я пришел к тебе, сгорая страстью,
Для восторгов неги и любви,

или:

И ты придешь с тоской своей влюбленной,
К ногам прекрасной робко ты падешь —

это получается напыщенно и наивно и неадэкватно тем переживаниям, которые вызвали стихотворение. Когда же он говорит:

И не забуду я мгновенья,
Как ты, прокляв свой прежний путь,
Полна и веры и смущенья,
Рыдая, пала мне на грудь —

(«Не диво доброе влеченье...»)

это выразительно и искренне, хотя и напоминает стихотворение Некрасова «Когда из мрака заблужденья...».

Некрасовский ритм, специфическая некрасовская интонация постоянно звучат в стихах Добролюбова:

Ты ошиблась, ошиблась жестоко...
Много слез ты со мной пролила,
Ты во мне ту же бездну порока,
От которой бежала, нашла...

Всё, что женскому сердцу так свято,
Что так сладко волнует его,

Всё мне в жертву, мой друг, принесла ты,
Не боясь, не стыдясь ничего...

(«Ты меня полюбила так нежно...»)

Выражение строя мыслей и чувств революционного разночинца создает определенный характер добролюбовской лирики. Стихов социально нейтральных у него нет. У него есть стихотворение о пеньи соловья, но соловей в клетке — это образ рабства. У него есть «Дорожная песня» о «лучине», но лучина символизирует борьбу «просвещения» с «тьмою». У него есть «Жалоба ребенка», но ребенок этот совсем не детским языком говорит о насилии общества над свободной природой личности:

Стариной освященный обычай,
Человека пристрастный закон,
Предписания модных приличий —
Ими буду всю жизнь я стеснен.

Конечно, стихи аллегорического или дидактического характера — далеко не лучшие у Добролюбова. Лучшие — те, где ему удается выражение непосредственного чувства: стихотворения о любви, приносящей, из-за извращенных социальных условий, больше муки, чем радости; стихи, внушенные картинами нищеты и проникнутые негодованием на несправедливость социального бытия; стихи, бичующие филистерство и «обломовщину»; стихи, рисующие трудный процесс идейного перерождения религиозного юноши в последовательного материалиста.

Наряду с определяющим влиянием Некрасова на лирику Добролюбова надо отметить и влияние Гейне. Явно под влиянием Гейне написаны стихотворения «Соловей», «Очарование», «Сила слова», «Многие, друг мой, любили тебя...». Неожиданные концовки, особый грустно-иронический тон с несомненностью указывают на влияние Гейне. Но все стихи этого склада написаны в один, очень недолгий, период — в первую половину 1857 года. К этому времени относится и восторженная запись о Гейне в дневнике Добролюбова,[1] и систематическая работа над переводом стихов Гейне.

В последний год жизни Добролюбова, под влиянием развития смертельной болезни, в его стихах появляются мотивы одиночества, обреченности, скорой смерти, но рядом находим стихотворения, пол-

---

[1] См.: Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений, т. 8, М.—Л., 1964, с. 553.

ные веры в конечное торжество идеалов революционной демократии. Завершается творчество Добролюбова знаменитым стихотворением «Милый друг, я умираю...». Оно призывает современников и потомство честно и мужественно следовать по его пути.

Неизвестные при жизни стихи Добролюбова, вскоре после его смерти приобрели значительную популярность, в особенности те стихи, которые непосредственно связывались с образом героического юноши, непреклонного борца за счастье человечества, не нашедшего в жизни личного счастья и подкошенного страшной болезнью.

Многие поколения революционно настроенной молодежи знали наизусть такие стихи, как «Милый друг, я умираю...», «Пускай умру, печали мало...», «О, подожди еще, желанная, святая...».

И для нас лирика Добролюбова — не очень яркая, не очень оригинальная, но очень искренняя и эмоциональная — ценна своей непосредственной связью с жизнью и личностью Добролюбова, с его интимными мыслями, надеждами и страданиями, — а этим она приобретает, помимо биографического и психологического значения, и значение поэтической исповеди революционного разночинца, раскрывающей его человеческий облик и путь его душевного развития.

4

Иное значение имеют сатирические стихотворения Добролюбова. Эти стихотворения писались для печати и преследовали те же цели, что и критико-публицистическая деятельность Добролюбова. В живых и острых стихотворных памфлетах «Свистка» Добролюбов обнаружил несомненный талант сатирика, явственный и в его публицистических статьях.

Сатирическая поэзия Добролюбова — органическая часть его критико-публицистической деятельности. Сатирические стихотворения зачастую непосредственно связаны с той или иной его статьей.

Приведу пример. Известная статья Добролюбова «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» направлена против знаменитого врача и педагога Н. И. Пирогова, назначенного в ту пору попечителем Киевского учебного округа. Деятельность Пирогова была прогрессивной, и не случайно он через два года был отставлен от должности попечителя. Однако Пирогов, либерал по своим политическим и педагогическим взглядам, нередко проявлял половинчатость, шел на компромиссы, против чего и направлены как статья

Добролюбова, так и его стихотворение «Грустная дума гимназиста лютеранского исповедания и не Киевского округа». От Пирогова, врага телесных наказаний, ожидали полной отмены сечения розгами в учебных заведениях округа, но введенные им «Правила о проступках и наказаниях учеников гимназий Киевского учебного округа» ограничиваются лишь предписанием применять сечение как можно реже и в строгом соответствии с важностью проступка. Блестящим логическим анализом Добролюбов показал полную несостоятельность аргументов, выдвинутых в пользу этого редкого и соразмерного вине сечения. В «Свистке» же он поместил названное стихотворение.

Стихотворение написано от лица гимназиста, желающего быть высеченным по новым киевским правилам, — и это комичное желание не менее отчетливо, чем логическая аргументация статьи, демонстрирует фальшивость гуманизма этих «правил».

Комический эффект усилен задушевным тоном, приданным сатире пародийным использованием глубоко эмоционального стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу».

Иногда сам стилистический замысел сатиры заложен в статье, с которой сатира связана, являясь как бы воплощением и развитием художественных возможностей, заключенных в публицистических приемах статьи.[1] Так, стихотворение «Наш демон», тесно связанное по содержанию со статьей «Литературные мелочи прошлого года», развивается, можно сказать, из иронической цитаты в начале этой статьи. Здесь говорится о «суровых аристархах литературы», объявлявших, что «Современник» «зовет прекрасное мечтою, презирает вдохновенье, не верит любви, свободе, на жизнь насмешливо глядит»[2] и т. д. Здесь к «Современнику» отнесены следующие строки стихотворения Пушкина «Демон»:

Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел...

В стихотворении «Наш демон» «Современник» и представлен в виде «демона», и оно написано как «перепев» пушкинского стихотворения.

---

[1] О сатирических приемах в критике и публицистике Добролюбова см. в статье Б. Ф. Егорова «Добролюбов-полемист» (Ученые записки Тартуского гос. университета, № 67, 1958, с. 163—193).

[2] Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений, т. 4, М.—Л., 1962, с. 48.

Цели критико-публицистической и сатирической деятельности Добролюбова совершенно совпадают. Сатира его — это иное оружие против тех же врагов.

Сатира Добролюбова, так же как и его критика и публицистика, направлена и против реакционеров и против либералов.

Ленин говорит: «...даже в крепостной России Добролюбов и Чернышевский умели говорить правду то молчанием о манифесте 19 февраля 1861 года, то высмеиванием и шельмованием тогдашних либералов».[1] Это «шельмование либералов» осуществлялось в большой мере именно в «Свистке». С первого же номера этого издания Добролюбов начал планомерный поход против либерального оптимизма и либерального «обличительства».

Борьба с манией «обличительства», широко распространившейся в русской печати после Крымской войны, была одной из главных задач «Свистка». Громкие обличения частных и нередко совершенно незначительных фактов отвлекали внимание от коренных язв государственного и общественного строя и создавали впечатление, будто частные недостатки могли быть устранены без ломки строя, следствием которого они являлись.

«Вслушайтесь в тон этих обличений, — писал Добролюбов. — Ведь каждый автор говорит об этом так, как будто бы все зло в России происходит только оттого, что становые нечестны или городовые грубы!»[2] «Нигде не указана была тесная и неразрывная связь, существующая между различными инстанциями, нигде не проведены были последовательно и до конца взаимные отношения разных чинов...»[3]

«Обличительство» проникло и в поэзию, где главным представителем его в то время был М. П. Розенгейм. Сборник его стихов, порицавших такие традиционные для сатирической литературы пороки, как взяточничество, самоуправство, ханжество и тому подобное, вышел в 1858 году и имел большой успех в публике. Ни на шаг не выходя за рамки правительственной идеологии конца 50-х годов, Розенгейм соединил вялые упреки порядкам дореформенной России со злобными нападками на «демократов», на революционную мысль.

В большой рецензии на стихотворения Розенгейма Добролюбов разоблачил убожество, безвкусие и реакционность этого рода «гражданской поэзии». Но помимо методов критического анализа он

---

[1] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 30, с. 251.

[2] Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений, т. 4, М.—Л., 1962, с. 105.

[3] Там же, с. 106.

в этой рецензии применил сильнейший метод разоблачения — пародию. В рецензию Добролюбов включил несколько пародий на «обличительные стихи», подписанных псевдонимом Конрад Лилиеншвагер. Как указал М. К. Лемке, «самый псевдоним «Лилиеншвагер» есть уже переделка фамилии Розенгейма: Rosen (розы) — Lilien (лилии); Oheim (дядя) — Schwager (шурин, деверь, зять)».[1]

Зародившись в рецензии, Конрад Лилиеншвагер расцвел затем на страницах «Свистка». Фигура этого умеренного и аккуратного, тупого и восторженного либерала-обличителя выступает из его стихотворений необычайно выпукло. С энергическим негодованием обличает Конрад Лилиеншвагер извозчика, который хотел получить с него лишний пятиалтынный, так как пришлось объезжать снятые мосты; с возмущением опровергает он фантастического «поборника взяток», утверждающего «будто тот есть отчизны изменник, кто на взятки посмеет восстать», терпеливо внушает он вору, что «постыден ведь обман» и что «по закону он не смеет воровать чужих платков»; подробным анализом бюджета уличает он во взяточничестве чиновника, получающего 11 рублей 33 копейки жалованья, так как выясняется, что в високосный год ему придется издержать «лишних две копейки».

Это копеечное обличительство производится с необычайным пафосом, причем обличитель явно наслаждается позой Ювенала и ощущением гражданского подвига, которое даже пугает его по временам своей смелостью. Ему все кажется, что вдруг благосклонное доселе начальство цыкнет: «Молчи, либерал!», и он заранее приносит уверения, что в этом случае почтет долгом немедленно умолкнуть.

В стихотворениях Конрада Лилиеншвагера Добролюбов выходит за пределы борьбы с «обличительством»: он демонстрирует ничтожность либерального оптимизма и либеральной шумихи вообще.

Характерный пример — стихотворение «Учились, бедные, вы в жалком пансионе...». Это пародия на стихотворение Плещеева «Трудились, бедные, вы, отдыха не зная...», посвященное ожидаемому освобождению крестьян.

Стихотворение Плещеева является типичным либеральным восхвалением «царя-освободителя», представляющим дело так, что освобождение крестьян само по себе уже ликвидирует все социальные несправедливости по отношению к ним. Это елейное обращение к «покорным» и «смиренным» крестьянам, которые якобы даже

---

[1] Н. А. Добролюбов, Первое полное собрание сочинений, т. 2, СПб., 1911, стлб. 597.

не роптали, «согбенные под гнетом» крепостного права, вызвало едкую пародию Добролюбова, считавшего, как и Чернышевский, что благодетельность реформ чрезвычайно преувеличена либералами, что меняется только вывеска, а не существо дела. Так возникает стихотворение, в котором на место «венчанного избавителя» подставлен «француз Кабаретье»:

Но вдруг настала вам минута возрожденья.
Француз Кабаретье ваш пансион купил.
На место розог плеть он ввел в употребленье
И школы вывеску уже переменил.

Добролюбов показывает половинчатость либерализма, полную негодность его подхода к основным проблемам социальной жизни. Зло высмеян, в частности, либеральный филантропизм в стихотворениях «Страдания вельможного филантропа» и «Общественный деятель». Наконец, Добролюбов посягает на основу либерализма — на его преклонение перед формами западного парламентского строя. В стихотворении «Чернь» приговор над этим строем произносит народ. Он не хочет внимать «речи вдохновенной о благоденствии вселенной», потому что «И нынче всяк, как прежде, тужит, И нынче с голоду мы мрем».

В области литературной критики борьба революционных демократов с дворянским либерализмом шла в основном по линии разоблачения положительного героя либерально-дворянской литературы, «лишнего человека», с его мучительным самоанализом и бесплодной рефлексией, с его вечными жалобами на бессилие и усталость от борьбы, с его настроениями страдания, тоски и отчаяния. Чернышевский и Добролюбов в своих статьях систематически развенчивали образ «лишнего человека». Целью этого развенчания было показать, что от дворян-либералов настоящего, нужного дела ждать не приходится.

Добролюбов бьет по «лишнему человеку» и в своих сатирических стихах. Особенного внимания заслуживают два стихотворения, являющиеся как бы двумя попытками осуществления одного замысла: «Рыцарь без страха и упрека» и «Презрев людей и мир и помолившись богу...». Текстуально близки лишь начала обоих стихотворений, но сюжеты их совершенно совпадают и одинаково развиваются. В этих стихотворениях Добролюбов едко пародирует элегические сетования «идеалистов сороковых годов», стихотворные исповеди «лишнего человека», который «в борьбе с неправдой черной» лишился «отваги молодой» и жалуется, что в нем больше «нет огня».

Добролюбов использует сюжет, особенно распространенный в «рефлективной» поэзии 40—50-х годов: странник, бодро вышедший в путь, потерял силы на тернистом пути и видит перед собой свою гибель. С теми или иными вариантами этот сюжет повторяется в трех стихотворениях, озаглавленных «Странник» и принадлежащих А. Плещееву, С. Дурову и М. Михайлову, в стихотворении Огарева «Я вам хотел сказать бы много...», в стихотворении Д. Ахшарумова «Гора высокая, вершина чуть видна...». Отдал дань этой теме и Некрасов в «Последних элегиях» — и именно некрасовские стихи явились непосредственным объектом пародии Добролюбова «Рыцарь без страха и упрека».[1]

Добролюбов воспользовался вторым стихотворением цикла «Последние элегии». Стихотворение Добролюбова вдвое длиннее некрасовского, но развитие сюжета совершенно совпадает.

Некрасов	Добролюбов
Я рано встал, недолги были сборы, Я вышел в путь, чуть занялась заря;	Исполнясь мужества и помолившись богу, Я рано выступил в опасную дорогу.
Переходил я пропасти и горы; Переплывал я реки и моря;	*(Символический пейзаж леса, изображающий трудности пути.)*
Боролся я, один и безоружен, С толпой врагов; не унывал в беде И не роптал. Но стал мне отдых нужен, И не нашел приюта я нигде!	Я был один, один... вкруг ни души живой... Но я пошел вперед отважною стопой!

---

[1] Любопытно отметить, что к тому же времени, что и некрасовский цикл, относится стихотворение Добролюбова, начинающееся словами: «Измученный, усталый и больной, Я на крутую гору поднимался». Это стихотворение поначалу как будто той же тематики и того же эмоционального тона, что и названные стихотворения. Но конец его совсем иной. Измученный путник преодолевает малодушное стремление «бежать с высокого пути», собравшись с силами идет дальше, «на верх, покрытый облаками», и достигает заоблачной выси:

Путь был свершен... Я стал в верху горы высокой
И радостно смотрел на горизонт далекий.

Не раз, упав лицом в сырую землю,
С отчаяньем, голодный, я твердил:
«По силам ли, о боже, труд подъемлю?»
И снова шел, собрав остаток сил.

Всё ближе и знакомее дорога,
И пройдено все трудное в пути!
Главы церквей сияют впереди —
Недалеко до отчего порога!

. . . .
Вперед, вперед! Но изменили силы —
Очнулся я на рубеже могилы.

Упал я на траву, смежив в испуге очи...
И долго я лежал недвижно, как мертвец;
Но смирно было все, и встал я наконец.

(Солнечный пейзаж)

И вновь я двинулся... Но что со мною сталось?!.
Нет прежних сил во мне... отвага потерялась...

Конец добролюбовского стихотворения пародирует часть первого стихотворения из «Последних элегий» («Душа мрачна, мечты мои унылы...»):

Но поздно! Я как путник безрассудный,
Пустившийся в далекий, долгий путь,
Не соразмерив сил с дорогой трудной:
Кругом всё чуждо, негде отдохнуть,
Стоит он, бледный, средь большой дороги.

Я стал умней теперь... Все трудности пути
Я опытом узнал... Теперь бы мне идти...
Но дорого мне стал мой опыт безрассудный:
Я силы истощил, и на дороге трудной
С тоской, с презрением к себе теперь стою.

Некрасов был соратником и поэтическим учителем Добролюбова. Это не помешало Добролюбову выступить в журнале Некрасова — не против великого поэта, конечно, но против одного мотива в его поэзии: мотива жалоб и самобичеваний «лишнего человека», «рыцаря на час». Что пародия Добролюбова направлена против этой линии в поэзии, показывает другая разработка того же сюжета —

стихотворение «Презрев людей и мир и помолившись богу...». Это стихотворение более сжато, чем «Рыцарь без страха и упрека», и осложнено пародийным выпадом против другого поэта, которого с гораздо большим основанием, чем Некрасова, можно было считать выразителем настроений «лишних людей» 40-х годов. В этом стихотворении мы находим такие строки:

Я сам не знал, куда и для чего иду,
Я был как будто бы в горячечном бреду,
Лишь веры и любви светильник благотворный
Светил мне на борьбу во тьме неправды черной.
Подъяв чело, я шел бестрепетной тропой
И орошал свой путь чувствительной слезой.

Это — прямой выпад против Плещеева. Ср. следующие строки из его тихотворения «С.......у»:

Да не утратишь ты в борьбе со злом упорной
Всего, чем ныне так душа твоя полна,
И веры и любви светильник животворный
Да не зальет в тебе житейская волна.
Подъяв чело, иди бестрепетной стопою;
Иди, храня в душе свой чистый идеал,
На слезы страждущих ответствуя слезою
И ободряя тех, в борьбе кто духом пал.

Ср. в других стихотворениях Плещеева:

Со злом и тьмой, с неправдой черной
Она зовет теперь на бой
Во имя истины святой.

(«Была пора, своих сынов...»)

Молю, чтоб в сердце не погас
Огонь вражды к неправде черной,
Чтобы к борьбе со злом упорной
Готов был друг твой каждый час.

(«Тобой лишь ясны дни мои...»)

Есть и другие аллюзии на стихи Плещеева.[1] В пародии великолепно вскрыты расплывчатость идеологии, штампованность образов и фразеологии Плещеева. Добролюбов выступил против «грусти бес-

[1] См. примеч. на с. 125.

силия» и туманных элегических призывов к борьбе с неопределенным «злом», характерных для Плещеева. Но своих пародий на Плещеева Добролюбов не напечатал, видимо ценя прошлую деятельность Плещеева — автора «русской Марсельезы» («Вперед без страха и сомненья. . .»), петрашевца, только что освобожденного тогда из многолетней тяжелой ссылки, сотрудника «Современника», с симпатией относившегося к молодому поколению. Как видно из рецензии Добролюбова на стихотворения Плещеева, Добролюбов стремился влиять на Плещеева и надеялся революционизировать его сознание и его творчество.

3

Вторым существенным направлением сатирической деятельности Добролюбова была борьба с реакционно-шовинистической монархической печатью. В «Свистке» она осуществлялась опять-таки в значительной степени в форме стихотворных пародий. Но здесь приходилось быть осторожнее, так как те «поэтические мотивы», которые разрабатывались апологетами самодержавия, находились под бдительной защитой цензуры. На помощь приходит «эзопов язык».

«Монархические» циклы сатир Добролюбова написаны от лица «австрийского поэта Якова Хама» и носят заглавия: «Опыты австрийских стихотворений» и «Неаполитанские стихотворения». Речь в этих стихотворениях идет о событиях войны Австрии с Сардинским королевством 1859 года и Сардинского королевства с Неаполитанским 1860 года. Добролюбов стремится внушить антипатию к австрийской и неаполитанской абсолютной монархии, сочувствие к народному движению гарибальдийцев.

«Неаполитанские стихотворения» интересны как пример связи между сатирой Добролюбова и публицистикой Чернышевского.

Публицистика и сатира — близкие жанры. «Эзоповым языком», иронией, пародированием противника пользовались и публицисты и сатирики, в особенности революционные демократы 60-х годов, которые писали в цензурных условиях, не дававших возможности прямой агитации, но нередко допускавших довольно прозрачные намеки и иносказания. Чем политически острее была тема, тем большего совершенства в «эзоповом языке» она требовала.

В 1859—1862 годах Чернышевский вел в «Современнике» внешнеполитическое обозрение. Относясь с особым сочувствием к освободительному движению в Италии, он часто выражал сочувствие не прямо, а в форме иронического порицания, как бы от лица реакционера-монархиста.

Этот псевдоавтор наделялся определенным характером. Он ярый реакционер, — но лишь до тех пор, пока реакция в силе; чуть только в правительстве одерживают верх либеральные течения или происходит смена власти — он немедленно и круто меняет и мнения и симпатии. Введением такой «авторской маски» достигалась моральная компрометация реакционных взглядов.

Приведу конец обозрения за май 1860 года:

«*P.S. 19 мая.* Прочитав депешу, говорящую, что Гарибальди вступил в Палермо, мы, разумеется, совершенно изменяем свое понятие о сицилийцах и отрекаемся от всего, что говорили о них в предыдущей статье, кроме слов, которыми отдавали справедливость их мужеству. Мы могли порицать их, пока они не достигли успеха. Но успех дела изменяет и название его⟨...⟩ Мы теперь совершенно отрекаемся от столь основательно изложенного нами мнения в защиту неаполитанской системы. Мы теперь прозрели и увидели, что она несостоятельна.

Мы полагали, что это отречение придется нам сделать в следующем месяце. Читатель видит, что развязка пришла быстрее, чем ожидали мы.

P.P.S. Через два часа после предыдущей приписки. Справившись духом от первого потрясения, произведенного в нас известием о взятии Палермо, мы возвращаемся к прежним нашим принципам, от которых легкомысленно отреклись было на минуту. Неаполитанская система хороша. Сицилийцы — ослепленные безумцы. Гарибальди — разбойник. Беззаконие торжествует в Сицилии, может восторжествовать и в Неаполе, как восторжествовало в Тоскане, Парме, Модене, Романье, может восторжествовать на всем Западе. Но мы стоим на скале, которой не коснутся волны его». [1]

Это уже автор-персонаж, «авторская маска», которой недостает только имени.

Образ, возникший в публицистике Чернышевского, Добролюбов конкретизирует, оформляет и развивает в цикле стихотворений «австрийского поэта Якова Хама». Это образ не менее яркий, чем Конрад Лилиеншвагер. Как и «автор» Чернышевского, Яков Хам — ярый монархист и шовинист, восхваляющий сицилийского короля Франческо за то, что

Ни конституции, ни гласности
Не даст он подданным своим.

[1] Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. 8, М., 1950, с. 143—144.

Но когда Франческо пришлось дать вынужденную конституцию, Яков Хам круто меняет фронт и начинает прославлять короля за то, что

Даровал разумную свободу
Он единым почерком пера!

Когда Гарибальди, которого Яков Хам перед тем называл «Исчадье ада, друг геенны, сын Вельзевула во плоти», вступил в столицу Франческо Неаполь, Яков Хам «написал стихотворение, прославляющее военный гений и какую-то сверхъестественную силу Гарибальди».

Но когда дальнейшее продвижение Гарибальди остановилось и войска Франческо одержали даже небольшую победу, Яков Хам пишет «Песнь избавления», в которой вновь клянется в верности королю и кается в своем «ослеплении».

«Это — последнее из доставленных нам стихотворений, — пишет Добролюбов в редакционном примечании, — но весьма вероятно, что теперь, после новых побед Гарибальди, опять произошла перемена и в расположениях поэта».

Некоторые места в стихотворениях Якова Хама даже текстуально близки к пародийной прозе Чернышевского. Ср. с приведенным отрывком следующие строки:

Царит в Италии измена
И торжествует в ней порок:
Тоскана, Парма и Модена
Безумно ринулись в поток;
И силой вражьего восстанья
Из рук святейшего отца
Отъята бедная Романья —
Стад папских лучшая овца! ..

(«Надежды патриота»)

Ужасной бурей безначалия
С конца в конец потрясена,
Томится бедная Италия,
Во власть злодеев предана.
. . . .
Один средь общего волнения,
Как некий рыцарь на скале,
Стоит без страха, без сомнения
Король Франциск в своей земле...

(«Плач и утешение»)

Все оценки строго выдержаны с точки зрения псевдоавтора, показанного и оцененного, так сказать, изнутри.

Чернышевский и Добролюбов стремились внушить русскому читателю революционно-демократические взгляды на итальянские дела, — но не это было главной целью. На примере врагов объединения Италии — абсолютных монархий Австрии и Сицилии — надо было внушить отвращение к абсолютизму вообще и сделать это так, чтобы все оценки читатель перенес непосредственно на русское самодержавие. В циклах стихотворений Якова Хама это сделано тонко.

Об австрийских и итальянских делах говорится специфическими штампами русской казенной фразеологии: «мятежные язы́ки», «своевольства дерзновенные», «отчизна бунтов и крамол», «лавр победный», «громоносные полки» и т. п. Эта специфическая стилистическая атмосфера сразу создает у читателя ощущение второго плана. Австрия и Сицилия становятся как бы цензурными псевдонимами России. «Псевдонимный» характер Австрии в «Австрийских стихотворениях» подчеркнут указанием под стихотворениями, что они переведены с несуществующего австрийского языка. Выдуманное слово «австр»

/Но австру нет иной отрады,
Как непокорных усмирять/ —

очевидно, подстановка обычного в шовинистических стихотворениях слова «росс». Сходство политических режимов и аналогия неудачных войн абсолютных монархий дали Добролюбову возможность пародировать под видом «австрийских» и «неаполитанских» русские военно-шовинистические стихи, в изобилии печатавшиеся во время Крымской войны, в частности стихи Майкова и Хомякова.[1]

Так, например, у Майкова есть стихотворение «Послание в лагерь», где воспевается «гордый идеал России молодой», который «все осязательней и ярче тридцать лет осуществляется под скиптром Николая». В очень близкой к оригиналу пародии («Братьям-воинам») Добролюбов подставляет вместо России Неаполь, а вместо Николая — недавно умершего сицилийского короля Фердинанда. Кончается стихотворение Добролюбова утверждением, что те же отцовские идеалы

Предначертал себе и новый наш Атлант —
Средь бед отечества незыблемый Франческо.

---

[1] Думаю, что самое имя «Яков Хам» образовано (путем разделения и перестановки) из фамилии Хомякова.

Стихотворение Майкова, напечатанное за несколько лет до появления пародии, было достаточно известно и памятно, и, встречая имя Фердинанда там, где у Майкова стоит Николай, читатель легко устанавливал аналогию и между «новым Атлантом» Франческо и Александром II, тоже недавно занявшим престол отца. А это давало возможность развивать те же соответствия в других стихотворениях цикла:

Вкруг трона вьется там гирлянда
Мужей испытанных, седых,
Хранящих память Фердинанда
В сердцах признательных своих.
К Франциску им открыты двери,
Страною правит их совет,
И вольнодумству Филанджьери
Нет входа в царский кабинет!

(«Надежды патриота»)

Неаполитанское королевство здесь не просто аллегория; все факты и отношения соответствуют действительности. Но структура сатир такова, что читатель переносит все выводы и впечатления на Россию, на русские аналогии.

6

Из сказанного видно, что наиболее сильным методом поэтической сатиры Добролюбова была пародия. Пародию можно назвать своеобразной художественной формой критической оценки — и критику Добролюбову эта форма поэтической сатиры была особенно близка. Анализ пародий Добролюбова углубляет наше понимание его взглядов на творчество современных ему поэтов, например Майкова или Плещеева, о которых в своих критических статьях и рецензиях он говорил мало или сдержанно.

Даже те стихотворения, в которых нет стремления высмеять то или иное литературное явление, часто пишутся Добролюбовым в форме комического перепева. Так «Грустная дума гимназиста» перепевает лермонтовское «Выхожу один я на дорогу». «Чернь» — пушкинскую «Чернь», «Пока не требует столицы. . .» — пушкинского «Поэта», «Наш демон» — пушкинского «Демона», «Мое обращение» — пушкинские «Стансы», «Романс М. П. Погодину» — романс на слова Ростопчиной «Когда б он знал. . .». Но, разумеется, наибольшей силы Добролюбов-пародист достигает не тогда, когда форма пародии, не связанная прямо с сатирическим содержанием, дает лишь возможность дополнительного комического эффекта, а тогда, когда, разоблачая враждебную идеологию, Добролюбов в то же

время высмеивает и литературные формы, прямо связанные с этой идеологией. Мы видели, как Добролюбов бьет «обличительство» пародиями на Розенгейма, либерализм — пародиями на Плещеева, шовинизм — пародиями на Хомякова и Майкова.

Но в дворянской поэзии конца 50-х годов эти мотивы не являлись преобладающими. Идеям революционной демократии лагерь дворянских поэтов противопоставлял не столько реакционные или либеральные идеи, сколько стремление вообще уйти от каких бы то ни было идей, связанных с социально-политической жизнью. Знамя поэтов как реакционного, так и либерального направления — это знамя «чистого искусства». Демократическая критика требовала от литературы отражения жизни в ее существенных чертах, требовала объяснения и оценки жизни. Противники демократической критики протестовали против такого «снижения» задач литературы, в особенности поэзии. Они утверждали, что поэзия связана лишь с «вечным идеалом красоты», что всякая злободневность профанирует поэзию, выводя ее из круга ее подлинных задач, что ничто прекрасное и долговечное не может быть создано на почве «временных», «случайных», «злободневных» интересов. «Вечными» темами признавались прежде всего темы природы и любви, которые по преимуществу и разрабатывались «чистыми» поэтами. Не возбранялась и «поэзия мысли»; лишь бы размышления поэта касались «вечных» вопросов бытия, а не конкретных, насущных социально-политических проблем.

Добролюбов не мирился с тем, чтобы поэзия базировалась на каких-то иных эстетических основах, чем проза. Он писал: «Роман, создание нового времени, наиболее распространенный теперь изо всех видов поэтических произведений, прямо вытек из нового взгляда на устройство общественных отношений, как на причину всеобщего разлада, который тревожит теперь всякого человека, задумавшегося хоть раз о смысле своего существования. В лирике нашей мы видели до сих пор только начатки и попытки в этом роде; но отсюда вовсе не следует, чтобы новое содержание поэзии было недоступно для лирики или несовместно с нею. Нет, оно рано или поздно овладеет всей областью поэзии: оно одушевит собою и лирику...».[1]

Добролюбов сурово относился к «воздушной, прилизанной, идеальной» лирике «чистых» поэтов, разоблачая ее узость, бесплодность, идейную мизерность и зачастую искусственность.

Как сатирик Добролюбов и в борьбе с «чистой поэзией» прибегает к своему любимому методу — пародии.

---

[1] Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений, т. 6, М.—Л., 1963, с. 177.

«Чистая поэзия» была далеко не чиста от эротизма; этот эротизм Добролюбов подчеркивает в стихотворении «Первая любовь» — пародии на известное стихотворение Фета «Шепот, робкое дыханье». В стихотворении «Мои желания», пародирующем одноименное стихотворение К. Случевского, Добролюбов разоблачает претенциозную позу поэта-мудреца, вещающего о своих мыслях и чувствах, якобы глубоких, а по существу напыщенных и искусственных. Сильный выпад против ложного поэтического глубокомыслия представляет стихотворение «Жизнь мировую понять я старался. . .». Это — пародия на Майкова. Майков в особенности выдвигался апологетами «чистого искусства» в борьбе с искусством «дидактическим». Ведущий теоретик «чистого искусства» Дружинин в статье по поводу выхода собрания стихотворений Майкова (1858) возвел Майкова в ранг поэта-мыслителя. «Он сумел, — писал Дружинин, — проложить себе дорогу и в мире высоких помыслов доискаться того лиризма, которым его натура не была богата в первую пору развития».[1] Добролюбов ставит своей задачей опровергнуть эту оценку и своей пародией демонстрирует поэзию Майкова именно как дидактическую, показывает, что «высокие помыслы» Майкова — это «бездушные аллегории», «натянутые приноровления».[2] Пародия Добролюбова очень своеобразна. Он берет не одно какое-нибудь стихотворение Майкова, но целый ряд его стихотворений, вошедших в собрание 1858 года. Сжимая содержание каждого из пародируемых стихотворений до двух — четырех строк, Добролюбов как бы выделяет основную мысль каждого стихотворения; сопоставляя эти основные мысли, он чрезвычайно обобщает и усиливает свое нападение на творчество Майкова. Творческий метод Майкова демонстрируется как метод сухого и почти механического аллегоризма.[3]

Добролюбов в своей пародии не только дает мотивированную критическую оценку, но и полемизирует с антагонистической критикой. Он подчеркивает, что и либеральная поэзия, и реакционная поэзия, и поэзия якобы «чистая» от политических тенденций — все это внутренне близкие разновидности одного направления — дворянской поэзии. Эту близость Добролюбов демонстрирует, приписывая произведения разных типов дворянской лирики одному и тому же поэту-псевдоавтору. Уже в цикл Конрада Лилиеншвагера «Мотивы совре-

---

[1] А. В. Дружинин, Собрание сочинений, т. 7, СПб., 1865, с. 514.

[2] Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений, т. 5, М.—Л., 1962, с. 141, 140.

[3] См. сопоставления текстов Добролюбова и Майкова в примеч. 127.

менной русской поэзии» включены, наряду с обличительными, и стихи о природе, в которых поэт воспевает времена года, «всем явлениям природы придавая смысл живой». Но специально тема внутренней близости всех жанров и течений дворянской поэзии разработана в цикле «Юное дарование, обещающее поглотить всю современную поэзию». Здесь создан новый псевдоавтор — Аполлон Капелькин. Имя, вероятно, намекает на Аполлона Майкова, получившего прозвище «флюгер-поэт». Начав с «антологических» стихотворений, демонстративно отдаленных от всякой «злободневности», Майков затем писал поэмы в духе «натуральной школы», потом прославлял Николая I, после Крымской войны написал ряд либерально-дидактических стихотворений и, наконец, прочно осел в реакционном лагере. В цикле «Юное дарование» Добролюбов пародирует и произведения «чистой поэзии», и националистические, и либерально-обличительные, и либерально-покаянные стихотворения. Печатая все эти стихи под фамилией одного поэта, Добролюбов хочет показать общность их корней и как бы психологическую возможность совмещения их всех в творчестве одного поэта. При этом свои разнородные пародии Добролюбов располагает в хронологическом порядке от 1853 до 1859 года (каждое стихотворение датировано следующим годом), стремясь этим приемом разоблачить изменчивость и беспочвенность общественных настроений, отразившихся в дворянской поэзии того времени.

С «чистым искусством» Добролюбов борется как с одной из ветвей антиреволюционной идеологии. Сатира Добролюбова — выдающийся образец политической сатиры, служащей революционным целям, порожденной этими целями, органически связанной с ними, обусловленной ими в самой своей художественной концепции.

Об этих революционных целях своей сатиры Добролюбов говорит обычным «эзоповым языком» в своем последнем «свистковском» стихотворении («„Свисток“ ad se ipsum»), появившемся в журнале уже после смерти автора:

А впрочем, читатель ко мне благосклонен,
И в сердце моем он прекрасно читает:
Он знает, к какому я роду наклонен,
И лучше ученых мой свист понимает.
Он знает: плясать бы заставил я дубы
И жалких затворников высвистнул к воле,
Когда б на морозе не трескались губы
И свист мой порою не стоил мне боли.

Б. Бухштаб

СТИХОТВОРЕНИЯ

1854—1861

1. НА 50-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ
ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ГРЕЧА

Вниманьем высшего начальства
Заслуги ваши почтены;
Достигли вы до генеральства,
Вас все российские сыны

Достойно чтут как патриота
И как творца учебных книг...
В своих грамматиках без счета
Терзали вы родной язык;

Вы в географии мешали
Восток и Запад меж собой;
Фаддея с Гоголем равняли,
Уча словесности родной...

Вы и историю нам дали,
Чужой издавши перевод,
Где много мест вы пропускали,
Чтобы не знал их наш народ...

И на позорище журнальном
Вы подвизались много лет:
Кто чище вас — вы звали сальным,
Ложь правдой звали, мраком — свет.

Заслуг таких не мог, конечно,
Ваш добрый барин позабыть, —
И вот он дал чистосердечно
Свое согласье — вас почтить

Формально громким юбилеем,
Как *генерала* подлецов.
«И мы, дескать, ценить умеем
Заслуги преданных рабов!»

И рад наш Греч... Одушевились
Его бездушные черты.
В душонке мелкой зароились
Честолюбивые мечты.

Мечтает он, как сонм ученых
Придет труды его почтить
И на сединах посрамленных
Венок бессмертья возложить...

Мечтает с радостным волненьем
О близком часе торжества,
О том, как к поздним поколеньям
О Грече перейдет молва.

Он мыслит: не противореча,
Русь примет торжество мое
И не поймет, что праздник Греча
Есть униженье для нее...

И рад наш Греч... Но рано, рано
Ты поднял знамя торжества!
Не всем довольно слов тирана,
Чтобы признать твои права!

Ты хочешь в славе и почете
К потомству перейти на суд.
Не ошибись, мой друг, в расчете:
Тебя поняли и поймут!..

Скажи нам, немец обруселый,
Что для России ты свершил?
Когда и в чем ты в век свой целый
Любовь свою к ней проявил?

В те дни, как русские спасали
Родную Русь от чуждых сил,
В патриотическом журнале
Ты лишь ругался или льстил.

Ни разу голос благородный
Из уст твоих не прозвучал.
Любви к стране нашей природной
Ты, как пришлец, не понимал.

И вслед за тем, когда Россия
Вдруг пробуждаться начала,
Когда понятия живые
Европа нам передала,

Когда к нам светлый луч познаний
Сквозь мрак невежества проник, —
То сколько пошлой, грубой брани
Изверг поганый твой язык?..

Всё, в чем дышала мысль живая:
Любовь, свобода, правда, честь —
Чиновный дух твой возмущая,
В тебе нашло вражду и месть.

Затем, что чести был приятней
Тебе державный произвол, —
И, льстя ему, ты благодатно
Всю жизнь позорную провел.

С другим мошенником связавшись,
Составив шайку подлецов,
Судьей в словесности назвавшись,
Метал ты громы глупых слов

На гениальные созданья,
В них видел ложь и пустоту, —
Фаддея ж пошлому маранью
Придал и ум и красоту.

Поляк и немец, — вы судили
О русском слове вкривь и вкось —
И патриотами прослыли,
Хваля Россию на авось.

Весь *брак* литературы нашей, —
Всё, что в ней пошло и подло, —
Всё к вам сошлось в газете вашей,
Всё дичь свободно понесло.

Князь Вяземский, поэт продажный,
Брант, не писатель — журналист,
И Зотов — романист отважный,
Масальский — поздний фабулист,

И Розен — тот, кому доныне
Под лад язык наш не дался,
Сушков, взывающий в пустыне,
И А. А. А., и Я. Я. Я.

Но с этой братией убогой
Успеха не могло вам быть...
Явился Пушкин... Суд ваш строгой
Его не мог уж уронить...

Явился Гоголь... За живое
Он вас, Тряпичкиных, задел.
Ругались вы, но бранью злою
Уж не могли поправить дел.

И знает вас теперь Россия —
Известны ваши все дела —
И ваши личности седые
Судьба презренью предала.

Твой друг, безграмотный писака,
Легко презрение сносил,
Но ты, поборник лжи и мрака,
Ты путь другой себе открыл.

Как раб, как червь, ты пресмыкался,
Позорно ближних продавал,
И всё за честью ты гонялся,
Хоть честь давно ты потерял.

И вот добился! .. По прошенью
Твоих протекторов-друзей,
Заслуг твоих в вознагражденье,
Тебе назначен юбилей...

Твоя почетная известность
Решеньем тех утверждена,
Кому вся русская словесность
Есть незнакомая страна.

И вот, по общему решенью,
Взялись чиновные друзья
Собрать на праздник приношенья
От почитающих тебя.

Но тот, кто с Пушкиным, Крыловым
И с Гоголем век другом был,
Он прежде всех презренья словом
Твой пошлый праздник заклеймил.

За ним все те, кто уважает
Науку, правду и себя,
Не слышат зова — презирают
И этот праздник и тебя.

И ты остался лишь с толпою
Писак да нескольких людей,
Давно задобренных тобою...
Скажи, прекрасный юбилей!

А чтоб он был еще прекрасней,
Прими приветствие мое...
И прокляни, мой Греч несчастный,
Высокомерие свое...

Мой стих жестокий за тобою
Пусть будет бегать, будто тень...
Пусть он не даст тебе покою,
Тебя тревожит каждый день...

Пусть будешь ты кричать, беситься,
Начнешь бессмысленную речь...
Но даже мщеньем насладиться
Не можешь ты, бедняжка Греч!..

Презрение других — безмолвных —
Легко отсюда ты поймешь,
И у друзей своих чиновных
Ты утешенья не найдешь.

И даже твой державный барин
Отвергнет твой молящий стон...
Лишь твой достойный друг Булгарин
Напишет громкий фельетон!..

Декабрь 1854

2

Любовь и братство нас собрали,
Мы вечер дружно провели,
Свободу мы провозглашали
И пели тост крамбамбули.

Тут был степенный Ч⟨ерняковск⟩ий
И Добролюбов, ваш поэт,
Женоподобный Ш⟨емановск⟩ий,
Nommé Marie-Antoinette.[1]

Б⟨уренин⟩, Б⟨ордюг⟩ов был с нами,
Противник некоторых мер,
И ярый С⟨идор⟩ов с мечтами,
Наш Мирабо, наш Робеспьер.

Был Тарановский возмутитель
И предприимчивый Щ⟨егло⟩в,

---

[1] Прозванный Марией-Антуанеттой (франц.). — *Ред.*

Паржницкий — наш распорядитель,
С сердитым взглядом Л — ов.

. . . .

Еще был с нами Р⟨адонежск⟩ий,
Но он был с нами — мы не с ним.
Буй-тур из пущи Беловежской —
Он чужд стремлениям людским.

Простим ему — ведь он художник, —
Живет он сердцем, не умом.
На деле тоже он безбожник,
Хотя не признается в том.

. . . .

Конец декабря 1854

3. ДУМА ПРИ ГРОБЕ ОЛЕНИНА

Перед гробницею позорной
Стою я с радостным челом,
Предвидя новый, благотворный
В судьбе России перелом.

О славном будущем мечтаю
Я для страны своей родной,
Но о прошедшем вспоминаю
С негодованьем и тоской.

На муки рабства и презренья
Весь род славянский осужден,
Лежит печать порабощенья
На всей судьбе его племен.

И Русь давно уж подчинилась
Иноплеменному ярму,
Давно безмолвно покорилась
Она позору своему.

В цари к нам сели скандинавы,
Теснили немцы нас. Царьград
Вносил к нам греческие нравы
И всё вертел на новый лад.

Потом, при этом рабстве старом
Доставшись новым господам,
Русь в пояс кланялась татарам
И в землю — греческим попам.

Сперва под игом Русь стонала.
Кипело мщение в сердцах,
Но рабство и тогда сыскало
Себе защитников в попах.

«Покорны будьте и терпите, —
Поп в церкви с кафедры гласил, —
Молиться богу приходите,
Давайте нам по мере сил...»

Века промчались. Поколенья
Сменялись быстрой чередой,
В повиновеньи и терпеньи
Нашли обманчивый покой.

Природными рабами были
Рабы, рождаясь от рабов,
И, как веленья бога, чтили
Удар кнута и звук оков.

И пред баскаками смиренно
Князья их падали во прах...
Но гибнет мощь татар мгновенно
В домашних распрях и войнах.

Орда разбилась, Русь свободна...
Но с рабством русские сжились —
Они, не умствуя бесплодно,
От воли сами отреклись.

Зато князья, увидев ясно,
Что не рабы они теперь,
Принялись править самовластно,
С господ ордынских взяв пример.

Как из лакеев управитель,
Как дворянин из мужиков,
Таков же вышел повелитель —
Царь-самодержец из рабов.

И деспотизмом беззаконным
Доселе Русь угнетена,
И до сих пор в забытьи сонном
Молчит и терпит всё она.

Царь стал для русских полубогом,
Как папа средневековой;
Но не спокойствия залогом
Был он, а гибельной грозой.

Но пусть бы так!.. Еще России
Полезны дядьки и лоза,
Пусть предрассудки вековые
Рассеет царская гроза;

Пусть сказки нянек царь прогонит,
Пусть ум питомца развернет,
Сомненья искру в нем заронит,
К любви к свободе приведет.

Тогда пусть правит. Но неведом
Ему язык высоких дум,
Но чужд он нравственным победам,
Но груб и мелочен в нем ум.

Но шесть десятков миллионов
Он держит в узах, как рабов,
Не слыша их тяжелых стонов,
Не ослабляя их оков.

О Русь! Русь! Долго ль втихомолку
Ты будешь плакать и стонать
И хищного в овчарне волка
«Отцом-надеждой» называть?

Когда, о Русь, ты перестанешь
Машиной фокусника быть?
Когда проснешься ты и встанешь,
Чтобы мучителям отмстить?

Проснись, о Русь! Восстань, родная!
Взгляни, что делают с тобой!
Твой царь, себя лишь охраняя,
Сам нарушает твой покой.

И сам в когтях своих сжимая
Простых и знатных, весь народ,
Рабов чиновных награждая,
Такое ж право им дает.

И раб разумно рассуждает:
«Я сам покорствую царю;
Коль он велит, то умолкает
Честь, разум, совесть; я творю,

И раб мой, ползая во прахе,
Пусть, что велю ему, творит:
Пусть в угнетении и страхе
И ум и совесть заглушит.

Он мой. Он должен отступиться
От прав, от чести, от всего...
Он для меня живет, трудится;
Мои — плоды трудов его!»

И в силу мудрого решенья
Он мучит бедных мужиков,
Свои безумные веленья
Законом ставя для рабов.

Какой-нибудь крючок приказный,
За подлость «статского» схватив;
Солдат бессмысленный и грязный,
Дворянство силою добыв;

Князь промотавшийся, мильоны
Взяв за купеческой женой;
Безвестный немец, жид крещеный,
Нажившись на Руси святой, —

Все ощущают вдруг стремленье
Душами ближних обладать,
Свое от высших униженье
Чтоб на подвластных вымещать.

И хладнокровно приступает
К позорной купле старый плут.
И люди братьев покупают!..
И люди братьев продают!..

Ужасный торг. Он — поношенье
Покупщикам и продавцам,
Царю и власти униженье,
Всему народу стыд и срам.

Какой закон, какое право
Торг этот могут оправдать?
Какие дикие уставы
Дозволят ближних продавать?

Не ты ль, наш царь, с негодованьем
Продажу негров порицал?
Филантропическим воззваньем
Не ты ль Европу удивлял?

А между тем в твоей России
Не негры, пленники войны, —
Свои славяне коренные
На гнусный торг обречены.

Скажите, русские дворяне,
Какой же бог закон изрек,
Что к рабству созданы крестьяне
И что мужик не человек?..

Весь организм простолюдина
Устроен так же, как у вас,
Грубей он, правда, дворянина,
Зато и крепче во сто раз.

Как вы, и душу он имеет,
В нем ум, желанья, чувства есть;
Он их высказывать не смеет,
Но и за это — вам же честь!

Свободы мысли и желанья
Его лишили; этот дар,
Всех человеков достоянье,
Ему неведом: он товар.

О нем спокойно утверждают,
Что рабство у него в крови, —
И те же люди прославляют
Ученье братства и любви.

Сыны любимые Христовы,
Они Евангелие чтут
И однокровного родного
Позорно в рабство продают.

И что за рабство! Цепь мучений,
Лишений, горя и забот;
Не много светлых исключений
Представит горький наш народ.

Всё в угнетеньи, всё страдает,
Но всё трепещет и молчит,
Лишь втайне слезы проливает
Да тихо жалобы твердит.

Но ни любви, ни состраданья
Нет в наших барах-палачах,
Как нет природного сознанья
О человеческих правах.

На грусть, на плач простолюдина
Они с презрением глядят;
Рабы в руках их все — машина,
Они вертят ей, как хотят.

Помещик в карты проиграет —
Завел машину: «Дай оброк!»,
И раб последнее сбирает,
Скрыв в сердце горестный упрек.

Но если бедный, разоренный
Неурожаем мужичок,
Большой семьей обремененный,
Не в силах выплатить оброк?

Так что ж! пусть мерзнет, голодает,
Пусть ходит по миру с семьей;
Свои права помещик знает
Над крепостной своей душой:

Он у раба возьмет корову,
Отнимет лошадь, хлеб продаст
И в назидание сурово
Ему припарку в спину даст.

И раб покорен, как машина,
Но хочет он и есть и пить,
И не во власти господина
В нем чувства тела истребить.

Меж тем и хлеб дневной не может
Он, как хотелось бы, иметь:
Гнилую корку часто гложет,
Пустые щи — его обед.

Изба соломою покрыта,
В ней тараканы, душь и смрад, —
И вот всё доброе забыто,
Мужик пускается в разврат.

Пустеет хата, плачут дети,
Муж с горя пьет да бьет их мать;
Не силен страх господской плети —
У них уж нечего отнять.

И наконец мужик несчастный,
Уже негодный для господ,
Для муки новой и ужасной
К царю в солдаты попадет.

Еще счастлив, когда он может
Мгновенно в битве умереть,
Но чаще в гроб его уложат
Труд, горе, бедность, розги, плеть.

Одно лишь крепкое сложенье
Да мысль, что так велит судьба,
С привычкой давнею к терпенью
Спасают русского раба.

Лишь русский столько истязаний
С терпеньем может выносить,
Лишь он среди таких страданий
Спокойно может еще жить.

Но есть ужасные мученья,
Невмочь и русскому они,
И большей части населенья
Они в России суждены.

Проступок легкий и ничтожный
И даже мнимая вина,
В чем мысль и правду видеть можно,
Всегда жестоко казнена.

Не может барину свободно
Всей правды высказать мужик;
Не может мыслить благородно,
Боясь бессовестных владык.

Не может барину ответить
На вздор и грубости его;
Не смеет даже он приметить
Уничиженья своего.

Владеть имуществом не смеет,
Не волен даже сам в себе,
Затем что барин им владеет,
Он господин в его судьбе.

И даже брачных наслаждений
Раб часто барином лишен:
Тиран для скотских похотений
Берет детей, берет их жен.

Считая барина священным,
Каким-то высшим существом,
Мужик пред деспотом презренным
Поникнет телом и умом.

А тот собаками для шутки
Начнет несчастного травить;
Велит в мешок на трои сутки
По горло вплоть его зашить;

Иль на дворе в крещенский холод
Водой холодной обольет,
Или на жажду и на голод
Дня три-четыре предает;

Заставит голыми руками
Из печки угли выгребать
Иль раскаленными щипцами
На теле кожу припекать;

Льет кипяток ему на руки,
Сечет плетьми по животу...
Но все их казни, все их муки
Я никогда не перечту.

Одну ужасную картину
Запомнил я до этих пор —
Как раз к вельможе-господину
Рабы являлись на позор.

С тупым, но злобным выраженьем,
С самодовольствием в лице,
К рабам проникнутый презреньем,
Сидел он гордо на крыльце.

И вот идут к нему в ворота,
Без шапок, кучка мужиков;
Грызет их бедность и забота,
Довольства нет в них и следов.

Печально, робкими шагами
Они к тирану их идут,
Стараясь угадать глазами,
Чтó, гнев иль милость, в нем найдут.

«Скоты! все станьте на колена!» —
Вдруг крикнул барин. Мужики
Со страхом падают; их члены
Дрожат, и чувства их горьки.

Они пришли сюда с прошеньем,
Чтоб их палач повременил
Оброк с них драть с ожесточеньем,
Но сразу он их поразил.

Все в землю стукаются лбами
И на коленях все ползут.
Зачем? Они не знают сами,
Им на язык слова нейдут.

А он, смотря на них спесиво,
Дает им ближе подползать
И, точно папа, горделиво
Велит сапог свой лобызать.

Все исполняют. Лишь несчастный
Один остался средь двора —
И стал, бессмысленный, бесстрастный...
Теперь пришла его пора.

«Сюда!» — прикрикнул барин гневно.
Земной поклон ему мужик
И говорит ему плачевно:
«Отсохни, барин, мой язык!

Ей-богу, ноженьки разбило,
Тронýться с места не могу!
Я чуть доплелся. Кабы сила,
Тогда я первый прибегу».

С лицом больным, изнеможенным,
Дрожащий, бледный и худой,
Со взором тусклым, помраченным,
Был жалок он своей тоской.

Но барин крикнул: «Притащите
Его ко мне!» И вот мужик
Притащен... «Барин, пощадите!»
Но он щадить их не привык.

Вскочив, он начал кулаками
Бить в грудь и в щеки мужика
И, сбивши с ног, топтал ногами,
Толкал пинками под бока;

Потом за чуб поднял и снова
Его хлестать стал по щекам
И, в кровь избивши, чуть живого
На руки бросил мужикам

И приказал, чтоб двести палок
Ему приказчик завтра дал,
Но завтра раб был меньше жалок:
Несчастный *завтра* не видал...

Запомнил я в душе смятенной
Его страдальческую тень...
Зовет она борьбы священной,
Суда и мщенья грозный день.

И, может, дружным, громким криком
Ответит Русь на этот зов,
И во дворянстве полудиком
Взволнует он гнилую кровь.

И раб, тиранством угнетенный,
Вдруг от апатии тупой
Освободясь, прервет свой сонный,
Свой летаргический покой.

И встанет он в сознаньи права,
Свободной мыслью вдохновлен,
И гордых деспотов уставы,
Быть может, в прах низвергнет он.

Отмстит он им порабощенье
Свободы равных им людей,
Свои беды и поношенье
Крестьянских жен и дочерей.

Восстанет он, разить готовый
Врагов свободы и добра, —
И для России жизни новой
Придет желанная пора.

Уже в ней семя мысли зреет,
Стал чуток прежний мертвый сон,
Зарей свободы пламенеет
Столь прежде мрачный небосклон.

И друг за другом грезы ночи
При свете мысли прочь летят,
И всё бледней и всё короче
Видений сонных пестрый ряд.

Без малодушия, боязни
Уж раб на барина восстал
И, не страшась позорной казни,
Топор на деспота поднял.

Вооружившись на тиранство,
Он вышел с ним на смертный бой
И беззаконному дворянству
Дал вызов гордый и прямой.

За право собственности личной,
За душу наконец он встал:
«Я не товар для вас обычный,
Душа — моя! — он им сказал. —

Протек для русского народа
Тьмы и тиранства долгий век!
Я жить хочу, хочу свободы!
Я равен вам, я — человек!»

И пусть во всех концах отчизны
То слово мощно прозвучит,
Пусть всех возбудит к новой жизни
И гибель рабству возвестит!

И пусть злодеи затрепещут
И в прахе сгибнут навсегда,
И ярким светом пусть заблещет
Величья русского звезда.

Вставай же, Русь, на подвиг славы, —
Борьба велика и свята!..
Возьми свое святое право
У подлых рыцарей кнута...

Она пойдет!.. Она восстанет,
Святым сознанием полна,
И целый мир тревожно взглянет
На вольной славы знамена.

С каким восторгом и волненьем
Твои полки увижу я!
О Русь! с каким благоговеньем
Народы взглянут на тебя,

Когда, сорвав свои оковы,
Уж не ребенком иль рабом,
А вольным мужем жизни новой
Предстанешь ты пред их судом.

Тогда республикою стройной,
В величьи благородных чувств,
Могучий, славный и спокойный,
В красе познаний и искусств,

Глазам Европы изумленной
Предстанет русский исполин,
И на Руси освобожденной
Яви́тся русский гражданин.

И в царстве знаний и свободы
Любовь и правда процветут,
И просвещенные народы
Нам братски руку подадут.

Начало 1855

4. 18 ФЕВРАЛЯ 1855 ГОДА

По неизменному природному закону,
События идут обычной чередой:
Один тиран исчез, другой надел корону,
И тяготеет вновь тиранство над страной.

И ни попыткою, ни кликом, ни полсловом
Не обнаружились трусливые сердца,
И будут вновь страдать при сыне бестолковом,
Как тридцать лет страдали от отца.

Да, тридцать лет почти терзал братоубийца
Родную нашу Русь, которой он не знал,
По каплям кровь ее сосал он, кровопийца,
И просвещенье в ней цензурою сковал.

И не поняв, что только в просвещеньи
Народов честь, и мощь, и благо, и покой,
Все силы напрягал он для уничтоженья
Стремлений и надежд России молодой.

Что жизнью свежею цвело и самобытной,
Что гордо шло вперед, неся идеи в мир,
К земле и к небу взор бросая любопытный, —
Он всё ловил, душил, он всё ссылал в Сибирь.

Всю жизнь стремился он, чтоб сделать Русь машиной,
И точно — упростил правленья механизм:
Вельмож и мужиков бил в голову дубиной
И возвеличил лишь военный деспотизм.

Он грабил нашу Русь, немецкое отродье,
И немцам предавал на жертву наш народ,
Без нужды он привлек к нам ратное невзгодье,
Других хотел губить, но сам погиб вперед.

И в день всерадостный его внезапной смерти
Сын хочет взять себе его за образец?!
Нет, пусть тебя хранят все ангелы и черти,
Но нас не будешь ты тиранить, как отец!

Пора открыть глаза уснувшему народу,
Пора лучу ума блеснуть в глухую ночь,
Событий счастливых естественному ходу
Пора энергией и силою помочь.

Не правь же, новый царь, как твой отец ужасный!
Поверь: назло царям, к свободе Русь придет.
Тогда не пощадят тирана род несчастный
И будет без царей блаженствовать народ.

18 февраля 1855

5. МОЕ ОПРАВДАНИЕ

Кто не страдал и кто не ошибался,
Тот цену истины и счастья не узнал.
Кто за мечтой безумной не гонялся,
Кто не слагал в душе свой гордый идеал —
Тот холоден и к истине священной,
И на призыв добра не отзовется он.
Бесчувственно, как раб, в душе растленный,
Он будет исполнять предписанный закон...
При случае ж житейские расчеты
Он предпочтет любви, и долгу, и добру.
И никогда духовные заботы
В ту душу не войдут сквозь грубую кору!..

Но кто страданьем в жизни был испытан,
Взял с бою каждый шаг на жизненном пути;
Чей долг — не выслушан и не прочитан,
А выстрадан, прожит, прочувствован в груди;
Кто тяжкою борьбой добыл сознанье
О чести истинной и истинном добре;
Чей одр облит слезами покаянья,
Кто выработал мысль в нестройной чувств игре:
Тот верен будет правым убежденьям,
С любовью им всю жизнь, все силы посвятит,
И веры и добра священные внушенья
Он в плоть и кровь свою навеки претворит!..

4 мая 1855

6. МОЕ НАКАЗАНИЕ

Как-то больно и стыдно становится,
Как подумаю я лишь *о том*...
Будто лютая казнь мне готовится,
Будто жгут меня адским огнем!..

От преступного в сердце сознания
Я в мученьи, я весь трепещу,
И напрасно от злого страдания
Всюду я облегченья ищу...

Грозный голос проснувшейся совести
Мне грозит и в ночи и средь дня —
И в мучительной дел моих повести
Предо мной обвиняет меня!..

5 мая 1855

7

Измученный, усталый и больной,
Я на крутую гору поднимался...
Путь шел к концу, и я в мечте живой
Уж над вершиной грозной возвышался,
Смотрел на мир, лежащий подо мной,
И пройденным пространством любовался...
А надо мной меж тем чернела грозно туча,
И всход чем далее — всё становился круче...

Я шел... Но чем я выше восходил,
Тем менее я видел пред собою...
И скоро мрак от глаз моих сокрыл
И путь, с таким трудом пройденный мною,
И путь, который предо мною был...
А тучи стали прямо над главою.
И думал я бежать с высокого пути
И снова к золотой средине перейти.

Но я пошел, воспрянувши душой,
Опять на верх, покрытый облаками,
И вдруг прорвал своею головой
Одно из них, и вижу — пред глазами
Раскинулся свод неба голубой
С своими вечными живыми красотами...
Путь был свершен... Я стал в верху горы высокой
И радостно смотрел на горизонт далекой.

28 мая 1855

8—9. *НА КАРИКАТУРЫ СТЕПАНОВА*

1

Что нам смотреть карикатуры
На наших западных врагов?..
Да наша Русь вся и в натуре
Есть с иностранных образцов
Карикатурная гравюра...

2

Между дикарских глаз цензуры
Прошли твои карикатуры...
И на Руси святой один
Ты получил себе свободу
Представить русскому народу
В достойном виде царский чин!..

Между концом марта
и серединой июня 1855

10. ДРУЗЬЯМ В РОССИИ

Из Мицкевича

Вы вспоминаете ль меня? А я мечтаю
Всегда о вас, когда моих друзей
Изгнанья, смерть и ссылки вспоминаю;
Хоть чуждые, но вы родны душе моей.

Где ж вы теперь? Погиб Рылеев непокорный...
Вкруг шеи той, что я в объятиях моих
Как брат сжимал, обвился шнур позорный...
О, проклят ты, народ, бич избранных своих!

Меч отнят и перо у воина-поэта,
Бестужев в рудниках, в тележку запряжен,
И той рукой, что мне давал он в знак привета,
Там, рядом с поляком, руду копает он...

Другим же, может, казнь еще лютей: в позоре
⟨Чинов⟩ и орденов предал царю иной
Свой дух, и счастье ждет он в милостивом взоре
И бьет порог царя покорной головой.

Наемным языком его триумфы хвалит,
И злобно тешится страданьями друзей,
И в родине моей, ⟨моей⟩ же кровью залит,
Как честью, хвалится проклятьем Польши всей.

О, если с Запада, от вольного народа,
Унылый стих мой к вам на Север долетит
И в небе прозвучит, над краем льдов, свободу,
Пусть, как журавль, весну он вам предвозвестит.

Знаком вам голос мой... Опутан быв сетями,
Я, с хитростью змеи виясь, тирану льстил;
Но душу и тогда раскрыл пред вами —
Для вас, друзья, всегда я прост, как голубь, был.

Теперь открыто я излил отравы чашу,
И жгуч и едок яд моих горячих слов:
И слезы высосал и кровь он Польши нашей,
Пусть же сосет и ест — не вас — а вашу сталь оков!

Когда ⟨ж на⟩ речь любви ответит кто мне бранью,
Как лай цепного пса приму я эту брань,
Который, полюбив цепей своих бряцанье,
Кусает их с него срывающую длань.

Между мартом и сентябрем 1855

11. К РОЗЕНТАЛЮ

Привет тебе за подвиг благородный,
Привет тебе, несчастный Розенталь!
Поборник истины, друг вольности народной —
За братий ты восстал, ты понял их печаль,

Узнал страданья их и, мыслию свободной
Прозрев грядущих лет в таинственную даль,
Сказал рабам томящимся: «Пора!
Идем во имя чести и добра!

Прервите, братья, сон, столь тягостный и черный!
Мы люди все, мы ра́вны меж собой!..
Расстаньтесь же с своей беспечностью покорной
И с мочью нравственной идите в грозный бой
Не на врагов царя, а на тот сонм позорный,
Что продал и купил жизнь вашу и покой!!..»
И разбудил ты дремлющих рабов...
И пострадал за пламенный твой зов!

Но злостный суд насильственных законов,
Молвы людской поспешный приговор,
Насильно вырванный крик рабских легионов,
И смерть, и казни злой обманчивый позор
Да не смутят тебя, да не исторгнут стонов
Из гордой груди; пусть блеснет грозой твой взор.
Под бременем тернового венца
Враги пусть видят силу без конца!

Пусть гибнешь ты для страждущего света,
И гибнешь, замысла святого не свершив,
Но верь: речам твоим не сгибнуть без ответа,
Вся Русь откликнется на звучный твой призыв.
Бронею истины, щитом любви одета,
Мечом свободы руку ополчив,
Она пойдет на внутренних врагов
И отомстит им горько за рабов!..

И в торжестве любви, средь радостей свободы,
Вспомянут о тебе сограждане твои,
Благословят тебя за счастливые годы
И назовут спасителем земли...
И память о тебе пойдет из рода в роды,
Хранима гением свободы и любви, —
И именем твоим, бессмертный Розенталь,
Украсится истории скрижаль!!.

Сентябрь 1855

12

Не гром войны, не бой кровавый,
Не дикой храбрости порыв,
Не обольщенья бранной славы,
Не маршей сумрачный мотив
Хочу я петь... Какое дело
Поэту мирному до них?
Животной силы, силы тела
Не будет славить гордый стих.

Надевши пошлую личину
Любви к отечеству квасной,
Злословья камнем я не кину
В народы, мощные душой,
Не прокляну их за успехи,
Не поглумлюсь и их бедам
И черни праздной для потехи
Стихов свободных не отдам...

Не буду я петь нашу славу,
Победы наши величать;
Не буду в этот миг кровавый
Царя обманом потешать.
Пусть воскуряет шут чиновный
Земному богу фимиам, —
Мой подвиг — чистый и духовный:
Русь за царя я не предам...

Не льстивый бард, не громкий лирик,
Не оды сладеньких певцов,
А вдохновенный, злой сатирик,
Поток правдивых, горьких слов
Нужны России. Пусть увидят
Ее чужие и свои
И пусть, оставив ненавидеть,
Жалеют с горестью любви.

1855(?)

13. ГАЗЕТНАЯ РОССИЯ

Читал я русские газеты,
В них современные стихи
И философские ответы
Солдат, лишь взятых от сохи.
Читал я перечень подробный
Различных жертв различных лиц;
Читал разбор я бесподобный
На Русь взнесенных небылиц;
Читал отчеты министерства
И донесения вождей;
Примеры английского зверства
И русских ряд богатырей;
Читал о ходе просвещенья,
Торговли, фабрик, промыслов,
О размноженьи населенья,
О бескорыстии судов,
Шоссе, дорогах и каналах,
О благоденствии крестьян,
О наших дивных генералах,
О чувствах доблестных дворян;
Как Русь велика и богата
И как порядка много в ней;
Как честь и правду чтим мы свято,
Как любит Русь своих царей...

Читал и думал: боже правый!
Как Русь велика и сильна!
Наверно, в свете нет державы
Такой блаженной, как она!..

И зрел я Русь на поле брани
В позорном бегстве от врагов,
Среди проклятий и рыданий
В рекрутской сдаче мужиков,
В гримасах кислых при *приказах*
О *вольных* жертвах для солдат
И в смехе злом при пошлых фразах,
Что бой наш праведен и свят;

И в том, что наши воеводы
Умели там набить карман,
Где гибли тысячи народа
От перевязки сеном ран...
Я видел в Руси свод законов,
Водимый прихотью судей,
Я слышал стоны миллионов
И вопль обиженных семей...
Видал я дряхлых инвалидов,
Судить посаженных в сенат,
Видал я, как, для царских видов,
Синодом управлял солдат,
Видал насильства архьереев,
Разврат и пьянство у попов,
Видал я школы для лакеев
И государственных воров,
Видал несчастные обвалы
Казенных зданий и мостов
И бар блистательные балы
На счет обеда их рабов...
Видал я мерзости придворных
И преступленье в блеске звезд,
И поруганье дев покорных
Через нелидовский подъезд;
Видал главами просвещенья
Солдат и мерзостных ханжей,
Цензуры тяжкое давленье
И силу грубую царей.

Видал поэтов запрещенных
С стихом правдивым на устах,
В тюрьмах живыми схороненных
Или гниющих в рудниках...

И я поник душой смятенной
И думал: Русь, как ты грустна!
Ужель еще есть во вселенной
Такая жалкая страна!!.

Конец 1855

14. ПЕРЕД ДВОРЦОМ

В лохмотьях, худенький, болезненный и бледный,
Дрожа от холода, с заплаканным лицом,
На площади меня раз встретил мальчик бедный
И сжалиться над ним молил меня Христом.

«Нас пятеро сирот — отец взят в ополченье,
И при смерти лежит в постели наша мать,
С квартиры гонят нас, нет денег на леченье,
И нам приходится по суткам голодать».

Горел я, слушая: облилось сердце кровью...
Но пособить ничем не мог я их судьбе...
Ребенка обнял я с тоскою и любовью
И долго плакал с ним... о нем и о себе.

«Я нищ, как ты, едва с тяжелыми трудами
Я достаю свой хлеб, — сказал я наконец, —
Проси у богачей... пусть сжалятся над вами...»
И я пошел... Взглянул — передо мной дворец.

Богат, роскошен, горд, прекрасен и громаден,
Беспечной радостью и счастьем он сиял,
И свет огней в нем был так весел и отраден...
Так безмятежно в нем царь русский пировал...

И что ж не пировать? Дворец его так пышен,
И яства и вино так нежат тонкий вкус;
Ничей ни вопль, ни стон, ни вздох ему не слышен,
Неведом для него нужд мелких тяжкий груз.

По прихоти бросать он может миллионы,
Именье у рабов, их жизнь, их честь отнять,
Велеть, чтоб за него на смерть шли легионы,
Чтоб дочерью ему пожертвовала мать...

Всё для него!.. И скорбь, и бедность, и страданья,
И гибель воинов, и граждан кровь и пот,
И грех, и низость их, и даже наказанья —
Всё зреет для него в прекрасный, сладкий плод.

Не диво, Русь, что — в тьме, в лохмотьях,
в униженьи,
Замерзши чувствами, терпя духовный глад, —
Хоть в ад ты бросишься по царскому веленью;
Вся жизнь твоя теперь — позорный, душный ад...

Начало 1856

15. 18 ФЕВРАЛЯ 1856 ГОДА

Была пора: над трупом фараона,
В том склепе, где хранились мертвецы,
Спокойные, без жалобы и стона,
Сбиралися мемфисские жрецы,
Всю жизнь усопшего без страха разбирали
И приговор над мертвым изрекали.

И новый царь внимал суду жрецов,
Покорствуя правдивому решенью,
И хоронил отца в тиши, с толпой рабов,
Иль пышное ему готовил погребенье —
И на граните первозданных скал
Народный приговор историк высекал.

Теперь не та пора. Пусть нам невмочь
страданье, —
Погибших извергов судить мы не должны.
Усопшим мир! — нам говорит преданье,
Завет веков, обычай старины.
Религия прощать врагов нас учит,
Молчать, когда нас царь гнетет иль мучит.

И мы молчим; нет, больше: между нас
Является поэт, покрытый срамом.
Забыв, что голос музы — бога глас,
Он злу кадит душевным фимиамом,
Он деспота зовет спасителем людей,
В грязь затоптав всю славу прежних дней.

Но пусть *его* боятся и в могиле,
В ней льстят ему, чтоб только он не встал, —
Душа кипит, покорна высшей силе,
Певец на суд веков царя призвал:

Покинь свой гроб! Взгляни на рубежи родные,
Смотри, что в год ты сделал из России!

Вот без конца проходит вереница,
Вся в трауре, отцов, детей, сирот;
Вот плачет мать, одежды рвет вдовица...
Кто кости их мужей, сынов берет?
За что погибло ты, младое поколенье,
Полно надежд и сил, в безумном ослепленьи?..

Смотри, наш царь! вот реки слез тяжелых,
Вот море крови чистой, горы тел!..
Не мало ли?.. А в городах и селах
Вот новый бич: огонь рассвирепел,
Рукой врага зажженный. Стены, зданья —
Всё падает во прах... за что же наказанье?

За что и мирный сын родной земли,
Богат сегодня — завтра бедный нищий,
Все житницы, все домы, корабли
Вдруг потеряв, насущной просит пищи,
Бежит из города, где думал мирно жить,
Которого, о царь, не мог ты защитить.

Считай же, сколько этих городов
Разрушено иль взято у России
И сколько доблестных отечества сынов
В плену, изранены, выносят муки злые...
Картиной этой не доволен ты?
История тебе перевернет листы.

Смотри! вот золото сияет пред тобою:
Богатства здесь без меры, без числа;
Владельцы их идут сплошной толпою;
Но золота толпа не принесла
Отчизне в дар, а, зная блага жизни,
Его сама украла у отчизны.

Здесь всё: и миллион казны твоей,
Последний грош, пожертвованный нищим,
Хлеб ратника, пособие врачей,

Оружие, одежда... Мы отыщем,
Наверно, лепту здесь самих воров, —
Недаром все они слывут за бедняков.

Позор и стыд! грабеж вошел в обычай,
В закон, в обряд, и нагл и явен стал,
И крадут все: путеец и лесничий,
Чиновник, поп, солдат и генерал,
И девка грязная, любовница министра,
Продажей мест разбогатела быстро.

А кто стоит у трона твоего?
Тебе б советник, правды друг, наскучил;
Нет, ты искал молчанья одного,
Покорности; и ряд бездушных чучел,
Холопов чувством, евнухов ума,
Вокруг тебя — и их такая тьма!

И над тобой и над твоей землей
Теперь Европа целая смеется.
И твой позор и стыд земли родной
В потомстве отдаленном отзовется,
И дорог будет примиренья пир —
И за войной нелепой подлый мир.

Лишь год прошел — и ты забыт, как мебель,
Как неуклюжий хлам старинных лет,
Венчанный Хлестаков, между царей фельдфебель,
Разбитый и расслабленный атлет.
И ноют в гробе от тоски и злости
Гниющие поруганные кости.

И день придет!.. и не один певец,
А голос всей народной Немезиды
Средь века прогремит вдруг из конца в конец:
«Да будешь проклят ты и все Николаиды!»
И в страхе и в стыде, в последний судный день,
Не выйдет из гробниц развенчанная тень...

Февраль 1856

16. 17 АПРЕЛЯ 1856 ГОДА

Царь Николай просил у бога
Суда на сына своего,
Распространяясь очень много
О непокорности его
Отцовским мудрым повеленьям,
О том, как он себя забыл
И, внемля подданных моленьям,
Мир неблестящий заключил,
Как он о честности хлопочет,
О правде, чести и уме,
Как мыслящих людей не хочет
Держать в Сибири и в тюрьме...
«Ах ⟨он⟩ подлец! — вскричал всевышний,
Услышав звук последних слов, —
Да так я сам ведь буду лишний
Средь этих мыслящих голов.
Лишь пусть побольше разведутся...
Вот я ж его! .. Моя рука
Тебе, мой друг; тотчас польются
Беды́ на твоего сынка».
И многоопытной главою
Старик разгневанный потряс
И начал думать сам с собою,
Чем гнев явить на этот раз...
«Ох, старость, старость! плохо, право, —
Вздохнув, сказал он наконец. —
Как сузилась моя держава,
Как мало верных мне сердец!
Бывало, дождь падет весною —
И все меня благодарят,
Хлеба в полях сгорят от зною —
Ко мне с моленьями спешат.
Бывало, вылечат больного —
Молебны мне ж идут служить,
Сошьют для праздника обнову —
Меня ж придут благодарить.
Бывало, бедного ограбят,
Или бессильного прибьют,
Иль с рвением кого прослав⟨ят⟩ —
За всё ко мне моленья шлют.

Теперь не то... Народ умнеет,
Всё хочет знать да рассуждать,
И на Писанье не робеет
Опроверженье представлять.
Не удивишь теперь затменьем,
Ни громом страха ⟨не внушишь,
. . . .⟩
Не многих к богу обратишь.
Теперь законами природы
Всё объясняет человек,
Стремится к правде и свободе.
Бездушный век, развратный век!
Что с Александром делать станешь!
И не придумать, право, мне...
Ведь гласом неба тут не грянешь
Или не явишься во сне.
Не упадешь с аэролитом,
Чтоб страх вдохнуть в цареву грудь.
С умом, науками ⟨развитым,⟩
Всё это долго ли смекнуть!
Мне нужно очень осторожно
Теперь с людьми себя держать,
Их обмануть еще возможно,
Но страхом ничего не взять».
И долго в тягостном раздумье,
Главой поникнув, бог сидел;
Должно быть, о людском безумье
По доброте своей жалел.
А Николай благочестивый
Меж тем является опять
И просит вновь нетерпеливо
На сына казнь скорей послать.
Бог стал уж грустно убеждаться,
Что тут не сделать ничего,
Но не хотел никак сознаться,
Что мало силы у него.
«Чего ж тебе? — на Николая
С притворным гневом он вскричал. —
Вовнутрь незримо проникая,
Царю я в сердце скорбь послал.
Он будет плакать и томиться,
Хоть с виду весел будет он,

К твоим стопам он обратится,
Тоской душевной исполнён».
— «Не мни, о бог, — воскликнул гневно,
Забывшись, русский царь-палач, —
На свете нет тоски душевной,
Вздор мелешь, старый бородач!..
Лет шестьдесят я жил на свете,
А не знавал такой тоски,
И чтоб мои родные дети?..
Да что они за дураки!!.»
Увидел бог, что слишком сильно
Распетушился Николай,
И говорит ему умильно:
«О смертный, смолкни и внимай!»
Вдруг оба услыхали ясно,
Дождь проливной как зашумел,
И этим случаем прекрасно
Прикрыться хитрый бог сумел.
Он принял важную осанку,
Главою гневно покачал
И, бросив бабью перебранку,
Царю торжественно вещал:
«Теперь твой сын в своей столице
Иллюминацию зажжет
И сам поедет в колеснице
Смотреть, как празднует народ;
Но здесь не узрит он ни крошки,
Глубокий страх везде найдет,
⟨Зане намокнет всё —⟩ и плошки
Затушит ветр и дождь зальет,
Народ не выйдет за ворота,
И рано град во мгле заснет,
И царь со скорбью и заботой
Свой день рожденья проклянет!»
Умолк. Речам хитросплетенным
От сердца верит наш солдат
И ждет, когда к ушам блаженным
Проклятья сына долетят.
Но ах! Погибли упованья,
Надул всеправедный творец!
Не гул проклятий и стенанья

С земли он слышит наконец,
А лишь веселья отклик шумный
И громогласно⟨го⟩ ура
В толпах народа клич безум⟨ный⟩
В честь молодого их царя...
Увы, увы! ни дождь, ни слякоть
Не помешали торжеству.
Отцу пришлось — не сыну плакать,
И богу — вновь склонить главу!
Перехитрил его строптивый
И недостойный род людской:
К погоде бурной и дождливой
Огонь придумал спиртовой,
От ветра плошки защитивши
И, несмотря на ветр и дождь,
Толпой беспечно пробродивши
Почти насквозь всю эту ночь!
И Николай российской бранью
Ругнул всевышнего творца,
И бог закрыл всемощной дланью
Черты ⟨всезрящего⟩ лица.
И долго думал сам с собою,
Но не придумал ничего,
На мир людской махнул рукою
И отвернулся от него.

Апрель 1856

17

Русь погибала от смятений,
От самозванств и грабежей,
От чужеземных нападений
И от предательства друзей.

Народ устал в борьбе кровавой
И лишь спокойствия просил...
И над измученной державой
Царем сел юный Михаил...

Волненье стихло... Затаилась
Бояр крамольная вражда...
Но — тем сильнее ополчилась
Злость иноземная тогда.

Лето 1856(?)

18

Давно сияет день в полуденных странáх.
Их солнце уж дошло до своего зенита,
Блеск ослепительный на знойных небесах,
И на земле лучом горячим всё облито...

Лето 1856(?)

19

Цвела весна... В столице душной
Я вспоминал про юг родимый
И рисовал в мечте послушной
Тот пышный край, тот край любимый...

Настало лето... С нетерпеньем
Я полетел туда с чужбины
И встретил с радостным волненьем
Те благодатные равнины.

Там чище воздух, солнце ярче,
Лазурь небесная светлее...
У дев — любви дыханье жарче,
Страстней объятья, взор нежнее...

И между них — красой чудесной
Блеснуло мне одно созданье,
Как ангел благости небесной,
Как чар безвестных обаянье...

Лето 1856(?)

20

Торжественно в Москве гудят колокола,
И солнце над Кремлем торжественно сияет;
Столица древняя нарядна и светла:
России нового царя она венчает.

Великолепие повсюду здесь блестит
На удивление гостям иноплеменным;
Всё в бархате, в парче, всё золотом горит,
И счету нет каменьям драгоценным.

Август 1856

21. ЖАЛОБА РЕБЕНКА

Для чего вы связали мне руки?
Для чего спеленали меня?
Для чего на житейские муки
Обрекли меня с первого дня?

Еще много носить мне придется
На душе и на теле цепей;
Вкруг кипучей груди обовьется
Много, много губительных змей.

Стариной освященный обычай,
Человека пристрастный закон,
Предписания модных приличий...
Ими буду всю жизнь я стеснен.

Дайте ж мне хотя в детстве свободу,
Дайте вольно, всей грудью вздохнуть!
Чтоб я после, в тяжелые годы,
Мог хоть детство добром помянуть!

1856

22. БЛАГОДЕТЕЛЬ

Был у меня незримый покровитель.
Всю жизнь мою его я не видал;
Но с детства убедил меня учитель,
Что он учиться мне незримо помогал,
Что награждал меня за прилежанье,
Наказывал за шалости и лень,
Что знал мои он мысли и желанья,
Что должен я ему молиться каждый день...
Молился я... Но сердце знать хотело
Того, кто втайне был так добр ко мне,
Кто освящал собой начало дела
И помогал свершить его вполне.
Однако тщетно я искал его увидеть
Иль встретить где-нибудь хоть след его прямой...
Но, подозрением боясь его обидеть,
Я верил всё, что он хранитель мой...

И мысль о нем была мне утешеньем
В тревожном, пасмурном младенчестве моем.
Бессильный сам, я думал с наслажденьем,
Что сильный у меня хранитель есть во всем.

Прошли года невинности беспечной,
И горем жизни я испытан был.
Хранителя молил я с верою сердечной,
Чтоб он меня в страданьях подкрепил.
Но он не шел... Когда же сердца раны
От времени уж стали заживать,
Сказали мне, что горестью нежданной
Хранитель мой хотел меня лишь испытать,
Что должен я к нему с любовью обратиться
И счастье вновь в награду даст мне он.
Я сделал так... Но лишь успел склониться,
Как новым был ударом поражен.
Тогда пришло печальное сомненье:
Я звал далекого хранителя к себе,
Чтоб доказал права свои на уваженье,
Чтоб сохранил меня во внутренней борьбе.
Напрасно... Он не шел... Не внял он
призыванью.

Я проклинал доверчивость свою...
Но до сих пор в тяжелом ожиданьи
На жизненном пути недвижно я стою.

А прежде он хранил меня, хоть и незримо...
Быть может, оттого, что был я глуп и слаб...
Теперь я сам могу идти неутомимо
И действовать — не как его покорный раб,
Не по его таинственным приказам,
Чрез сотни уст дошедшим до меня,
А как велит мне собственный мой разум,
Как убежден я сам, при полном свете дня.

1856

23

Когда среди зимы холодной,
Лишенный средств, почти без сил,
Больной, озябший и голодный,
Я пышный город проходил;

Когда чуть не был я задáвлен
Четверкой кровных рысаков
И был на улице оставлен
Для назидания глупцов;

Когда, оправясь, весь разбитый,
Присел я где-то на крыльцо,
А в уши ветер дул сердито
И мокрый снег мне бил в лицо, —

О, сколько вырвалось проклятий,
Какая бешеная злость
Во мне кипела против братий,
Которым счастливо жилось

Средь этой роскоши безумной
И для которых — брата стон
Веселым бегом жизни шумной
И звоном денег заглушен.

. . .Но пронеслись несчастий годы,
И, гордо мчась по мостовой,
Я рад теперь, коль пешехода
Кнутом заденет кучер мой.

1856

24. ПОЭТУ

Снова тучи сгустились на небе ночном,
Звезд и месяца свет помрачили.
Снова ветер завыл, загремел в небе гром,
И глаза все от страха закрыли.

Но не бойся: пронесся давно ураган,
И тяжелая ночь уж проходит.
Там, далеко, за морем, прорезав туман,
Лучезарное солнце восходит...

Яркий свет упадет и сквозь мрак густых туч
На глаза отягченных дремою.
И, людей разбудивши, живительный луч
Их поднимет на дело благое.

Ноябрь 1856

25. ВСТРЕЧА

В лохмотьях, худенький, болезненный и бледный,
Дрожа от холода, с заплаканным лицом,
На улице меня раз встретил мальчик бедный
И сжалиться над ним молил меня Христом.

«Нас пятеро детей; отец взят в ополченье,
И при смерти лежит больная наша мать.
С квартиры гонят нас; нет денег на леченье,
И нам приходится по суткам голодать...»

Горел я, слушая. Облилось сердце кровью...
Но — пособить ничем не мог я их судьбе.
Ребенка я ласкал с тоскою и с любовью,
И мрачно думал я — о нем и о себе...

А против нас — сиял веселыми огнями
Роскошно убранный, великолепный дом.
Виднелась зала в нем с зелеными столами,
И бальной музыки к нам доносился гром.

1856

26. ⟨ПОСЛАНИЕ К С. П. ГАЛАХОВУ⟩

Примеры заразительны —
Твердят нам всё не впрок,
И ваш превосходительный
Пример меня увлек.
Стихами бестолковыми
Хочу вам описать,
Как трудностями новыми
Судьба меня опять
Преследует, несчастного,
На целые два дня
Сообщества прекрасного
Лишая вновь меня.
Терплю я испытание
В лице моих друзей...
Но вот вам описание
Истории моей.
В числе моих приятелей
Поляк один здесь был,
Чуть в секту зажигателей
Он не записан был
За то, что злых зарядами
Бил глупых наповал
И прямо казнокрадами
Начальников ругал;
За то, что справедливости
И честности хотел,
Шел против всякой мерзости,
Бесчестья не терпел.
Он наш педагогический
Оставил институт
За то, что наш классический
Директор слишком крут,

Морит нас тяжким голодом,
Что рубища нам шьет
И будто б тяжким молотом
Нам голову кует.
С отвагой величайшею
Пошел к монарху он
И волей высочайшею
От нас переведен
На Выборгскую сторону
Болезни изучать,
Хотя туда, где ворону
Костей не отыскать,
Заслать его, наверное,
Давыдов наш клялся,
Но вышло дело скверное —
Обет не удался!
Но на смех душам пламенным,
На Невском иль Морской,
На Выборгской, на Каменном —
Всё тот же род людской.
Казенным учреждениям
Кому ж у нас служить,
Когда не упражнением
Начальникам служить
В домашней экономии?
Так наш и Пеликан
Назло всей гастрономии
Набил себе карман
И вывел из терпения
Голодных лекарей.
И вот, в ожесточении
Против судьбы своей,
Отправили Паржницкого
К царю они опять,
Чтобы начальства низкого
Грешки изобличать.
И вот они представились
Перед лицо царя...
Чрез месяц же отправились
Они все в фельдшера.
Их чудная история
Известна, верно, вам.

И вам, крушась от горя, я
Ее не передам.
Из всей их аттестации
Могу сказать одно,
Что в силу коронации
Прощенье им дано,
. . . .
. . . .
И даже за усердие
Пожаловал медаль,
А чтоб от них избавиться,
Он дал им свой декрет,
Чтобы в Казань отправиться
Им в университет.
На днях же собираются
Друзья мои туда,
Быть может, распрощаемся
Мы с ними навсегда.
Разлуку чтоб печальную
Немного усладить,
Мы пред дорогой дальнею
Решились вместе быть.
И даже я ужасную
Им жертву приношу,
Когда сию несчастную
Галиматью пишу!
Но что же делать — дружество
Царит в душе моей,
Во мне не станет мужества
Бежать моих друзей,
Хотя б и веселее ⟨мне⟩
Вас было увидать...
Варваре Алексеевне
Прошу вас передать
Глубокое почтение.
Супруге вашей тож.
У них уж и прощения
Боюсь просить я — дрожь
Проймет от мысли взбалмошной,
Что я их обманул
И вместо Шестилавочной
Вдруг к Выборгской махнул.

На ваше покровительство
Надеюсь только я,
Гнев их превосходительства
Смягчите для меня.
И в счастьи, и в несчастии
Вам преданный душой,
Я быть имею счастие
Покорнейшим слугой

Н. Добролюбов

30 декабря 1856

27. НА СМЕРТЬ ОСОБЫ

Печальный вестник смерти новой,
В газетах черный ободок
Не будит горести суровой
В душе, исполненной тревог.

В каком-то радостном волненьи
Я каждый раз внимаю весть
О том, что в старом поколеньи
Еще успела жизнь отцвесть.

Чьей смерти прежде трепетал я,
Тех стариков уж нет давно;
Что в старом мире уважал я,
Давно всё мной схоронено...

Пируй же, смерть, в моей отчизне,
Всё в ней отжившее рази
И знамя новой, юной жизни
На грудах трупов водрузи!

27 января 1857

28. СОЛОВЕЙ

Тебя средь простора лесного
Охотник в силок изловил.
Чтоб песнь твою сделать звучнее,
Хозяин тебя ослепил.

И тянешь ты звонкую песню,
И звучные трели ты льешь,
В восторге твой толстый хозяин,
Что ты неумолчно поешь.

Но я твой язык разумею,
И чуткой душою моей
Я слышу рыданья и стоны
В мелодии песни твоей.

Январь 1857

29

Я пришел к тебе, сгорая страстью,
Для восторгов неги и любви...
Но тобой был встречен без участья,
И погас огонь в моей крови.

Мне в глаза лукаво улыбаясь,
Равнодушно ты сказала мне:
«Я гостей сегодня дожидаюсь,
Нам нельзя побыть наедине...»

Слов твоих я скрытый смысл увидел,
На тебя с презреньем посмотрел...
В этот миг тебя я ненавидел,
Знать тебя я больше не хотел...

Но с улыбкой нежною и ясной
Ты сказала: «Завтра ты придешь?..»
И призыв ласкающий и страстный
Бросил в краску вдруг меня и в дрожь...

Я приду, приду, о друг мой милый,
Для восторгов неги и любви...
Голос твой какой-то чудной силой
Вновь огонь зажег в моей крови.

31 января 1857

30. ТИХИЙ АНГЕЛ

Кипел меж нами спор ужасный,
И бурно речь гостей текла,
Когда ты к нам с улыбкой ясной,
С приветным взором подошла.

Вдруг спор замолк. Прервать молчанья
Никто как будто бы не смел;
И думал я в очарованьи:
«Здесь тихий ангел пролетел!»

10 февраля 1857

31. СОН

Испытанный судьбой, в тревожном сне моем
Не убаюкан я роскошными мечтами,
Всё буря снится мне, всё молния и гром,
Тюрьма, да стон, да кровь, да изверги с цепями...
Бывает изредка, что грезится и мне
Картина мирная довольства и покоя.
Мне отчий дом рисуется во сне...
Я вновь дитя с доверчивой душою...
Под отческим надзором я расту,
Не ведая ни страсти, ни сомнений;
Заботливой рукой лелеемый, цвету
Вдали от горя и людских волнений.
Душа моя радушна и тепла,
Полна любви и веры благодатной.
Природа вкруг меня спокойна и светла
И дышит прелестью какой-то непонятной.
Тут всё со мной, что в свете мило мне, —
И кажется, в душе нет места для желанья...
Но в глубине душевной — и во сне
Шевелится тревожное сознанье,
Что это всё мечта, не истина, а сон...
И часто у меня средь чудного виденья
Вдруг вырывается из груди тяжкий стон,
Душа тоскливо жаждет пробужденья.

11 февраля 1857

32

Еще недавно я неистовой сатирой
На небо и на землю восставал
И звуком бешеным своей нестройной лиры
Надежды и восторг во многих пробуждал.

Но утомился я цепным, бесплодным лаем
И вздумал, цепь забыв, взглянуть на божий свет.
И новым чувством я теперь одушевляем:
В душе моей суровых звуков нет.

Я понял красоту! Душа полна любовью,
И места нет для ненависти в ней.
Мой стих запечатлен теперь не свежей кровью,
А разве тихою слезой любви моей.

Проклятий нет!.. Они звучали б несогласно
С речами милой; я ж согласья с ней ищу...
Проклятий нет: она добра так и прекрасна,
Что рядом с ней на зло смотреть я не хочу.

Проклятий нет... Но подождите, братья!
Забывшись от любви, горя в ней, как в огне,
Прекрасную к груди своей стремлюсь прижать я...
Но — эти цепи видите ль на мне?..

Лишь только протяну я к ней мои объятья,
Как эти цепи страшно загремят...
Пугливо отбежит она... И вновь проклятья
На землю и на небо полетят.

17 февраля 1857

33. ДОРО́ГОЙ

Ночью по снежным сугробам иду я;
Холод всё тело мне жмет и кует,
Ветер, мне в уши неистово дуя,
Снежною пылью лицо мне сечет.

На неразумную силу природы
Силюсь восстать я всей силой души;
Силюсь представить, под рев непогоды,
Свет, и тепло, и беседу в тиши.

Но застывает мечта и сознанье.
Движусь без мысли, как в сонном бреду,
Смутно лишь чуя тупое желанье —
Сладко заснуть, как до места дойду.

20 марта 1857

34. В ЦЕРКВИ

Гимнов божественных пение стройное
Память минувшего будит во мне;
Видится мне мое детство спокойное
И беззаботная жизнь в тишине.

В ризах священных отец мне мечтается
С словом горячей молитвы в устах;
Ум мой невольно раздумьем смущается,
Душу объемлет таинственный страх.

С воспоминаньями, в самозабвении,
Детскими чувствами вновь я горю...
Только уж губы не шепчут моления,
Только рукой я креста не творю...

1 апреля 1857

35

Тронýлся лед — так тихо, стройно...
Плывет в гранитных берегах
Он так покорно и спокойно, —
Смягченный в солнечных лучах

И о чугунные преграды
Разбитый в мелкие куски:
Так ровно, мерно, средь парада,
На плаце движутся полки...

И нет ни бури, ни волненья...
Лишь воздух стал похолодней,
Прервались средства сообщенья
Да воды сделались мутней...

Апрель 1857

36. ОЧАРОВАНИЕ

С душою мирной и спокойной
Гляжу на ясный божий мир
И нахожу порядок стройный,
Добра и правды светлый пир.

Нигде мой взгляд не примечает
Пороков, злобы, нищеты,
Весь мир в глазах моих сияет
В венце добра и красоты.

Все люди кажутся мне братья,
С прекрасной, любящей душой, —
И я готов раскрыть объятья
Всему, что вижу пред собой...

Мне говорят, я вижу плохо,
Очки советуют носить.
Но я молю, напротив, бога,
Чтоб дал весь век мне так прожить.

5 апреля 1857

37. СИЛА СЛОВА

Моралист красноречивый
Нам о нищих говорил,
Речью умной и правдивой
Помогать им нас учил...

Говорил о цели жизни,
О достоинстве людей,
Грозно сыпал укоризны
Против роскоши детей...

Речь его лилась так складно,
Был он так красноречив,
Что ему внимали жадно
Все, дыханье затаив, —

И, чтоб не развлечь вниманья,
Отогнали двух старух,
Что на бедность подаянья
Под окном просили вслух...

10 апреля 1857

38. ПРИЯТЕЛЮ

Нет, для борьбы святой и чистой
Ты слишком немощен и слаб;
Ты не пойдешь стезей тернистой,
Своекорыстья мелкий раб...

Ты будешь знать, что́ недостойно,
И благородство понимать,
Ты будешь даже беспокойно
На угнетенья восставать...

Февраль — апрель 1857(?)

39

Многие, друг мой, любили тебя,
Многим и ты отдавалась...
Но отдавалась ты им не любя...
Это была только шалость,

Или веленье голодной нужды,
Или отчаянья взрывы...
Но красоты твоей чистой следы
В самом падении живы...

Свежи и пламенны чувства твои,
Сердце невинно и чисто, —
И в первый раз еще блеском любви
Светится взор твой огнистый.

Друг мой! С доверьем склонись мне на грудь...
Можем с тобой с этих пор мы
В правде сердечной любви отдохнуть
От добродетельной формы.

14 апреля 1857

40. МАЙСКАЯ НЕВЗГОДА

Снова снег валится
И мороз трещит,
Снова ветер злится
И в окно стучит...

А давно ль пахнуло
Свежею весной?
Солнышко блеснуло
Ярче над землей, —

Покатились воды
В блеске голубом,
Тешилась природа
Светом и теплом;

Радостно вдыхали
Вешний воздух мы...
Вдруг опять настали
Холодá зимы.

В мае что за стужа:
Всё ведь уж весна...
Но теперь нам хуже,
Чем зимой она:

Стали жить иначе,
И, не ждав зимы,
Уж давно на дачи
Перебрались мы...

22 апреля 1857

41

Напрасно ты от ветреницы милой
Ответа ждешь на гордое письмо:
Она знакома с собственною силой,
Бессилие ж твое сказалось ей само.

Поверь, твои отчаянные строки
Она с улыбкою небрежною прочтет,
И жалобы твои, угрозы и упреки —
Спокойно всё она перенесет.

Она увидит в них порыв любви несчастной,
Порыв отчаянья и ревности твоей
И будет ждать, когда с мольбою страстной
За примиреньем сам ты явишься пред ней...

И ты придешь с тоской своей влюбленной,
К ногам прекрасной робко ты падешь
И, ласковой ее улыбкой оживленный,
Забывши всё, к груди ее прильнешь...

27 мая 1857

42

Не диво доброе влеченье
В душе невинной, молодой,
Не испытавшей обольщенья
Любви и радости земной.

Но кто соблазнам жизни трудной
Нуждою рано предан был,
Кто битву жизни безрассудной
Паденьем тяжким заключил,

Кто в искушениях разврата
Провел дни лучшие свои,
Тому трудна стезя возврата
На голос правды и любви...

Но ты, мой друг, мой ангел милый,
На мой призыв отозвалась;
Любви таинственною силой
Ты освятилась и спаслась.

И не забуду я мгновенья,
Как ты, прокляв свой прежний путь,
Полна и веры и смущенья,
Рыдая, пала мне на грудь.

2 июня 1857

43

Сделал глупость я невольно
В увлечении смешном,
Но душа моя довольна,
Только вспомню я о том.

За минутную ошибку
Был я щедро награжден
Благодарною улыбкой,
Звуком ласковых имен,

Милой речью, милым взором,
Милой радостью твоей,
Сладострастным разговором
В упоении страстей,

Пылом жаркого лобзанья
И объятий молодых...
О, как много обаянья
В счастьи глупостей таких!

3 июня 1857

44

Я знаю всё: упала ты глубоко,
Любовь свою ты многим раздаешь;
Средь пошлости, позора и порока,
Забыв себя, ты весело живешь...

Но против воли сердце молодое
Горит во мне любовию к тебе;
Душа моя полна одной мечтою —
О нашей общей будущей судьбе...

Я чую — внутренним огнем горю я,
Как ты меня к груди своей прижмешь;
Ты у меня, уста мои целуя,
Из сердца соки жизненные пьешь...

Так нежный куст, плющом в объятьях стиснут,
гибнет,
Теряя соки лучшие свои...
А тот всё дальше стелется и липнет
К другим — с объятьем гибельной любви...

15 июля 1857

45

Родимый город!.. Как мне всё знакомо
На нешироких улицах твоих!
Как много пробуждают эти домы
Воспоминаний, сердцу дорогих!..

Июль 1857

46

Я к милой несусь по дороге большой:
Ямщик лошадей погоняет,
И сытые лошади мчатся стрелой...
Но мысль моя их обгоняет...

Несусь по чугунке я мыслью моей:
Минутами версты мелькают;
Летит паровоз, точно вихорь степей...
Но мысль и его обгоняет...

За шаром воздушным стремится она,
Струей телеграфною льется;
Как молнии пламя, как света волна, —
Быстрей их дорогой несется...

Но сердце скорей самой мысли летит:
Оно уж ее упредило;
Оно уже трепетом встречи дрожит
И млеет в объятиях милой...

26 июля 1857

47. ДОРОЖНАЯ ПЕСНЯ

Мчитесь, кони, ночью влажной,
Пой «Лучину», мой ямщик:
Этой жалобы протяжной
Так понятен мне язык!..

Ты и я, все наши братья,
Наши лучшие друзья,
Все узнали без изъятья
То, что так крушит тебя.

Пой, ямщик, твоя кручина
И во мне волнует кровь;
Ведь и мне мою лучину
Облила водой свекровь.

А то ка́к было в избушке
Хорошо она зажглась!..
Бог простит моей старушке:
Тьма по сердцу ей пришлась...

Мчитесь, кони, ночью влажной,
Пой «Лучину», мой ямщик:
Этой жалобы протяжной
Так понятен мне язык!..

27 июля 1857

48. ПАМЯТИ ОТЦА

Благословен тот час печальный,
Когда ошибок детских мгла
Вслед колесницы погребальной
С души озлобленной сошла.

С тех пор я в мертвом упованьи
Отрады жалкой не искал
И бесполезному роптанью
Себя на жертву не давал;

Не уловлял мечты туманной
И пред иконами святых
Мольбой смиренно-покаянной
Не опозорил чувств моих.

Но без надежд и утешений
Я гордо снес мою печаль
И, без загробных обольщений
Смотря на жизненную даль,

На битву жизни вышел смело,
И жизнь свободно потекла...
И делал я благое дело
Среди царюющего зла...

Август(?) 1857

49. В ДОЛИНЕ

Солнце осветило гор вершины,
И от них легла густая тень,
И не знают мирные долины,
Что вверху давно сияет день.

С грудью каменной, в короне льдистой,
В величавой мантии из туч,
От долины сумрачной и мглистой
Горы заслоняют солнца луч.

Наверху движенье и работа,
А внизу все в сон погружены;
Только дня грядущего забота
Шлет там всем мучительные сны.

Но на полдень солнце всё стремится,
Совершая свой обычный ход;
Тень от гор короче становится
И к полудню вовсе пропадет.

Станет солнце прямо над долиной,
И внизу проглянет светлый день,
До тех пор, пока с другой вершины
Не наляжет вновь густая тень.

Сентябрь 1857

50

Чего хотите вы, громители пороков,
Ругая наповал судей и становых?
Скажите, в чем же смысл таинственных намеков,
Вносимых трепетно в иной ——— стих?

Конец 1857

51

На голос: «Во тьме ночной...»

В журнальной тьме ярилась буря;
Граф Панин Норову грозил,
С усладой скаредной в цензуре
Статейки Фрейганг холостил.

Средь кастрированных собратий,
Тоща, бесплодна, чуть жива,
Нося под юбкой куль проклятий,
Блуждала грустная «Молва».

Давно ль, при цензоре фон Крузе,
Она без страха всё врала?
С «Беседой Русскою» в союзе,
С Байбородой войну вела?

Давно ли Константин Аксаков
В передовых ее статьях,
Уча нас вспять ходить, как раков,
Твердил: зипун и божий страх?

Но ах! Зачем вы поместили
Статейку «Публика — народ»?
Себя лишь Крузе вы лишили,
И нет теперь вам прежних льгот.

Молва гласит: о, Крузе милый,
О, Норов, скаредный хромец!
Без Крузе свет мне стал могилой,
Без Крузе гибну я вконец.

Да, гибну я: таких ударов
Перенести не стало сил:
Ужасный господин Гиляров
На место Крузе поступил.

Конец декабря 1857

52

О, грустно, грустно убеждаться
В бессильи нравственном своем
И тяжело в нем сознаваться
Пред строгим внутренним судом.

Но тяжелей, грустней, больнее,
Когда ты видишь пред собой
Людей, взывающих: «Скорее!
Скорей зажги светильник твой!

Ты показал нам, что ты можешь...
Иди, работай же! пора!
Ты зло и глупость потревожишь
Во имя чести и добра!»

О братья! Тщетные призывы!
Надежды нет вам на меня!
За свет живительный сочли вы
Лишь отражение огня...

С чужим светильником я рано
В кружок ваш сумрачный вступил;
В тьме предрассветного тумана
Огонь мой вам заметен был...

Но волны света, возрастая,
Бегут уж в небе голубом,
И меркнет, меркнет, замирая,
Огонь в фонарике моем...

Погасим, братья, наши свечи!
Им не гореть средь бела дня!
И выйдем радостно навстречу
Дневного, вечного огня!..

6 января 1858

53. НАПРАСНО!

Помню, нянюшка-старушка,
Умывая раз меня,
Так ворчала: «Ну, надолго ль?
Вот опять пойдет возня

На полу, в сору да в хламе;
Весь чумазый прибежишь...
Да пойдешь на солнце бегать —
Цыганенком загоришь».

Я молчал, старушка стихла,
И потом уже, любя:
«Ну, уж пачкайся, — сказала, —
Грязь-то смою я с тебя.

Только шалостей не делай:
Тех не смоешь уж ничем...
Ручку вывихнешь аль сломишь,
Ножку вывернешь совсем,

Нос расквасишь, глаз засоришь,
Разобьешься — кровь пойдет.
А коль больно зашалишься —
Бог и рожки прикует.

А дурачиться не будешь —
Подрастешь ты молодцом.
Всем возьмешь ты, мой красавчик, —
И дородством, и лицом.

Всем господь тебя украсит,
Всех с ума собой сведешь,
И жену себе с приданым
И красавицу возьмешь».

Я с доверьем слушал няню,
Я старался не шалить,
Чтобы вырасти красавцем,
Чтобы с рожками не быть.

Но, хоть скромник и разумник,
Безобразен вырос я,
И, лишь стоит мне жениться,
Рожки будут у меня.

Май 1858

54. НА ТОСТ В ПАМЯТЬ БЕЛИНСКОГО

6 июня 1858 года

И мертвый жив он между нами,
И плачет горькими слезами
О поколеньи молодом,
Святую веру потерявшем,
Холодном, черством и немом,
Перед борьбой позорно павшем.

Он грозно шел на грозный бой,
С самоотверженной душой.
Он, под огнем врагов опасных,
Для нас дорогу пролагал
И в Лету груды самовластных
Авторитетов побросал.

Исполнен прямоты и силы,
Бесстрашно шел он до могилы
Стезею правды и добра.
В его нещадном отрицаньи
Виднелась новая пора,
Пора действительного знанья.

И, умирая, думал он,
Что труд его уже свершен,
Что молодые поколенья
По им открытому пути
Пойдут без страха и сомненья,
Чтоб к цели наконец дойти.

Но молодые поколенья, —
Полны и страха и сомненья, —
Там, где он пал, на месте том,
В смущеньи рабском суетятся
И им проложенным путем
Умеют только любоваться.

Не раз я в честь его бокал
На пьяном пире подымал
И думал: только, только этим
Мы можем помянуть его,
Лишь пошлым тостом мы ответим
На мысли светлые его!..

6 июня 1858

55. БЕДНЯКУ

Горькой жалобой, речью тоскливой
Ты минуту отрады мне дал:
Я в отчизне моей терпеливой
Уж и жалоб давно не слыхал.

Точно в ночь средь кладбища глухого,
Я могильною тишью объят;
Только тени страдальцев без слова
Предо мной на могилах стоят...

Ропот твой безотрадно-унылый
Был воскресная песнь для меня;
Точно, плача над свежей могилой,
Жизни вопль в ней услышал вдруг я.

20 июня 1858

56. ПОСЕЩЕНИЕ НОВГОРОДА

Ровно в три часа поутру
Пароход пришел,
И я тотчас древний город
Посмотреть пошел.

Еще мирно спит весь город,
    Но его покой
Веет бурей жизни прошлой,
    Вольной, удалой.

На Буяновском проспекте
    Предо мной лежал
Человек с подбитым глазом
    И спокойно спал.

Тут же, близко, в *заведеньи*
    Выбито стекло, —
Точно пренье вечевое
    В эту ночь в нем шло.

Дальше дом, вчера сгоревший.
    Два солдата рвут
В нем задвижки, гвозди, петли:
    Бескорыстный труд!

Вот две дамы едут шумно,
    Что-то мне кричат;
Но язык им плохо служит,
    Мутен что-то взгляд.

Едет, видно проигравшись,
    Мрачный господин
И колотит в спину ваньку
    С криком «сукин сын!».

Вот присутственное место, —
    Я в окно взглянул:
На столах — чернил озера,
    Опрокинут стул,

Шкаф с законами отворен,
    На полу — дела.
Точно сходка вечевая
    Здесь вчера была...

Всё гласит в тебе о прошлом,
Вольной жизни край! —
Даже мост твой с надписаньем:
«Строил Николай»!

26 июня 1858

57

Тоской бесстрастия томимый,
Больной, усталый, всем чужой,
Я лишь тебе, мой друг любимый,
Внушил любовь, тебе одной.

Твоя любовь была б целеньем
Душе болезненной моей,
Ее я пил бы с наслажденьем,
Как пьют целительный елей!

Но прочь с любовию твоею!
Ведь чувства этого сосуд
Тобой разбит; струи елея
По полу грязному текут...

И пред разлившимся бальзамом,
Меня могущим исцелить,
Стою я с ужасом упрямым...
Ужель припасть к нему и пить?

4 июля 1858

58

Ты меня полюбила так нежно,
Милый друг мой, голубка моя;
Ты мечтала от жизни мятежной
Отдохнуть на груди у меня.

Ты бежала от шума разврата,
От нескромных желаний друзей,
Чтоб со мной безмятежно и свято
Наслаждаться любовью своей.

Но не знала меня ты в то время,
Ты подумать тогда не могла,
Чтобы тот отягчил твое бремя,
В ком ты миг облегченья нашла;

Чтобы тот, кто тебя от паденья
Спас в горячих объятьях своих,
Чтоб тебя он привел к преступленью
Против чувств твоих самых святых.

Ты ошиблась, ошиблась жестоко...
Много слез ты со мной пролила,
Ты во мне ту же бездну порока,
От которой бежала, нашла.

Овладел я твоею душою,
И в любви беспредельной своей
Дорожить переставши собою,
Ты участницей стала моей...

Всё, что женскому сердцу так свято,
Что так сладко волнует его,
Всё мне в жертву, мой друг, принесла ты,
Не боясь, не стыдясь ничего...

И, преступной красою блистая,
Предо мною ты грустно стоишь
И, мне сердце тоской надрывая,
«Ты доволен ли мной? — говоришь. —

Отчего ж ты меня не целуешь?
Не голубишь, не нежишь меня?
Что ты бледен? О чем ты тоскуешь?
Что ты хочешь? — Всё сделаю я...»

Нет, любовью твоей умоляю,
Нет, не делай, мой друг, ничего...
Я и то уж давно проклинаю
Час рожденья на свет моего...

31 июля 1858

59

О, как безумен я в своих капризах странных!
Давно ль старался я огонь твоей любви
Залить потоками упреков постоянных,
Смиряя страсть твою, кипевшую в крови?

Давно ль, безумец, я приличием холодным
Порывы бурные хотел в тебе сковать
И взглядам пламенным, речам твоим свободным
Благопристойности и скромности придать?

31 июля или 1 августа 1858

60. НОВОБРАЧНЫЕ

Жена

Ты любил другую,
Прежде чем женился?
Расскажи ж теперь мне,
Как ты с ней простился?
Сколько было жалоб,
Гнева и печали?
Как меня вы оба
Вместе проклинали?

Муж

Нет, сказал я просто,
Что к отцу я еду;
В глушь меня он тащит
Погостить к соседу.
А она сказала
С думою унылой:

«Коль зовет отец твой,
Поезжай, мой милый.
Только, добрый друг мой,
Воротись скорее...
Страшны отчего-то
Эти мне затеи.
Едет в глушь недаром
Твой отец — я знаю...
Верно, у соседа
Дочь есть молодая.
Мудрено ль в деревне
Ей тебе плениться!
И отец заставит
Там тебя жениться...
Но когда жениться
На другой ты будешь,
Ты моей последней
Просьбы не забудешь:
Поделись со мною
Чувствами своими
И твоей невесты
Напиши мне имя, —
Чтоб о ней могла я
Каждый день молиться:
Пусть она с тобою
Счастьем насладится».

1 августа 1858

61. ⟨ПИСЬМО К С. П. ГАЛАХОВУ⟩

К вам так долго
Не писал я,
Чувству долга
Изменял я...
Но, надеясь
На прощенье,
Снова смею-с
Обращенье
К вам составить,
Вам теченье
Дел представить

В рассмотренье.
Как живу я
Поживаю,
Правду всю я
Сообщаю.

Я лечуся
В Старой Руссе
От болезни.
Но — хоть тресни,
Золотуха,
Точно муха,
Так пристала,
Что ей мало
Ванн соленых,
Кипяченых;
Нужны грязи...
В этом разе
Я терзаюсь,
Подвергаюсь
Пачкотне сей
Разных смесей...
Мне не сладко,
Даже — гадко
Так мараться
И купаться
(Как позорно!!)
В грязи черной.
Но здоровье,
По присловью,
Так пригоже,
Что дороже,
Чем всё в мире.
Чтó нам в лире,
Чтó в богатстве,
В чистом братстве,
В громкой славе
И в забаве,
Что в начальстве,
Генеральстве,
Сытных яствах,
Всех приятствах,

Если болен:
Недоволен
Светом целым,
И за делом
Не сидится,
И не спится,
Всё хладеет,
Побледнеют
И ланиты,
Аппетиту
Не дождешься,
И всё бьешься
Без умолку
И без толку!..

Да, болезни
Нелюбезны.
Это зная,
Вам желаю
Первым словом
Быть здоровым;
В чувствах тая,
Посылаю
Также вдаль я
И Наталье
Алексевне
Вседушевне
То ж желанье.
В докончанье,
Сердца в жаре,
И Варваре
Алексевне
Вседушевне
То ж желаю;
Прилагаю
И Алеше
Ту же ношу
Благ желанья.
До свиданья.

Стих мой дрянный,
Очень странный,

Вы простите,
Извините.
Я мараю,
Не желая
Затесаться
В ряд поэтов,
Вроде Фетов,
Иль талантов,
Вроде франтов
Соллогубов.

Добролюбов

Июль — начало августа 1858

62. РЕФЛЕКСИЯ

О *ней* и о своей любви
Я думал с грустью и боязнью.
Горела страсть в моей крови,
А совесть мне грозила казнью.

Не зная, чем мне кончить с *ней*,
Я проклинал свое безумье
И плакал о любви своей,
Полн малодушного раздумья.

Вдруг донеслися до меня
Из-за перегородки тонкой
И речи, полные огня,
И поцелуй, и хохот звонкий.

Потом всё стихло. Свет потух.
Лишь напряженное дыханье,
Да шепот проникал в мой слух,
Да заглушенное лобзанье...

Я знал их. Как я с *ней*, сошлись
Они случайно, но влеченью
Сердец беспечно предались,
Без дум, без слез, без опасенья.

Счастливцы! В светлой их любви
Нет ни сомненья, ни боязни,
Их страсть — и в сердце и в крови,
И совесть не сулит им казни.

13 августа 1858

63

Пала ты, как травка полевая
Под косой искусного косца;
И, ему себя всю отдавая,
Для него с любовью, умирая,
Аромат свой льешь ты до конца.

А ему — и небо помогает
Наслаждаться гибелью твоей:
Туч своих оно не посылает,
И твое паденье орошают
Только слезы из моих очей.

13 августа 1858

64. НАШ ОЛИМП

Низко наше небо;
Над землей оно
Тяжело нависло,
Мутно и темно.

Негде разыграться
Сладостным мечтам,
Неоткуда взяться
Светлым божествам.

Но в лесах дремучих,
В омутах речных,
Под землей, в болотах,
Много духов злых.

Их нечистой силой
Связан наш народ;
Им он, полный страха,
Почесть воздает.

Если ж и поднимет
Взгляд свой к небесам —
Всё столбы да змеи
Грозно ходят там.

16 августа 1858

65

Я не хочу отцовского наследства:
На нем долги несчетные лежат;
С ним слиты для меня печали детства
И лиц — то грозных, то молящих — ряд.

Те лица грозные с своими векселями
Явились и теперь — долги свои взыскать,
Их иски правильны и признаны судами,
И пол-имения я должен им отдать.

Еще останется другая половина;
На ту ни у кого заемных писем нет.
Но в памяти моей жива еще картина
Моих младенческих, давно протекших лет...

1858

66

Не богат ни враждой, ни любовью,
Ни горячею верой в себя,
Для чего же врежу я здоровью,
За работою юность губя?

1858

67

Когда поссорились два брата,
При дележе своих полей,
На них с грозой была подъята
Десница гневная судей...

1858

68

В тиши ночной, когда весь мир забылся сном,
Ворочаюсь в тоске я на одре моем,
Безумство прошлое с слезами проклинаю
И стих божественной псалтири вспоминаю:
«Блажен, губителей в собранье не вступавший,
Блажен, Ср⟨езневско⟩го суббот не посещавший;
Блажен, не видевший там разных обществ членов,
Из коих головой всех выше там П⟨ол⟩енов;
Блажен, не зревший, как, склонивши глазки вниз,
Носище ж вверх подняв, сидит грек Дестунис,
С аркадской простотой, с фиванским тупоумьем.
Федор Степаныч как с безоблачным раздумьем
Молчал там много лет и вдруг заговорил.
Блажен, кто за его развитьем не следил.
Блажен не слышавший, острит как Савваитов,
Блажен, кто не видал науки паразитов —
Кто Купр⟨иян⟩ова, Юшк⟨еви⟩ча не зрел,
За Сух⟨омли⟩нова наивность не краснел.
Блажен, кто не внимал с афронтом для ушей
Басистый, слитный гул Савельева речей.
Блажен не видевший, как молодой Ламанский
С открытьем носится в истории славянской,
Как Пыпин, что в душе так злобою сгорает,
С корыстной целию субботы посещает,
Как Добр⟨олю⟩бов там сидит и чистит руки,
Подозреваемый в служении науке;
Пекар⟨ский⟩ оттиска как просит из «Известий»,
Которых получать он не имеет чести.
Как черный харьковец сидит в углу без слов,
Как детски там шамшит и судит Чебышев,

Как заикается науки жалкий парий,
Хозяина сочлен, архимандрит Макарий.
Блажен, кто не слыхал (то, что всего жесточе),
Как, брови вздернувши, и вылупивши очи,
И брюхо выставив, как некий полный кузов,
Различным голосом болгарин Палауз⟨ов⟩
По крайней мере час рассказывал о том,
Как князь Петр Вяземский изволили при нем
Проснуться, поплевать, с постели приподняться
И чем-то там еще таинственно заняться.
Блажен, кто не знавал всех сих жрецов наук,
У коих изучен глухой и мягкий звук
И кои заняты светильнями, изгойством,
Отрывками житий, чиновным беспокойством,
Деепричастием, санскритским словарем,
Хвалою Блудову и дружеством с князьком,
Блажен, стократ блажен!.. Но жалок, жалок тот,
Кто легкомысленно в их сонмище войдет!..

Но во сто тысяч раз несчастней тот несчастный,
Которому попасть придется в круг ужасный,
Что Бл⟨аговещенск⟩ий вокруг себя собрал,
Упитанный телец, трусливый либерал!
Тут некого назвать, тут nomina obscura, [1]
Известно только то, что их натура — dura. [2]
Против цензуры тут хозяин восстает,
Когда в его статье вдруг цензор зачеркнет
Ученый и живой обзор педерастии.
Он славит сам свои намеренья благие,
Коль двери заперты и лишних нет людей.
Тут брат его сидит без мысли и речей,
А он-то всё твердит: «Мой новый труд — Гораций»;
Усач Вл⟨адимирск⟩ий тут представитель граций.
Тут Ходнев властелин научных всех вопросов,
Роль литератора играет Водовозов,
Всех в восхищение приводит «Весельчак»,
Всем Павлов Николай — отчаяннейший враг,
Все повторяют здесь давнишние остроты
И вычитанные из книжек анекдоты,

---

[1] Неизвестные имена (лат.). — *Ред.*
[2] Суровая (лат.; здесь игра слов). — *Ред.*

Иль уж за ужином расскажут непечатный
С благою целию, чтоб ужин благодатный,
Гостям предложенный, из горла возвращался
И в пользу милого хозяина остался.
О, бдите, юноши, чтоб не попасть в тенета
Защитника ума и чести факультета!!»

Так в тишине ночной, средь общего молчанья,
Перед всеведущим свершал я покаянье,
И внял раскаянью всевидящий творец,
И глас я с небеси услышал наконец:
«О смертный! Не ропщи! Смирись! Не проклинай!
И в бедствии своем мой промысл признавай!
К субботникам я сам затем тебя привел,
Чтоб после ад мой был тебе не так тяжел».

1858

69

Не в блеске и тепле природы обновленной,
Не при ласкающем дыхании весны,
Не в бальном торжестве, не в зале оживленной
Узнал я первые сердечной жизни сны.

В каморке плачущей, среди зимы печальной,
Наш первый поцелуй друг другу дали мы,
В лицо нам грязный свет бросал огарок сальный,
Дрожали мы вдвойне — от страсти и зимы...
И завтрашний обед, и скудный и неверный,
Невольно холодил наш пыл нелицемерный.

Кто знает, для чего ты отдалася мне?
Но знал я, отчего другим ты отдавалась...
Что нужды? .. Я любил. В сердечной глубине
Ни одного тебе упрека не сыскалось.

1860 или 1861

70

Увидал я ее на гуляньи
И, обычную робость забыв,
Подошел, стал просить о свиданьи,
Был настойчив, любезен и жив.
. . . .
Закричали: «Скорей, Мариучча. . .»

1860 или 1861

71

Видал я суетных рабов
Принципов строгих и свободных,
Видал начитанных глупцов,
Лакеев мыслей благородных
. . . .
Женатых евнухов ряды,
О воспитаньи вопиющих. . .

1860 или 1861

72

Еще работы в жизни много,
Работы честной и святой.
Еще тернистая дорога
Не залегла передо мной.

Еще пристрастьем ни единым
Своей судьбы я не связал
И сердца полным господином
Против соблазнов устоял.

Я ваш, друзья, — хочу быть вашим.
На труд и битву я готов, —
Лишь бы начать в союзе нашем
Живое дело вместо слов.

Но если нет — мое презренье
Меня далеко оттолкнет
От тех кружков, где словопренье
Опять права свои возьмет.

И сгибну ль я в тоске безумной,
Иль в мире с пошлостью людской, —
Всё лучше, чем заняться шумной,
Надменно-праздной болтовней.

Но знаю я — дорога наша
Уж пилигримов новых ждет,
И не минет святая чаша
Всех, кто ее не оттолкнет.

1860 или 1861

73

Не в грязных стеклах чердаков
И не в темницах преисподних,
А в окнах царственных дворцов
И на крестах церквей господних...

1860 или 1861

74

Когда впервые безграничный
Морской простор увидел я,
Зажглась тревогой непривычной
Душа ленивая моя.

1860 или 1861

75

О, подожди еще, желанная, святая!
Помедли приходить в наш боязливый круг!
Теперь на твой призыв ответит тишь немая
И лучшие друзья не приподымут рук.

1860 или 1861

76

Бурного моря сердитые волны,
Что так влечет меня к вам?
Я ведь не брошусь, отвагою полный,
Встречу свирепым валам.

Грудью могучею, сильной рукою
Не рассеку я волны;
Не поплыву я искать под грозою
Обетованной страны.

Край мой желанный, любимый мной свято,
Там, где волна улеглась,
Там, далеко, где, спускаясь куда-то,
Море уходит из глаз.

Мне не доплыть до страны той счастливой
Сквозь этих яростных волн...
Что же стою я, пловец боязливый,
Жадным желанием полн?

Так бы и кинулся в ярое море,
В бой бы с валами вступил.
Кажется, в этом бы самом просторе
Взял и отваги и сил.

1861

77

Нет, мне не мил и он, наш север величавый...
Тоски души моей и он не исцелит...
Не вылечусь я тем, что было мне отравой,
Покоя не найду, где мой челнок разбит.
Скучая и томясь бездействием тяжелым,
Один, для всех чужой, с уныньем молодым,
Брожу я, как мертвец на празднике веселом,
У моря теплого, под небом голубым.
Брожу и думаю о родине далекой,
Стараясь милое припомнить что-нибудь...
Но нет... и там всё то ж... всё тот же одинокий,

Без милой спутницы, без светлой цели путь...
И там я чужд всему, и там ни с чем не связан,
Для сердца ничего родного нет и там...
Лишь выучил я там, что строго я обязан
Для блага родины страдать по пустякам,
Что уж таков у нас удел разумной жизни...
Страдаю я и здесь. Чего же мне искать
В моей нерадостной, неласковой отчизне?
Там нет моей любви, давно в могиле мать,
Никто там обо мне с любовью не вздыхает,
Никто не ждет меня с надеждой и тоской,
Никто, как ворочусь, меня не приласкает,
И не к кому на грудь усталой головой
Склониться мне в слезах отрадного свиданья.
Один, как прежде, я там буду прозябать...
Лишь светом и теплом и роскошью созданья
Не станет север мой мне нервы раздражать...

1861

78

С тех пор как мать моя глаза свои смежила,
С любовью женский взгляд не падал на меня,
С тех пор моей душе ничья не говорила,
И я не знал любви живящего огня.

. . . .

Друг выспренних идей, как медная машина,
Для блага общего назначенный служить,
Я смею чувствовать лишь сердцем гражданина,
Инстинкты юные я должен был забыть.

1861

79

С тобой, мечтатель мой, я понял наконец
Источник моего душевного страданья:
То праведная казнь нелюбящих сердец —
Бессилие мечты, бессилие желанья.

1861

80

Сил молодецких размахи широкие!
    Я никогда вас не знал.
С первых лет детства усвоил уроки я
    Смиренномудрых начал.

Только и знал, что корпел всё над книжкою,
    Горбясь да портя глаза.
Если ругнет кто, бывало, мальчишкою —
    Так и прохватит слеза.

Гордо смотрел я на шалости сверстников,
    Бегал их игр молодых,
Всё добивался быть в роли наперсников
    У резонеров седых.

Старцы мой ум и степенность прославили;
    В школе всё первым я был;
Детям знакомых в пример меня ставили,
    Как я послушен и мил.

Сами товарищи местью обычною
    Мне не хотели платить:
Видно, фигуру такую приличную
    Было неловко дразнить.

1861

81

Проведши молодость не в том, в чем было нужно,
И в зрелые лета мальчишкою вступив,
Степенен и суров я сделался наружно,
В душе же, как дитя, и глуп и шаловлив.

1861

И если умирать — пусть лучше здесь умру я:
Приличье никому здесь не велит вздыхать
Перед одром моим... Без слез, без поцелуя
Закроют мне глаза...

1861

83

Не обманут я страстной мечтой,
Мы не любим, конечно, друг друга.
Но недаром мы дышим с тобой
Раздражающим воздухом юга.

Но недаром над нами волкан,
Перед взорами синее море
И в уме память древних римлян,
Наслаждавшихся здесь на просторе.

В тщетных поисках чистой любви
Столько лет погубивши уныло,
Я доволен теперь, что в крови
Ощутил хоть животную силу.

Для кого мне ее сберегать?
Всю растрачу с тобой, моя Нина,
Без надежды, чтоб стала терзать
За погибшие силы кручина.

1861

84

Вас страшит мой вид унылый.
Так и ждете: вот застонет,
Речью жалкой и постылой
Всю веселость в нас прогонит.

И ко мне, полны вниманья,
С светлой лаской вы спешите,

Льстясь надеждой, что стенанья
Добротой предупредите.

Так мы нищему калеке
Быстро сýем подаянье,
Чтоб он выгнившие веки
Не рванул на показанье,

Чтоб изломанные ноги
Не вывертывал пред нами
И не застил нам дороги
Острупленными руками.

Но не бойтесь: я не нищий, —
Спрячьте ваше подаянье:
Я гнушаюсь сладкой пищей,
Полной яда состраданья.

1861

85

Я желаю, чтоб мыслью бесплодной
Я томиться напрасно не мог,
Чтобы в речи прямой и свободной
Для нее был широкий исток.

1861

86

Полные радужных снов,
Шли мы по улицам Рима,
Реки восторженных слов
Так и лились несдержимо.

Сильно стучали сердца,
Лица дышали грозою...
Всё от святого отца
Взяли бы, кажется, с бою.

Слушал доверчиво я
Эти горячие речи...
Но — вдруг смутились друзья
От неожиданной встречи...

1861

87

Мы далеко. Неаполь целый
Слился в неясные черты.
Один Сент-Эльмо опустелый
Нас провожает с высоты.

Без пушек, без солдат, свободный,
Пугать он город перестал
И в праздник вольности народной
Трехцветным пламенем сиял.

Но под веселыми огнями,
Как будто демонов полна,
Качая длинными тенями,
Чернела грозная стена.

И в этот миг, как полдень знойный
Стоит над городом живым,
Чернеет замок беспокойный
Тиранства прежним часовым.

И говорит: «Отсюда можно
Из штуцеров перестрелять
Всех, кто пойдет неосторожно
Свободы истинной искать».

1861

88

Средь жалких шалостей моих,
То бестелесно идеальных,
То исключительно плотских
И даже часто слишком сальных,

СОЧИНЕНІЯ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

> Милый другъ, я умираю,
> Оттого, что былъ я честенъ;
> Но за то родному краю
> Вѣрно буду я извѣстенъ.
>
> Милый другъ, я умираю,
> Но спокоенъ я душою....
> И тебя благословляю:
> Шествуй тою же стезею.
>
> Н. Добролюбовъ.

ТОМЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1862.

Одну я встретил, для кого
Был рад отдать и дух и тело...
Зато она-то ничего
Взять от меня не захотела.

И до сих пор ее одну
Еще в душе моей ношу я,
Из лучших стран в ее страну
Стремлюсь, надеясь и тоскуя.

Зачем меня отвергла ты,
Одна, с кем мог я быть счастливым, —
Одна, чьи милые черты
Ношу я в сердце горделивом?

А впрочем, может, — как решить? —
За то лишь суетной душою
И не могу тебя забыть,
Что был отвергнут я тобою?

1861

89

Необозримой, ровной степью
Поспешно я держу мой путь.
Зачем? Чтоб вновь короткой цепью
Там в тесный круг себя замкнуть!

Круг заколдованный! За мною
Он всюду следовал, как тень:
В Париж, блестящий суетою,
И в тишь швейцарских деревень,

В уездный русский город Ниццу,
По итальянским берегам,
И в мусульманскую столицу,
И по родным моим полям.

На корабле средь океана
Он от меня не отставал
И в высях горного тумана
Меня собою оцеплял.

Июль 1861

90

Пускай умру — печали мало,
Одно страшит мой ум больной:
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной.

Боюсь, чтоб над холодным трупом
Не пролилось горячих слез,
Чтоб кто-нибудь в усердьи глупом
На гроб цветов мне не принес,

Чтоб бескорыстною толпою
За ним не шли мои друзья,
Чтоб под могильною землею
Не стал любви предметом я.

Чтоб всё, чего желал так жадно
И так напрасно я живой,
Не улыбнулось мне отрадно
Над гробовой моей доской.

1861

91

Милый друг, я умираю
Оттого, что был я честен;
Но зато родному краю,
Верно, буду я известен.

Милый друг, я умираю,
Но спокоен я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

1861

92

Когда тебя схоронят, друг мой милый,
В могиле темной и сырой,
Спущусь к тебе я в темную могилу
И обовьюсь вокруг тебя, друг мой...

Лобзая, бешено к груди своей прижму я
Холодный труп, и бледный и немой.
Зовя, дрожа, рыдая, упаду я
И обовьюсь вокруг тебя, друг мой...

Бьет полночь; мертвецы встают из гроба
И пляшут все веселою толпой.
Но мы в гробу лежим с тобою оба,
В твоих объятьях я лежу, друг мой.

День судный мертвецов зовет трубою
На вечное мученье иль покой, —
Но ничего не нужно нам с тобою...
Обнявшись, мы в гробу останемся, друг мой.

Февраль 1856(?)

93

Из слез моих родится много
Цветов душистых и живых;
Песнь соловьиная возникнет
Из вздохов жалобных моих.

Дитя! Когда меня ты любишь,
Тебе цветы я подарю,
И соловьи перед окошком
Твоим засвищут песнь свою.

Февраль 1856

94

Песни мои ядовиты:
Как же в них яду не быть?
Цвет моей жизни отравой
Ты облила мне, мой друг!..

Песни мои ядовиты:
Как же в них яду не быть?
Множество змей в моем сердце,
Да еще ты, милый друг!..

Январь 1857

95

Ко груди твоей белоснежной
Я голову тихо прижал,
И — что тебе сердце волнует,
В биеньи его угадал.

Чу, в город вступают гусары;
Нам слышен их музыки звук.
И завтра меня ты покинешь,
Мой милый, прекрасный мой друг.

Пусть завтра меня ты покинешь;
Зато ты сегодня моя.
Сегодня в объятиях милой
Вдвойне хочу счастлив быть я.

4 февраля 1857

96

Бог весть, где она сокрылась,
Сумасбродная моя!
С сердцем рыскал, в дождь и слякоть,
Всюду пó городу я.

Все трактиры я обегал
За беглянкою моей
И расспрашивал напрасно
Грубых кельнеров о ней.

Вдруг я вижу — мне кивает
С звонким смехом из окна.
Мог ли знать я, что попала
Во дворец такой она!..

6 февраля 1857

97

Я горестный Атлант, я должен мир носить,
Тот мир — тяжелый мир скорбей невыносимых.
Под тяжестью его нет сил мне больше жить,
Мне сердце рвет в груди от мук невыразимых.

Ты, сердце гордое, само хотело ты
Иль в счастьи быть, но в беспредельном счастьи,
Иль в горе беспредельном, — вот мечты
Твои исполнились: дано тебе несчастье...

6 февраля 1857

98

От нас выступают гусары,
Я слышу их музыки звук,
И с розовым пышным букетом
К тебе прихожу я, мой друг.

Тут дикое было хозяйство, —
Толпа и погром боевой...
И даже, мой друг, в твоем сердце
Большой был военный постой.

6 февраля 1857

99

Живые чувства расцветают
И отцветают в свой черед;
И вновь цветут... и вянут снова...
И так до гроба всё идет...

Я это знаю... Мыслью этой
Смущен мой мир, моя любовь,
И к сердцу, умному некстати,
Тревожно приливает кровь...

7 февраля 1857

100. ВОПРОС

Ночью над берегом дикого моря
Юноша грустный стоит,
Полон сомнений, с тоскою на сердце,
Так он волнам говорит:

«О, разрешите мне жизни загадку,
Вечно тревожный и страшный вопрос!..
Столько голов беспокойных томил он,
Столько им муки принес!..

Головы в иероглифных кидарах,
В черных беретах, в чалмах,
В пудре — и головы всякого рода
Бились над этим вопросом в слезах...

Кто же решит мне, что тайно от века?
В чем состоит существо человека?
Как он приходит? Куда он идет?
Кто там вверху, над звездами, живет?..»

Катятся волны с их шумом обычным,
Ветер несется и тучи несет,
Звезды мерцают в бесстрастьи холодном...
Бедный безумец ответа всё ждет.

8 февраля 1857

101

У тебя есть алмазы и жемчуг,
Всё, что люди привыкли искать, —
Да еще есть прелестные глазки...
Милый друг! Чего больше желать?..

Я на эти прелестные глазки
Выслал целую стройную рать
Звучных песен из жаркого сердца...
Милый друг! Чего больше желать?..

Эти чудные глазки на сердце
Наложили мне страсти печать;
Ими, друг мой, меня ты сгубила...
Милый друг! Чего больше желать?..

9 февраля 1857

102

Будто в самом деле ты так рассердилась?
Будто совершенно ты переменилась?
Целому я свету жаловаться буду,
Что со мной ты, друг мой, обошлась так худо...

Миленькие губки! Можно ль, чтоб вы стали
Так неблагодарны, чтоб о том сказали
Вы дурное слово, кто в любви к прекрасной
Вас во дни былые целовал так страстно.

9 февраля 1857

103

О, перестань, мое сердце, крушиться;
Сердце мое, примирися с судьбою!
С новой весною опять возвратится
Всё, что зима унесла за собою.

И еще как тебе много осталось!
Сколько красот у природы и света!
Лишь бы что́ милым тебе показалось, —
Можешь ты всё полюбить без запрета.

10 февраля 1857

104. ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Милая девушка! Губки пурпурные,
Кроткие, светлые глазки лазурные!
Милый мой друг, дорогая, желанная!
Всё о тебе моя мысль постоянная...

Длинен так вечер наш в зиму унылую.
Как бы хотел я с тобою быть, милая;
В комнатке тихой с тобой, друг пленительный,
Сидя, забыться в беседе живительной, —

Крепко к губам прижимать эту нежную,
Милую ручку твою белоснежную,
И на нее, эту ручку прекрасную,
Вылить в слезах всю тоску мою страстную...

15 февраля 1857

105

Грустно вошел я в густую аллею,
Где мы с любезной обеты шептали;
Где ее слезы в то время упали,
Там из земли теперь выползли змеи.

16 февраля 1857

106

Когда я вам вверял души моей мученья,
Вы молча слушали с зевотой утомленья.
Но в звучное я их излил стихотворенье,
И вы рассыпались в хвалах и восхищенья.

17 февраля 1857

107

Пусть на землю снег валится,
Вихрь крутит и буря злится,
Пусть стучит ко мне в окно...
Нужды нет... мне всё равно:
Образ милой надо мною
Веет тихою весною...

17 февраля 1857

108

Солнце уже поднялось над горами,
В стаде овечки звонками звучат...
Друг мой, овечка моя, мое солнце и радость, —
Как я еще раз взглянуть на тебя был бы рад!..

С жадным томленьем гляжу я в окошко...
«Друг мой! Прощай! Я иду от тебя...»
Нет, всё, как прежде, опущены шторы...
Спит еще всё... и во сне еще грежусь ей я...

31 марта 1857

109

Друг любезный! Ты влюбился, —
Горе новое пришло...
В голове твоей туманно,
А на сердце так светло...

Друг любезный! Ты влюбился,
Но не хочешь говорить. . .
Но я вижу — счастье сердца
Чрез жилет твой уж сквозит. . .

2 апреля 1857

110

В мраке жизненном когда-то
Чудный образ мне светил;
Но потуск тот светлый образ,
Мрак совсем меня покрыл.

Дети, ежели в потемках
Ужас чувствовать начнут,
Чтоб боязнь свою рассеять,
Песню громкую поют.

Так и я, ребенок глупый,
Я пою теперь впотьмах.
Песнь моя звучит уныло,
Но рассеян ей мой страх.

5 апреля 1857

111

Стоял я в забытьи тяжелом,
В портрет ее взор устремил,
И милый мне образ, казалось,
Таинственно жизнь получил.

Чудесно-живая улыбка
Явилась у ней на губах,
И скорбные, скорбные слезы
Блистали в двух чудных глазах.

И сам я заплакал, и слезы
Катилися вдоль моих щек. . .
Я всё не могу еще верить,
Чтоб я потерять тебя мог! . .

6 апреля 1857

112

Подождите терпеливо:
Еще всё из сердца рвется
Старой боли стон и живо
В новых песнях отдается.

Подождите, в жизни новой
Эхо боли расплывется;
Из груди моей здоровой
Песнь весенняя польется.

6 апреля 1857

113

Кастраты всё бранили
Меня за песнь мою
И жалобно твердили,
Что грубо я пою.

И нежно все запели:
Их дисканты неслись,
И, как кристаллы, трели
Так тонко в них лились...

И пели о стремленьи
И сладости — любить...
И дамы в умиленьи
Все плакали навзрыд.

7 апреля 1857

114

Поутру встаю я с мыслью:
Если б милая пришла!
Ввечеру ложусь с досадой:
Нет, и нынче не была!

И в ночи с моей тоскою
Я без сна лежу,
И в мечтах, как полусонный,
Целый день брожу.

1 июня 1857

115

Ночь глухая была холодна и страшна,
Я по лесу бродил всё с тоской и проклятьем;
И деревья в лесу пробудил я от сна,
И они головой покачали с участьем...

2 июня 1857

116—120. ⟨*ИЗ РЕЦЕНЗИИ НА «СТИХОТВОРЕНИЯ МИХАИЛА РОЗЕНГЕЙМА»*⟩

1

ПОРА!

Нет, уж нечего больше шутить,
Нет, не в силах я больше смеяться.
Надо слезы раскаянья лить
И в слезах от пятна омываться,
Что века наложили на нас. . .
Нам в самих себя надобно вникнуть
И исправить себя от проказ,
И на целую Русь надо крикнуть,
Что теперь наступила пора —
Да и точно она наступила —
С корнем вырвать все отрасли зла,
Что так долго Россию губило.
Не поможешь словами теперь,
Надо действовать честно и смело.
И при этом — хороший пример
Лучше бра́ни постыдному делу.
Честью родины кто дорожит,
Пусть пожертвует выгодой личной —
Мелкой должностью пусть не презрит
И пример всем представит отличный.

Конрад Лилиеншвагер

2

PIA DESIDERIA[1]

Там, где строят дороги железные,
Пароходство растет каждый час,
Предприятья заводят полезные,
Поощряют промышленный класс;

Где оковы с народа снимаются,
Где свободный рождается труд,
Воспитание где возвышается,
К делу, к жизни все силы зовут;

Где повсюду заметно стремление
На свободный, полезный всем труд;
Допустить там возможно ль сомнение,
Что полезен и праведный суд

С непременною адвокатурою,
Как надежнейшим средством — суду
С переделанной магистратурою
Дать и правильность и быстроту,

И труду в то же время народному
Вновь обильный источник открыть
Юных сил к упражненью доходному
И к возможности деньги скопить!..

8

В АЛЬБОМ ПОБОРНИКУ ВЗЯТОК

Верно, ты негодяй и мошенник,
Если ты уж решился сказать,
Будто тот есть отчизны изменник,
Кто на взятки посмеет восстать.

[1] Благие пожелания (лат.). — *Ред.*

Нет, неправда, что тот есть скотина,
Ветрогон и пошлейший дурак,
Кто не алчет высокого чина,
Кто на службе не множит бумаг.

Кто, служа бескорыстно и честно,
Не по взяткам расправу творит
И, преследуя зло повсеместно,
Чистой страстию к долгу горит.

Нет, не он есть отчизны губитель,
Губишь ты ее, злая змея,
Губишь ты ее, вор и грабитель,
Ты, корыстный, рутинный судья.

Патриотом слывешь ты, надменный,
Но отчизну ты хвалишь, — губя. . .
О, с каким аппетитом, презренный,
По зубам бы я съездил тебя!!!

4

МОЕМУ БЛИЖНЕМУ

(Обличительное стихотворение)

Знаю, что правду пишу, и имен не значу.

Кантемир

Брось ты промысел свой гнусный
Залезать в чужой карман;
Пусть мошенник ты искусный,
Но постыден ведь обман.

По закону ты не смеешь
Воровать чужих платков,
И часов коль не имеешь,
Так останься без часов.

Верь, что собственность священна,
Верь, что грех и стыдно красть,
Верь, что вора непременно
Наконец посадят в часть.

Конрад Лилиеншвагер

25 сентября 1858 г.
3 часа и 25 минут пополудни

5

УЛИЧЕННЫЙ МЗДОИМЕЦ

Одиннадцать рублей и тридцать три копейки —
Вот месячный оклад Степана Фомича.
На что же к рождеству он шьет жене шубейки,
А к пасхе делает четыре кулича?
Награды к праздникам он, правда, получает;
Но много ли? Всего рублей на пятьдесят,
И значит — это в год всего-то составляет
Сто восемьдесят шесть целковых — весь оклад,
И то без четырех копеек. Но положим,
Что — круглым счетом — в год сто восемьдесят шесть.
Мы с вами, думаю, едва ль представить можем,
Как можно год, с женой, на это пить и есть.
Но наш Степан Фомич наивно уверяет,
Что жалованьем он одет и сыт с женой.
Квартирку, видите, он на Песках снимает
И в месяц пять рублей там платит за постой,
Да учит сверх того хозяйского сынишку
Письму и чтению, и за успех его
Хозяин не берет с жильцов полезных лишку
И даже за воду не просит ничего.
Но всё же шестьдесят рублей ведь в год придется;
Да выйдет на дрова не меньше тридцати.
Вот девяносто уж. Теперь — на стол дается
Степаном Фомичом целковых по шести
На каждый месяц. Вот, как всё-то сосчитаем,
И выйдет серебром сто шестьдесят уж два.
Потом — Степан Фомич с супругой любят чаем
Согреть себя раз в день, а в праздники — и два.

И выйдет в год у них четыре фунта чаю,
Фунт в два рубля — так на восемь рублей;
Полпуда сахару — фунт в четвертак считая, —
В год пять рублей. Притом у них не без затей:
В день три копеечки на белый хлеб изводят;
Во сколько ж в целый год им этот хлеб войдет?
Одиннадцать рублей без пятака выходит,
Иль даже без гроша, коль высокосный год.
Теперь итог у них какой же будет к году,
С начала до конца когда мы всё сведем?
Сто восемьдесят пять рублей у них расходу
И девяносто пять копеек серебром:
Копейкой менее, чем весь оклад казенный!
Но погодите: всё ведь это в год простой.
А высокосный год?! Вот тут-то счет резонный
Степана Фомича и обличит с женой.
Ведь в высокосный год им лишних две копейки
Сверх жалованья их придется издержать
(Уж я не говорю про новые шубейки
И про обычай их на пасхе пировать).
Откуда ж этот грош, Степан Фомич почтенный,
Коль жалованьем вы содержитесь одним,
Коль не торгуете вы долгом тем священным,
Какой лежит на вас всем бременем своим?
Что скажете? Вы клад в земле себе отрыли,
Иль с неба этот грош на бедность вам ниспал?
Нет, уж довольно нас вы за нос всех водили;
Теперь по Щедрину вас русский свет узнал.
Узнали мы теперь, откуда вы берете
Преступные гроши, исчадия греха,
Несчастных кровь и пот вы в свой карман кладете!
На праздник вам идет вдов и сирот кроха!!!
Корысти мелочной вы жертвуете честью,
Законом, правдою, любовию к добру;
Вы существуете лишь подкупом и лестью,
Вы падки к золоту, покорны серебру!!!
Вы все заражены иудиным пороком,
Меж вами царствует мздоимство, лесть и ложь...
Но горе! я восстал карающим пророком,
И обличу я вас за каждый лишний грош!!!!..

1858

121—127. *МОТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ*

1

СОВРЕМЕННЫЙ ХОР

(Посвящается всем знающим дело)

Слава нам! В поганой луже
Мы давно стоим,
И чем далее, тем хуже
Всё себя грязним!

Слава нам! Без ослепленья
На себя мы зрим
И о нашем положеньи
Громко мы кричим.

Сознаем мы откровенно,
Как мы все грязны,
Как вонючи, как презренны
И для всех смешны.

Слава нам! В грехах сознанье
Мы творим, смеясь,
И слезами покаянья
Мы разводим грязь.

Гордо, весело и прямо
Всем мы говорим:
«Знаем мы, чем пахнет яма,
В коей мы стоим. . .»

Друг на друге растираем
Мы вонючий ил,
И друг друга мы ругаем,
Сколько хватит сил.

Справедливо мы гордимся
Подвигом таким
И уж больше не стыдимся,
Что в грязи стоим.

Смело мы теперь смеемся
Сами над собой
И без страха окунемся
В грязь — хоть с головой. . .

2

ВСЕГДА И ВЕЗДЕ

(Посвящается гг. Надимову, Волкову, Фролову, Фолянскому и подобным)

Я видел муху в паутине —
Паук несчастную сосал;
И вспомнил я о господине,
Который с бедных взятки брал.

Я видел червя на малине —
Обвил он ягоду кругом;
И вспомнил я о господине,
На взятки выстроившем дом.

Я видел ручеек в долине —
Виясь коварно, он журчал;
И вспомнил я о господине,
Который криво суд свершал.

Я видел деву на картине —
Совсем нага она была;
И вспомнил я о господине,
Что обирал истцов дотла.

Я видел даму в кринолине —
Ей ветер платье поддувал;
И вспомнил я о господине,
Что подсудимых надувал.

Я видел Фридберг в «Катарине» —
Дивился я ее ногам;
И вспоминал о господине,
Дающем ложный ход делам.

В салоне молодой графини
Я слышал речи про добро;
И вспоминал о господине,
Что делом фальшит за сребро.

Лягушку ль видел я в трясине,
В театре ль ряд прелестных лиц,
Шмеля ли зрел на георгине
Иль офицеров вкруг девиц —

Везде, в столице и в пустыне,
И на земле и на воде, —
Я вспоминал о господине,
Берущем взятки на суде!..

8

МЫСЛИ ПОМОЩНИКА ВИННОГО ПРИСТАВА

Еще откуп имеет поборников,
Но могу на него я восстать;
Генерал Сидор Карпович Дворников
Сам уж начал его порицать.

Признаюсь, я давненько, действительно,
Злобу к откупу в сердце питал,
Хоть доселе ни слова решительно
Никому про него не сказал.

Низко кланялся я целовальникам,
И поверенным тонко я льстил
(Подражая ближайшим начальникам),
Но теперь — генерал разрешил.

Поощренье его генеральское
Влило бодрость и силу в меня:
Откупов учрежденье канальское
Я кляну среди ночи и дня.

В нем для публики всей разорение,
В нем великий ущерб для казны,
В нем и нравов народных растление,
В нем позор и погибель страны.

Поражать речью дерзкой, открытою
Буду я молодцов откупных,
Посмеюсь я над кастой побитою,
Зло старинное вылью на них.

Говорить и браниться язвительно
Поощрил меня сам генерал. . .
Хоть всё кажется мне, что внушительно
Вдруг он скажет: «Молчи, либерал!»

Что ж? Ему эти вещи известнее:
Нам он может всегда приказать.
Коль наскучим ему нашей песнею,
Долг его приказать нам молчать.

4

ЧУВСТВО ЗАКОННОСТИ

Вот вам новый предмет обличения.
Избегал он доселе сатиры,
Но я вышел теперь из терпения
И поведаю целому миру:

От извозчиков зло и опасности,
О которых, по робости странной,
Ни один из поборников гласности
Не возвысил свой голос гуманный.

Дважды в год, как известно, снимаются
Все мосты на Неве, и в то время
За реку сообщенья свершаются
Через мост Благовещенский всеми.

Тут всем ванькам законом прибавлена
За концы отдаленные плата;
Но обычная такса оставлена
Круглый год нерушимо и свято

На Васильевский остров и к Смольному.
Как же ваньки закон соблюдают?
Только гнева порыву невольному
Патриота они подвергают. . .

Раз мне осенью в Пятую линию
Из-под Смольного ехать случилось.
Занесло меня клочьями инея,
Больше часа езда наша длилась.

По приезде я, вынув двугривенный,
Пять копеек потребовал сдачи.
Что ж мой ванька? «Да, барин,
трехгривенный. . .
Наша такция нонче иначе. . .»

«Как иначе?» — «Да как же? Указано
Вдвое брать, как мосты-то снимают».
— «Покажи мне, плут, где это сказано?
Где про Остров закон поминает?»

«Что мне, сударь, напрасно показывать!
Коли совести нет, так уж, видно,
Неча с вами и дела завязывать. . .
Только больно мне эфто обидно».

И, сказавши, хлестнул он решительно
Лошаденку и стал удаляться.
На него закричал я пронзительно,
Что он должен со мной расквитаться.

Но, услыша мое восклицание
И пятак мне отдать не желая,
Он поехал быстрее. . . В молчании
Я стоял, за ним мысль устремляя.

Я ограблен канальей безвестною...
Но не это меня сокрушало:
Горько было, что ложью бесчестною
Эта шельма закон искажала...

Я подумал о том, как в Британии
Уважаются свято законы,
И в груди закипели рыдания,
Раздались мои громкие стоны...

5

Презрев людей и мир и помолившись богу,
Я гордо выступил на трудную дорогу.
Вверху лежала тьма, каменья под ногой,
С боков овраг зиял ужасной глубиной,
Над самой головой летали вереницы
Ужасно скаредной и кровожадной птицы.
Я сам не знал, куда и для чего иду,
Я был как будто бы в горячечном бреду.
Лишь веры и любви светильник благотворный
Светил мне на борьбу во тьме неправды черной.
Подъяв чело, я шел бестрепетной стопой
И орошал свой путь чувствительной слезой.
Тая в груди своей высокое сознанье,
Я закалял свой дух в горниле испытанья.
Не видя ничего, хотел я лишь идти
И за добро страдать в неведомом пути.
В больной душе моей всё убежденье жило,
Что тьма рассеется, и встанет дня светило,
И, разбудив людей, зажжет у них в крови
Луч правды доблестной и луч святой любви...
Сбылись предчувствия! Тот, кто времен теченье
Решил по своему благому изволенью,
Ночь в день переменил и дал узреть мне свет...
Но горе мне! в душе уж прежней силы нет.
Я, без толку всю ночь шатаясь, истощился,
Отваги молодой и свежести лишился.
Ночные подвиги! сгубили вы меня:
Я к утру чувствую, что нет во мне огня...

Сижу бездейственно, смотря на труд собратий,
Не смея произнесть ни жалоб, ни проклятий.
Не снес я своего тяжелого креста.
Я пал... В уме сумбур, а в сердце — пустота.

6

Учились, бедные, вы в жалком пансионе
Француза Фальбала; учили вы урок,
Не зная отдыха; в слезах, при общем стоне,
Терпели розги вы... Но всё не шло вам впрок.

Ученье было вам действительным мученьем,
И ждали вы, когда день выпуска придет.
Вы думали, что всем учебным заведеньям
Ниспослан от судьбы такой ужасный гнет.

Но вдруг настала вам минута возрожденья.
Француз Кабаретье ваш пансион купил.
На место розог плеть он ввел в употребленье
И школы вывеску уже переменил.

Есть даже слух, что он бранился с гувернером
И думает ему от места отказать.
О дети, радуйтесь: под собственным надзором
Француз Кабаретье вас хочет воспитать!

7

Жизнь мировую понять я старался,
Сердцем, как Гете, на всё отозвался;
В роще, на бале, средь моря, меж скал
Высших эмблем и симво́лов искал.
И наконец своего я добился:
Мир неразумный пред мной осмыслился.
Вот прохожу я по вспаханной ниве;
Образ другой мне является вживе:
Вижу духовную ниву детей,
Семя приявшую добрых идей.

Реют над нивою птички живые:
Сердце так тешат надежды младые.
Вот к нам на лето летят журавли:
Образ пристрастия к благам земли.
По небу чистому тучки гуляют:
Чистое сердце так думы смущают.
Солнце блестит в голубых небесах:
Свет разливает наука в умах.
Солнце сокрылось за темною тучей:
Правду темнит дух неправды могучий.
Ветер ли веет: так умственный гений
Вихрем несется живых откровений.
Ветру ли нету: то гении спят,
Точно эоловы арфы молчат.
Пыльную зелень дождем орошает:
Плач покаянный пороки смывает...
Виден подснежник над рыхлым снежком:
Первые грезы о счастьи ином!
Бабочка резво порхнет по цветам:
Так я душою порхать буду *там!*
Скрыта змея под прекрасным цветком:
Так есть злодеи с красивым лицом...
Тащит зерно муравей хлопотливый:
Вижу пример в нем себе я, ленивый.
Пес караулит овец от волков:
Дворники так нас хранят от воров.
Вижу, коляску мчат кони вдали:
Власть то людей над скотами земли.
Звук балалайки донесся до слуха:
Вспомнил я тотчас гармонию духа.

1858

128. СТРАДАНИЯ ВЕЛЬМОЖНОГО ФИЛАНТРОПА

(Один из мотивов современной поэзии)

О, что за ад, что за терзанье!..
Поймешь ли, глупая толпа,
Поймешь ли ты мои страданья?
Нет, не поймешь ты — ты глупа...

Ты мнишь, что я подобен этим
Безмозглым, дряхлым богачам,
Которым, точно глупым детям,
Приятен лести фимиам.

Приятны пышные прозванья,
Чины, обеды, ордена
Да жар наемного лобзанья
С бокалом доброго вина. . .

Ты видишь внешность золотую
И внутрь не хочешь заглянуть;
Клянешь ты жизнь мою пустую
И весь мой прежний, грязный путь.

Но пыл святых моих стремлений,
Но реки ядовитых слез
Не видишь ты. . . мой гордый гений
Твои понятья перерос.

Любовь к добру, любовь к собрату,
Весь мир святых моих идей,
Всё, чем душа моя богата, —
Сокрыто в тайне от людей.

Неведом им и гений ада,
Враг всех идей моих святых,
Мне всюду ставящий преграды
Для действий чистых и благих. . .

Толпа, не зрящая страданий
Под покрывалом золотым!
Казнись же повестью терзаний,
Какими я теперь томим.

Одно несчастное семейство
На крае города живет.
Отец погиб от лиходейства
Одних сиятельных господ;

С тремя малютками, больная,
Без всяких средств осталась мать.
Сама в чахотке изнывая,
Она должна их содержать.

Минута каждая несчастным
Голодной смертию грозит.
И кто ж в их бедствии ужасном
Их приютит и защитит?

От скорби я невзвидел света,
О них прослушавши рассказ,
И заложить велел карету,
Чтоб к бедным ехать сей же час.

Уж я заранее наслаждался
Благословеньями сирот;
Заранее мною предвкушался
Благотворительности плод.

И что же? Гений мой ужасный
И тут мне на дороге стал:
Вдруг говорят мне, что опасной
Болезнью гнедко захворал...

Когда об этом мне сказали,
Я мог руками лишь всплеснуть...
Со дна души проклятья встали,
И клокотала злобой грудь...

Святое дело благостыни
Нельзя другим мне поручить;
Благотворения святыню
Я от людей привык таить.

Без гнедка ж ехать невозможно,
Нельзя разрознить четверни!
Сиди же дома и тревожно
Судьбу безумную кляни...

Простись с порывами святыми,
О бедных братьях не жалей
И над стремленьями живыми
Поставь печальный мавзолей.

Как будто мстя нам за ничтожность,
Судьба карает нас сама,
Повсюду ставя невозможность
Стремленьям сердца и ума.

Путем бессмысленных лишений,
Помех ничтожных и смешных
Лишает нас наш злобный гений
Плодов намерений благих.

Из-за того, что гнедко болен,
Там люди с голоду умрут!! .
Будь тут и счастлив и доволен,
Старайся быть спокойным тут!

Предсмертные часы несчастных,
Стон и конвульсии детей
Во всех подробностях ужасных
Встают перед душой моей.

Я трепещу, я содрогаюсь,
Я рву одежды на себе,
Я весь горю. . . Но покоряюсь
Меня карающей судьбе. . .

В душе огонь неугасимый
Любви к добру еще горит,
Но он лишь с болью нестерпимой
Мне сердце нежное палит. . .

Что за болезнь меня снедает,
Толпа людская не поймет;
Она счастливыми считает
Людей за деньги и почет.

А я — клянусь, мое именье,
И честь, и жизнь отдать бы рад,
Чтоб только не терпеть мученья,
Которым я теперь объят...

Но счастьем в жизни наслаждаться
На произвол нам не дано.
Страдать, терпеть и покоряться
Судьбою смертным суждено...

Всего же больше мук жестоких
Рок тем избранникам судил,
Стремлений кто в себе высоких
И добрых чувств не заглушил.

1858

129—132. *МОТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ*

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

(Отдавая дань природе, мы даем первое место благородной и исполненной смелых идей поэме г. Лилиеншвагера: «Четыре времени года». Этот поэт-мыслитель замечателен особенно тем, что природа со всеми своими красами для него, собственно говоря, не существует сама по себе, а лишь служит поводом к искусным приноровлениям и соображениям, почерпнутым из высшей жизни духа. В новейшее время лучшими нашими критиками признано, что природа лишь настолько интересует нас, насколько она служит отражением разумной, духовной жизни. С этой точки зрения должен быть признан огромный талант в г. Лилиеншвагере, который, как сам признается, «всем явлениям природы придает смысл живой», никогда не пускаясь в простое, бесплодное поэтизированье неразумных явлений мира. Поэзия его должна составить новую эпоху в нашей литературе: нельзя без особенного чувства читать стихотворения, в которых поэт при виде весны размышляет об английском судопроизводстве или, отморозивши себе нос, с отрадою предается

историческим воспоминаниям о двенадцатом годе. До сих пор только г. Розенгейм приближался несколько к такой высоте, да еще разве гг. Майков и Бенедиктов в некоторых стихотворениях давали слабые намеки на подобную гражданскую поэзию. — Прочитавши поэму г. Лилиеншвагера, читатели согласятся с нами, что к нему более чем к кому-нибудь можно приложить слова г. Дружинина (в «Библиотеке для чтения» 1859 года, № 1) о г. Майкове: «он сумел проложить себе дорогу и в мире высоких помыслов доискаться того лиризма, которым натура его не была богата»).

1

ВЕСНА

Боже! Солнце засияло,
Воды быстро потекли,
Время теплое настало,
И цветочки расцвели!

Жизнью, светом всюду веет,
Мысль о смерти далека,
И в душе идея зреет,
Поэтично высока!

Так законов изученье
Свет и жар нам в сердце льет
И свободное теченье
Нашей мысли придает.

Так в разумном вертограде
Правых английских судов
Расцветает, пользы ради,
Много нравственных цветов!..

Всем явлениям природы
Придавая смысл живой,
К солнцу правды и свободы
Возношусь я так весной!

7

ЛЕТО

Иду по ниве я, смотрю на спелый колос,
Смотрю на дальний лес и слышу звонкий голос
Веселых поселян, занявшихся жнитвом
И живописно так склоненных над серпом...

Иду и думаю: так нравственности зерна,
Так мысли семена пусть вырастут проворно
На ниве нравственной России молодой
И просвещения дадут нам плод благой.

Пускай увидим мы, пока еще мы вживе,
На невещественной, духовной нашей ниве —
Духовный хлеб любви, и правды, и добра,
И радостно тогда воскликнем все: «ура!»...

8

ОСЕНЬ

Ветер одежду зеленую
С дерева рвет,
Всё в эту пору студеную
Вянет и мрет.

Но и с главой обнаженною
Дуб вековой
Полон своей непреклонною,
Мощной красой.

Крепкий корней своих твердостью,
Он без листов
Ждет с благородною гордостью
Бурь и ветров.

Так над главой благородною
Годы мелькнут
И украшенье природное —
Кудри — сорвут.

Но и с главою плешивою,
Силен душой,
Будет *он* горд пред ленивою,
Глупой толпой...

Он не наденет с плачевною
Миной парик;
Но красотою душевною
Будет велик.

4

ЗИМА

Зима холодная! Тебя в укор нам ставят
Те, кои чуждое всё неразумно славят.
Но мне приятнее родимая зима,
Чем пресловутая Италия сама.
Невольным образом наш холод жесточайший
Напоминает мне о родине дражайшей.
Идя по улице и отморозив нос,
С отрадою всегда припомнишь тот мороз,
Что нам в двенадцатом году помог французов
Прогнать и перебить, как самых жалких трусов.
Тогда вся кровь во мне кипит на холоду;
Я сам тогда живу в двенадцатом году,
Не чуя холода, ни ветра завываний,
Полн исторических, родных воспоминаний...
Дрожь в теле чувствуя, пылаю я душой,
И родину люблю сильнее я зимой.
Я гордо сознаю тогда душою мощной,
Что Русь действительно есть исполин полнощный!..

Конрад Лилиеншвагер

1858 или 1859

133. РАЗБОЙНИК

(Розенгеймо-русская элегия)

Житья нам не стало! Нет прежней поживы!
Всё отнял проклятый прогресс, —
Провел им дороги, засеял их нивы,
Срыл горы и вырубил лес.

И что же! теперь по дороге прохожий
И ранней и поздней порой
Идет, распевая, с преглупою рожей,
Но с очень спокойной душой.

И нету при нем ни ружья, ни кинжала,
А страшно напасть на него...
Не то уже времечко нынче настало:
Начальство дошло до всего.

Раз я было вздумал купца-богатея
Под вечер в лесу ободрать;
Но вдруг помешали... Меня, как злодея,
Успели схватить и связать.

Затеяли дело... Исправник явился,
Всем сделал строжайший допрос,
И обыск, и ставки очны́е... Смирился
И денег ему я принес...

Я думал: «Чиновнику только б деньжонки...
Известно: что́ следует дай,
А там хоть на все на четыре сторонки,
Как вольная птица, ступай...»

Но нет! — и чиновники наши рехнулись...
Прогресс-то и их, знать, заел...
Сперва мы с исправником ловко стакнулись;
Купца еще спутать хотел!..

Но, деньги сорвавши, он вдруг бестолково
Занес мне какую-то чушь...
«Свет мысли, и сила печатного слова,
И гласность зашла в нашу глушь...

У нас не бывало о том циркуляра,
Чтоб мы поощряли грабеж...
А сверху грозит нам жестокая кара
За всякую взятку и ложь...»

Бездельник! Как врет-то! Мы, вишь ты, не знаем,
Как может вертеться закон,
Коль только искусной рукой направляем
И ловко толкуется он...

1859

184. НАШ ДЕМОН

(Будущее стихотворение)

В те дни, когда нам было ново
Значенье правды и добра
И обличительное слово
Лилось из каждого пера;
Когда Россия с умиленьем
Внимала звукам Щедрина
И рассуждала с увлеченьем,
Полезна палка иль вредна;
Когда возгласы раздавались,
Чтоб за людей считать жидов,
И мужики освобождались,
И вред был сознан откупов;
Когда Громека с силой адской
Всё о полиции писал;
Когда в газетах Вышнеградский
Нас бескорыстьем восхищал;
Когда мы гласностью карали
Злодеев, скрыв их имена,
И гордо миру возвещали,
Что мы восстали ото сна;
Когда для Руси в школе Сэя
Открылся счастья идеал
И лишь издатель «Атенея»
Искусства светоч возжигал;

В те дни, исполнен скептицизма,
Злой дух какой-то нам предстал
И новым именем *трюизма*
Святыню нашу запятнал.
Не знал он ничего святого:
Громекой не был увлечен,

Не оценил комедий Львова,
Не верил Кокореву он.
Не верил он экономистам,
Проценты *ростом* называл
И мефистофелевским свистом
Статьи Вернадского встречал.
Не верил он, что нужен гений,
Чтобы разумный дать ответ,
Среди серьезных наших прений —
Нужна ли грамотность иль нет...
Он хохотал, как мы решали,
Чтоб мужика не барин сек,
И как гуманно утверждали,
Что жид есть тоже человек.
Сонм благородных протестантов
Он умиленно не почтил
И даже братьев Милеантов
Своей насмешкой оскорбил.
Не оценил он Розенгейма,
Ростопчину он осмеял,
На всё возвышенное клейма
Какой-то пошлости он клал.
Весь наш прогресс, всю нашу гласность,
Гром обличительных статей,
И публицистов наших страстность,
И даже самый «Атеней» —
Всё жертвой грубого глумленья
Соделал желчный этот бес,
Бес отрицанья, бес сомненья,
Бес, отвергающий прогресс.

Конрад Лилиеншвагер

1859

135. БЕЗРАССУДНЫЕ СЛЕЗЫ

Солнце в тучах непроглядных
Грустно лик свой прячет;
У ворот двора сквозного
Бедный ванька плачет.

Целый день он по столице
    С юнкером катался;
Пять рублей ему дать юнкер
    За́ день обещался.

Но чрез двор сквозной под вечер
    Он от ваньки скрылся;
Ванька с клячей понапрасну
    Целый день морился.

«Успокойся, бедный ванька:
    Есть тебе защита.
Как тебя обидел юнкер —
    Будет всем открыто.

От обид и от обманов
    Уж прошла опасность!
Нынче время не такое:
    Процветает гласность!

Завтра ж я во всех газетах
    Публикую ясно:
«Ездил с юнкером извозчик
    Целый день напрасно.

Дать хотел он пять целковых,
    Не дал ни копейки!»
И предам его позору
    Я в моей статейке...»

Но, не внемля утешеньям,
    Глупый ванька плачет...
Солнце гневно лик прекрасный
    В черных тучах прячет.

Конрад Лилиеншвагер

1859

136. РАСКАЯНИЕ КОНРАДА ЛИЛИЕНШВАГЕРА

Известно, что г. Лилиеншвагер своим смелым и звучным стихом воспел в апреле месяце «беса отрицанья и сомненья», который вовсе не должен был бы и носа показывать в публику в настоящее время, когда (как очевидно из примера акционеров общества «Сельский хозяин») всё созидается на взаимном доверии и сочувствии. За непростительную дерзость г. Лилиеншвагера досталось и нам и ему в № 95 «Московских ведомостей». Мы, разумеется, тотчас же сказали, что наше дело сторона, и тем себя немедленно успокоили. Но г. Лилиеншвагер, как пылкая, поэтическая и притом почти немецкая натура, принял упреки «Московских ведомостей» очень близко к сердцу, и — кто бы мог это подумать? — в убеждениях его совершился решительный перелом. Как Пушкин отрекся от своего «Демона» вследствие некоторых советов из Москвы, так и г. Лилиеншвагер отрекся от своего беса и сделался отныне навсегда (до первой перемены, разумеется) верным и нелицемерным певцом нашего прогресса. Вот стихотворение, которым ознаменовал он момент своего раскаяния:

МОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Во дни пасхальных балаганов
Я буйной лирой оскорблял
Прогресса русского титанов
И нашу гласность осмеял.

Но от стихов моих шутовских
Я отвратил со страхом взор,
Когда в «Ведомостях московских»
Прочел презрительный укор.

Я лил потоки слез нежданных
О том, что презрен я в Москве...
Себе, в порывах покаянных,
Надрал я плешь на голове!..

Но плешью приобрел я право
Смотреть на будущность светло!..

С тех пор, не мудрствуя лукаво,
Я прояснил свое чело:

Меня живит родная пресса,
И, полн святого забытья,
Неслышной поступи прогресса
С благоговеньем внемлю я...

Конрад Лилиеншвагер

1859

137—140. *ОПЫТЫ АВСТРИЙСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ*

Соч. Якова Хама

(*От редакции «Свистка».* В настоящее время, когда всеми признано, что литература служит выражением народной жизни, а итальянская война принадлежит истории, — любопытно для всякого мыслящего человека проследить то настроение умов, которое господствовало в австрийской жизни и выражалось в ее литературе в продолжение последней войны. Известный нашим читателям поэт г. Конрад Лилиеншвагер, по фамилии своей интересующийся всем немецким, а по месту жительства пишущий по-русски, доставил нам коллекцию австрийских стихотворений; он говорит, что перевел их с австрийской рукописи, ибо австрийская цензура некоторых из них не пропустила, хотя мы и не понимаем, чего тут не пропускать. Стихотворения эти все принадлежат одному молодому поэту — Якову Хаму, который, как по всему видно, должен занять в австрийской литературе то же место, какое у нас занимал прежде Державин, в недавнее время г. Майков, а теперь г. Бенедиктов и г. Розенгейм. На первый раз мы выбираем из всей коллекции четыре стихотворения, в которых, по нашему мнению, очень ярко отразилось общественное мнение Австрии в четыре фазиса минувшей войны. Если предлагаемые стихотворения удостоятся лестного одобрения читателей — мы можем представить их еще несколько десятков, ибо г. Хам очень плодовит, а г. Лилиеншвагер неутомим в переводе.)

1

НЕБЛАГОДАРНЫМ НАРОДАМ

(Пред началом войны)

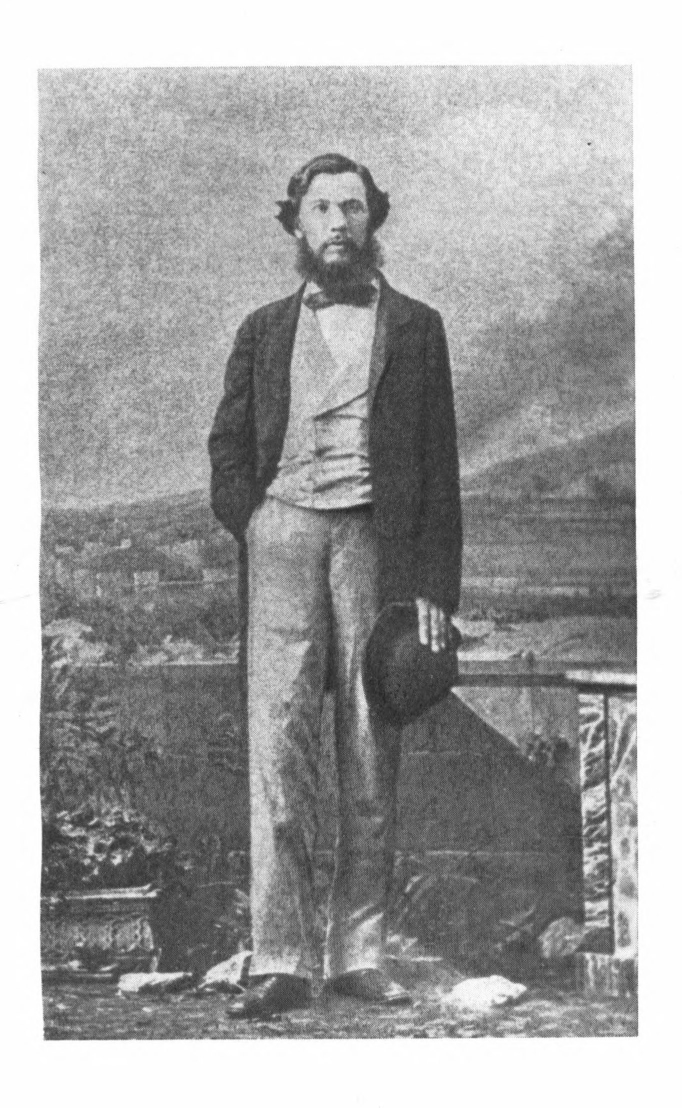
Не стыдно ль вам, мятежные языки,
Восстать на нас? Ведь ваши мы владыки!..
Мы сорок лет оберегали вас
От необдуманных ребяческих проказ;
Мы, как детей, держали вас в опеке
И так заботились о каждом человеке,
Что каждый шаг старались уследить
И каждое словечко подхватить...
Мы, к вам любовию отцовской одержимы,
От зол анархии хранили вас незримо;
Мы братски не жалели ничего
Для верного народа своего:
Наш собственный язык, шпионов, гарнизоны,
Чины, обычаи и самые законы —
Всё, всё давали вам мы щедрою рукой...
И вот чем платите вы Австрии родной!..
Не стыдно ль вам? Чего еще вам нужно?
Зачем не жить по-прежнему нам дружно?
Иль мало наших войск у вас стоит?
Или полиция о деле не радит?
Но донесите лишь — и вмиг мы всё поправим
И в каждый дом баталион поставим...
Или страшитесь вы, чтоб в будущем от вас
Не отвратили мы заботливый свой глаз?
Но мысль столь страшная напрасно вас
тревожит:
Австрийская душа коварна быть не может!!

2

НА ВЗЯТИЕ ПАРИЖА (ЕСЛИ БЫ ОНО СЛУЧИЛОСЬ)

(Писано при объявлении войны)

Давно ли бунт волною шумной
Грозил залить австрийский трон
И, полон ярости безумной,
На нас вставал Наполеон?

Давно ли ты, страна разврата,
Отчизна бунтов и крамол,
Была надеждою объята
Разбить еще один престол?

И что же? Честь, закон и право
Сразились с буйным мятежом,
И вмиг — страстей народных лава
Застыла в ужасе немом!..
Пред громоносными полками
Крамольник голову склонил,
И над парижскими стенами
Орел австрийский воспарил!

Теперь простись, о град надменный,
С республиканскою мечтой!
Ты не опасен для вселенной
Под нашей мудрою пятой.
В тебе покорность и порядок
Отныне царствовать должны,
И сон француза будет сладок
Средь безмятежной тишины.

Мечты преступные забудут,
Все по закону станут жить:
Курить на улицах не будут,
Не будут громко говорить;
Людей мятежных разум узкий
Законом будет огражден;
Источник смут — язык французский —
Всем будет строго запрещен!

Разврат, везде у вас разлитый,
У нас сокроется во мрак,
И над заразою сокрытой
Не посмеется злобный враг.
Мы будем горды, неприступны,
К вам не дойдет умов разврат:
Шпионы наши неподкупны
И полицейские не спят.

8

ОДА НА ПОХОД В ИТАЛИЮ

(В начале войны)

Война! и снова лавр победный
Австрийским воинам готов!..
Я вижу, как — смущенный, бледный —
Уже трепещет строй врагов;
Готов просить себе пощады,
Готов о мире умолять...
Но австру нет иной отрады,
Как непокорных усмирять!

Неотразимо, беспощадно
Мы будем резать, бить и жечь,
В крови врагов купая жадно
Австрийский благородный меч!
Во грады будем мы врываться
По трупам сверженных врагов
И гордо станем наслаждаться
Проклятьями сирот и вдов!

Мы будем чужды состраданью:
Детей и старцев перебьем,
Возьмем мы дев на поруганье,
Что не разграбим, то сожжем!
Сожжем мы города и села,
Мы выжжем нивы и луга —
Чтоб знала гнусная крамола,
Как поражаем мы врага!..

Поникнет, как от божья грома,
Страна всегдашних мятежей!..
О, нам давно она знакома,
И мы давно знакомы ей!
Князь Виндишгрец и граф Радецкий,
Барон Гайнау, Гиулай —
С отвагой истинно немецкой
Уже ходили в этот край...

Осенены их чудной славой
И полны памятью их дел,

Мы потечем рекой кровавой
В тот ненавистный нам предел!
Ура! Австрийскую державу
Распространит австрийский меч,
И нам спокойствие и славу
Даст смертоносная картечь!..

4

ДВЕ СЛАВЫ

(При вести о заключении мира)

Пусть лавр победный украшает
Героя славное чело —
Но друга мира не прельщает
Войны блистательное зло...
Предсмертный крик врагов сраженных,
Вопль матерей и плач сирот,
Стон земледельцев разоренных
Он внемлет — и войну клянет...

Иная, лучшая есть слава!
Иная, громче есть хвала!
И вновь Австрийская держава
Ее теперь приобрела:
Мечты воинственные бросив,
Щадя запас народных сил,
Наш император Франц Иосиф
Мир в Виллафранке заключил!..

На лицах всех сияет радость;
Ликуют села, города;
В полях, почуяв мира сладость,
Пасутся весело стада!
От груди матерней ребенка
Теперь никто не оторвет,
И даже малого цыпленка
Никто безвинно не убьет!

За столь благие элементы
Охотно мы врагам своим

Трофей Палестро и Мадженты
И Сольферино отдадим!
Воссядем мы под мирной кущей,
В восторге песни запоем
Величью Австрии цветущей
И — кружкой пива их запьем!

С австрийского
Конрад Лилиеншвагер

1859

141. СЛАВЯНСКИЕ ДУМЫ

(Во время плавания по Волге на пароходе)

1

Быстро идет пароход наш, но — движется мертвой машиной;
Барка хоть тихо плывет, но — разумною тянется лямкой.

2

В мелких местах капитан велит делать промеры,
Я же на Запад взываю: *измерьте глубь русского духа!*

3

Как ни хитрил капитан, чтобы мель обойти осторожно, —
Нет-таки — стал!.. Где ж справиться немцу с красою рек русских!!

4

Правый брег Волги горист, а левый брег — низмен;
Так и везде на Руси: что выше — правее бывает.

5

Немец у нас капитан, но русские все кочегары;
Так отразилась и здесь русская доблесть — смиренье!

1858—1860

142

Средь Волги, реченьки глубокой,
Стоял я долго на мели
И мыслил о судьбе высокой
Родимых вод, родной земли.

Вы хитры, — мнил я, — иноземцы,
Вы пароход изобрели;
Но всё ж на Волге мы вас, немцы,
По суткам держим на мели.

1858—1860

143—152. ⟨*ИЗ СТАТЬИ «НАУКА И СВИСТОПЛЯСКА»*⟩

1

НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВОПРОС В ПЕТЕРБУРГЕ

Domine, libera nos
a furore normannorum!..[1]

Еще один общественный вопрос
Прибавился в общественном сознаньи:
Кто были те, от коих имя «росс»
К нам перешло, по древнему сказанью?
Из-за моря тогда они пришли
(Из-за моря идет к нам всё благое).
Но кто ж они? В каких краях земли
Шумело море то своей волною?
Не знаем мы! Искали мы его
От Каспия, куда струится Волга,
Где дешева икра, — вплоть до того,
Где странствовал Максимов очень долго.
На Черном море думали найти,
Где Общество родного пароходства
Цветет, растет и будет всё цвести
Десятки лет, назло недоброхотству.
На Балтике его искали мы,

[1] Боже, избави нас от неистовства норманнов (лат.) — *Ред.*

Где вознеслась полночная столица,
Где средь болот, туманов и зимы
Жизнь так легко и весело катится.
Так мы не день, не месяц и не год,
А целый век, от моря и до моря,
Металися, как угорелый кот,
Томительно исследуя и споря.
Но наконец, измучась, истомясь,
Решились все на том остановиться,
На чем застал момент последний нас, —
Чтоб с этим делом больше не возиться!
В такой-то час норманство водворил
И дал почить нам господин Погодин.
И с той поры весь русский люд твердил,
Что Рюрик наш с норманнами был сроден.

Но снова мы сомнением полны,
Волнуются тревожно наши груди:
Мы слышим, что норманны сменены
Варягами-литовцами из Жмуди...

Норманнов уничтожил, говорят,
В статье своей профессор Костомаров.
Погодин хочет встать за прежний взгляд
И, верно уж, не пощадит ударов.

Кому-то пасть? Кому-то предлежит
Нас озарить открытьем благодатным?
Бог весть! Но грудь у всех у нас горит
Предчувствием каким-то непонятным.

Привет тебе, счастливая пора
Поднятия общественных вопросов,
В дни торжества науки и добра
Томит нас вновь призыв варяго-россов!

Что ж делать нам? Как разрешить вопрос,
Который так давно нас всех тревожит?
Он в детстве нам так много стоил слез
И, кажется, в могилу нас уложит!

Конрад Лилиеншвагер

2

Пока не требует столицы
Вопрос общественный к себе,
Услышишь вздор и небылицы
В пустой и суетной толпе.
Услышишь речи о погоде,
О производствах, рысаках,
Перчатках, галстуках по моде,
Портных, танцовщицах, певцах.
Но лишь Перозьо пустит пар
Или Погодин вызов грянет —
Весь Петербург мгновенно вспрянет,
Как будто на большой пожар...
Уж не сидит он в ресторанах,
И на Арманс он не глядит...
Об антраците и норманнах
Он вдохновенно говорит.
Бежит он, дикий и суровый,
Рискуя жизнью, взять билет —
В Пассаж, приют науки новый,
Иль в старый — в университет!..

3

БЛАГОДАРНАЯ ПЕСНЬ СОЗРЕВШЕГО РОССА

(Насвистывается на голос:
«Славься сим, Максим Петрович»)

Мы созрели! Мы созрели!
Веселись, созревший росс!
Вот теперь ты в самом деле
Стал полунощный колосс.

Помнишь, как тебя в Пассаже
Уложили в колыбель?

Но созрел (зимою даже!)
Ты в четырнадцать недель.[1]

Мы созрели! Мы созрели!
Так Погодин нам сказал.
Из Москвы для этой цели
Он нарочно прискакал.

С той поры, как нас огрели,
Жили мы повеся нос,
И, твердя: «Мы не созрели»,
Проливали токи слез.

Но теперь возьмемте смелость —
Взыскан милостями росс:
Из Москвы патент на зрелость
Академик нам привез.

Мы созрели! Росс, пойми же
И душою умились:
Скинь-ка шапку да пониже,
Да пониже поклонись!..

4

«Не созрел», — сказал Ламанский;
«Нет, созрел», — сказал Погодин.
«Свищет!» — вымолвил Ламанский;
«Рукоплещет!!» — рек Погодин.

---

[1] Здесь маленькая пиитическая вольность: собственно, в 13 недель, 6 дней, 4 часа и 30 минут, ибо незрелость наша засвидетельствована Е. И. Ламанским 13 декабря 1859 года, в воскресенье, в $3^1/_2$ часа пополудни, а патент на зрелость выдан нам г. Погодиным 19 марта, в субботу, ровно в восемь часов вечера. Неточность эту надо приписать единственно скорости сочинения, а то г. Лилиеншвагер сумел бы втиснуть в стих все измерения времени самым точным образом.

5

НОРМАННЫ И ПУК

Басня

(Вольное преложение из академика Погодина; на музыку будет положено, вероятно, Александром Васильевичем Лазаревым)

Задумав долг отдать природе, [1]
Мужик к себе сынов и внуков пригласил
И сочинил
Им завещанье в новом роде:
Пук розог им вручил
И предложил,
Чтоб кто-нибудь из них его переломил.
Пыхтел тут каждый сын, чтоб похвалил отец,
И каждый внук кряхтел, чтобы потешить деда...
Но наконец
Сознались, что победа
Над пуком сим
Не дастся им.
Тогда старик пук развязал
И им сказал,
Чтоб каждый взял
По пруту
И так ломал.
И что же? В ту ж минуту
Всяк, даже самый малый внук,
Свой прут сломал.
И вдруг —
Где пук?

———

Смысл притчи сей совсем не тот,
Какой нам с детства был известен;
К вопросу о норманнах он идет
И здесь весьма уместен.
Когда теорию норманства вообще
Одним усилием разрушить вы хотите,

---

[1] Стих сей заимствован из одной детской басни Б. М. Федорова, за что и приносим ему нашу чувствительную благодарность.

То вы погубите труды свои вотще
И никого не убедите.
Но если вы начнете разбирать
Все доказательства отдельно,
Тогда, конечно, вам нетрудно их сломать
И всех нас поразить смертельно.
Итак, мораль здесь та:
Доводы разбирать не следует отдельно,
А взяться следует за общие места:
Вот это будет дельно
И выгодно защитникам норманства.
А то, пожалуй, вдруг
Исчезнет их ученое убранство,
Как в басне — пук.

6

Так рек он, новейших времен
Менений Агриппа.
Но плохо он был оценен:
Змеиного шипа
В ответ ему кто-то пустил,
И всюду по зале
Послышался шепот: «Нет сил
В норманском начале!..
Явился норманщик с Москвы
Во имя науки
И важно, пространно — увы! —
Толкует — о пуке.
Пришла ж академику мысль
Скрываться за сказки!
Скорей его, Клио, причисль
К друзьям Свистопляски!»
И шипом змеиным прошел
Тот шепот по зале.
Но речь Костомаров повел, —
И все замолчали.

7

В двадцать пятом году, в декабре —
Помню — двадцать шестого числа —
Был я в юной и свежей поре
И свершил я большие дела:
Книгу Эверса я перевел
И представил немедля тому,
За кем я бессознательно шел,
Чьему слепо дивился уму...

И меня вопросил он тогда,
Зачем Эверса я преложил:
«Не годится ведь он никуда,
Ибо с юга он Русь выводил».
Я в ответ ему скромно сказал:
«Для того перевел я его,
Чтоб негодность его увидал
Русский люд из него самого».
Благосклонно взглянув на меня,
Мне ответил тогда Карамзин:
«Мне ясней теперь божьего дня,
Что из споров исход нам один —
Тот, что к нам из норманской земли
Рюрик, Синеус, Трувор пришли».
Так сказал мне тогда Карамзин,
И слова те запали мне в грудь.
Пусть меня покарает Один,
Если я вам соврал что-нибудь!

Вот душа занята чем была
Еще в юной и свежей поре, —
Помню — двадцать шестого числа,
В двадцать пятом году, в декабре!..

8

ДВА ПОРОГА

(Насвистывается на голос: «Задеть мою амбицию...»)

Гельндри и *Варуфорос* —
Вот два мои столба!
На них мою теорию
Поставила судьба.

Порогов сих названия
Так Лерберг объяснил
Из языка норманского —
Что спорить нету сил.

Конечно, автор греческий
Их мог и переврать;
Но мог, против обычая,
И верно написать.

Геляндри хоть приводит он
В числе *славянских* слов;
Но ясно — здесь ошибся он,
Не зная языков.

В славянских всех наречиях
Такого слова нет:
Но, обратясь к исландскому,
Сейчас найдем ответ.

Так точно и *Варуфорос*
Быть может объяснен
Лишь только скандинавскою
Пригонкою имен.

Геляндри и *Варуфорос* —
Вот, так сказать, быки,
Об кои обобьете вы
Напрасно кулаки!

9

ТАЙНЫЙ ГОЛОС

(Свищется на голос известного «Мальбруга»)

Пускай вы победили,
Я спорить не могу;
Но всё я в прежней силе
Норманство берегу.

Моих авторитетов
Не слушаете вы,

Других же вам ответов
Не взял я из Москвы.

Я мог бы, как Ламанский,
Вас всех теперь огреть:
«До истины норманской
Вам нужно, мол, дозреть!»

Но я — клянусь — несроден
К такому куражу.
Как русский, как Погодин,
От сердца вам скажу:

«Хоть я и откажуся
От взгляда своего,
Так это всё, божуся,
Не значит ничего.

Слаба у нас наука,
И толку мало в ней;
Но есть во мне порука
Надежней и верней.

Какой-то чрезвычайной
Я силой обуян:
Мне шепчет голос тайный,
Что Рюрик был норманн.

На вере к сим внушеньям
Основан весь мой взгляд:
Доверьем и смиреньем
Весь наш народ богат».

10

РОМАНС

МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ ОТ РЫЦАРЯ СВИСТОПЛЯСКИ

Когда б он знал, что рыцарь Свистопляски
Невольно с ним сливается душой
И больше рад его ученой ласке,
Чем он был рад, музей продавши свой!

Когда б он знал, как мил мне «Москвитянин»,
Где всяк писать из чести был бы рад!
Когда б он знал, что мне совсем не странен
Его порыв к востоку, на Царьград.

Когда б он знал! Когда б он знал!..

Когда б он знал, как слог его прилежно
Я в «Путевых заметках» изучал.
Когда б он знал, как пристально и нежно
Его статью я в «Парусе» читал!

Когда б он знал, что в спичах затрапезных
Меня живит его вертлявый тон
И что из всех ораторов полезных
Милее всех мне Кокорев да он!

Когда б он знал, в борьбе о жмудском деле,
Что уж во мне романс ему созрел!
Решась сказать, что все уж мы созрели,
Когда б он знал, что тут и я сидел!

Когда б он знал! Когда б он знал!

1860

153—155. *ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ КОНРАДА ЛИЛИЕНШВАГЕРА*

1

ЧЕРНЬ

(Первое стихотворение нового периода)

Прочь, дерзка чернь, непросвещенна
И презираемая мной!

Державин

Прогресс стопою благородной
Шел тихо торною стезей,
А вкруг него, в толпе голодной,
К идеям выспренним несродной,
Носился жалоб гул глухой.

И толковала чернь тупая:
«Зачем так тихо он идет,
Так величаво выступая?
Куда с собой он нас ведет?
Что даст он нам? чему он служит?
Зачем мы с ним теперь идем?..
И нынче всяк, как прежде, тужит,
И нынче с голоду мы мрем...
Всё в ожиданьи благ грядущих
Мы без одежды, без угла,
Обманов жертвы вопиющих
Среди царюющего зла!»

Прогресс

Молчи, безумная толпа!
Ты любишь наедаться сыто,
Но к высшей правде ты слепа,
Покамест брюхо не набито!..
Скажи какую хочешь речь
Тебе с парламентской трибуны, —
Но хлеб тебе коль нечем печь,
То ты презришь ее перуны
И не поймешь ее красот!
Раба нужды материальной
И пошлых будничных забот,
Чужда ты мысли идеальной!

Чернь

Нас натощак не убеждай,
Но обеспечь для нас работу
И честно плату выделяй:
Оценим мы твою заботу —
Пойдем в палаты заседать
И будем речи вдохновенной
О благоденствии вселенной
Светло и радостно внимать!

Прогресс

Подите прочь! Какое дело
Прогрессу мирному до вас?..
Жужжанье ваше надоело,
Смирите ваш строптивый глас.

Прогресс — совсем не богадельня,
Он — служба будущим векам;
Не остановится бесцельно
Он для пособья беднякам.
Взгляните — на небесном своде
Светило днéвное плывет,
И всё живущее в природе
Им только дышит и живет.
Но путь его не остановит
Ни торжествующий порок,
Ни филин, что его злословит,
Ни увядающий цветок!..

2

НАШЕ ВРЕМЯ

Наше время так хвалили,
Столько ждали от него,
И о нем, как о Шамиле,
Все так долго говорили,
Не сказавши ничего!

Стало притчей наше время
И в пословицу вошло...
Утвердясь на этой теме,
Публицистов наших племя
Сотни хрий произвело.

Наконец нам надоело
Слушать праздный их синклит,
И с возгласами без дела
Наше время опошлело,
Потеряло свой кредит.

Осердясь на невниманье,
Чуть не сгибло уж в Неве...
Но потом, нам в наказанье, —
Вдруг в газетное названье
Превратилося в Москве!..

8

ГРУСТНАЯ ДУМА ГИМНАЗИСТА
ЛЮТЕРАНСКОГО ИСПОВЕДАНИЯ И НЕ КИЕВСКОГО ОКРУГА

Выхожу задумчиво из класса.
Вкруг меня товарищи бегут;
Жарко спорит их живая масса,
Был ли Лютер гений или плут.

Говорил я нынче очень вольно, —
Горячо отстаивал его...
Что же мне так грустно и так больно?
Жду ли я, боюсь ли я чего?

Нет, не жду я кары гувернера,
И не жаль мне нынешнего дня...
Но хочу я брани и укора,
Я б хотел, чтоб высекли меня!..

Но не тем сечением обычным,
Как секут повсюду дураков,
А другим, какое счел приличным
Николай Иваныч Пирогов;

Я б хотел, чтоб для меня собрался
Весь педагогический совет
И о том чтоб долго препирался,
Сечь меня за Лютера иль нет;

Чтоб потом, табличку наказаний
Показавши молча на стене,
Дали мне понять без толкований,
Что достоин порки я вполне;

Чтоб узнал об этом попечитель,
И, лежа под свежею лозой,
Чтоб я знал, что наш руководитель
В этот миг болит о мне душой...

Конрад Лилиеншвагер

1860

156—162. *ЮНОЕ ДАРОВАНИЕ,*
ОБЕЩАЮЩЕЕ ПОГЛОТИТЬ ВСЮ СОВРЕМЕННУЮ ПОЭЗИЮ

Прежде всего воскликнем с Карамзиным:

Ах, не всё нам слезы горькие
Лить о бедствиях существенных;
На минуту позабудемся
В чарованьи красных вымыслов!

Успокоившись таким авторитетом, обращаемся к делу и рекомендуем читателям юное дарование, которое может, как говорит г. Григорьев о г. Случевском, или распасться прахом, или оказаться силою, новой, великою силою. Собственно говоря, мы не знаем, как думать о юном поэте и помещать ли его в «Современнике» или в «Свистке»; но решаемся на первый раз лучше в «Свистке»: а то в «Современнике»-то большею частию как-то несчастливы бывают — через два-три месяца уже не могут концы с концами свести... В «Свистке» не то: посмотрите, как твердо г. Лилиеншвагер стоит на своем пути!.. А юное дарование г. Капелькина будет поразнообразнее таланта Лилиеншвагера. Да вот, прочитайте и судите. Мы и письмо поэта печатаем, не скрывая его юношеской наивности: гласность, так уж гласность, полная, безусловная.

Милостивые государи!

Мне 20 лет. Я с юных годов одержим невыносимою любовью к поэзии. 12-ти лет я уже писал весьма хорошие стихи. Вообще я развился весьма рано. Вот первое стихотворение, которое я счел достойным печати: я написал его, будучи 12-ти лет.

1

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Вечер. В комнатке уютной
Кроткий полусвет.
И она, мой гость минутный...
Ласки и привет;

Абрис миленькой головки,
Страстных взоров блеск,
Распускаемой шнуровки
Судорожный треск...

Жар и холод нетерпенья...
Сброшенный покров...
Звук от быстрого паденья
На пол башмачков...

Сладострастные объятья,
Поцалуй немой —
И стоящий над кроватью
Месяц золотой...

1853

Это стихотворение попалось отцу моему, и он, признаюсь вам, чуть меня за него не высек. Напрасно уверял я его, что ничего подобного не видывал и не чувствовал, что это всё есть подражание разным поэтам (я никогда не подражал ни одному): отец не хотел верить — так велика была сила таланта и живость изображения предмета!..

Но как ни уверен я был в своем даровании, а перспектива быть высеченным вовсе мне не нравилась, и я немедленно переменил род своей поэзии. В то время наше отечество боролось с англо-французами; газеты были наполнены восторженными возгласами об огромности России и о высоком чувстве любви к отечеству. Я увлекся и написал следующее стихотворение:

2

РОДИНА ВЕЛИКАЯ

О, моя родина грозно-державная,
Сердцу святая отчизна любимая!
Наше отечество, Русь православная,
Наша страна дорогая, родимая!

Как широко ты, родная, раскинулась,
Как хороша твоя даль непроглядная!
Грозно во все концы мира раздвинулась
Мощь твоя, русскому сердцу отрадная!

Нет во вселенной такого оратора,
Чтобы прославить твое протяжение:
С полюса тянешься ты до экватора,
Смертных умы приводя в изумление.

Ты занимаешь пространство безмерное,
Много обширнее Древнего Рима ты.
Русской земли население верное
Чувствует всех поясов земных климаты.

Реки, озера твои многоводные
Льются, подобно морям, бесконечные;
Необозримы поля хлебородные,
Неизъяснимы красы твои вечные!

Солнце в тебе круглый год не закатится,
Путник тебя не объедет и в три года:
Пусть ямщикам он на водку потратится —
Только лишь откупу будет тут выгода...

О, моя родина, богом хранимая!
Сколько простору в тебе необъятного!
Сколько таится в тебе, о родимая,
Неизъяснимого и непонятного!..

1854

За это стихотворение отец похвалил меня, и я после того написал еще десятка четыре подобных пьес. Но признаюсь, ни одно из них не может сравниться в звучности с вышеприведенным. Поэтому я и не сообщаю их вам, а перехожу к новой эпохе моей поэтической деятельности.

В 1854—1855 отечество наше было в печальном положении: военные неудачи, обнаружение внутренних неустройств; всё это терзало сердце истинного русского и вводило его в мизантропию. И я действительно предался мизантропии, разочаровался; всё мне опостылело, и я произвел следующую пьесу:

8

КУДА ДЕВАТЬСЯ?

От людской любви и дружбы
В лес дремучий я бежал,
Стал кореньями питаться,
Мыться, бриться перестал.

С отверженьем и проклятьем
Я в лесу один брожу.
Но увы! здесь снова дружбу
И любовь я нахожу.

Солнце с неба дружелюбно
На меня бросает луч;
И поит меня с любовью
Меж дерев бегущий ключ.

Соловьи поют влюбленно,
Лобызаются цветы,
И блестят любви слезою
На деревьях все листы.

Дружно по небу гуляют
Золотые облака,
И грозит любовь и дружба
Мне из каждого сучка...

В каждой травке, в каждой мошке,
В каждой капельке росы
Обитает дух незримый,
Полный ангельской красы,

И старается мне сердце
Чувством нежным размягчить,
Чтобы дружбой и любовью
Целый век мой отравить...

И в лесу, в борьбе тяжелой,
Силы падают мои...
О, куда ж, куда сокроюсь
Я от дружбы и любви?

1855

Вы угадываете, чем разрешилось это мизантропическое настроение? Любовью, самой пылкой любовью — страстью до того пламенной, что я не знаю, как еще я не сгорел совсем. Тогда-то производил я по $7^1/_2$ стихотворений в день круглым счетом; с особенною силою выразилась страсть в следующем стихотворении, которое я считаю вполне достойным печати:

4

ПРИЧИНА МЕРЦАНИЯ ЗВЕЗД

Как твои уста в веселом разговоре,
Чуть смыкаясь, снова раскрываются;
Как любовь и радость в этом светлом взоре
Перелетным блеском разгораются;
Так на светлом небе в этот миг мерцают
Купы звезд, живые, разноцветные.
Иль в любви и звезды глазками играют
И друг другу речи шлют приветные?..
Иль любовью нашей с неба голубого
Хоры их приветливо любуются?
Иль в виду избытка счастия земного
Их лучи завистливо волнуются?
Нет, любви дыханье так во мне широко,
Так из груди сильно вырывается
И, раздвинув воздух, так летит высоко,
Что эфир далекий колыхается,
И с его напором звездные громады
В дружное приходят колебание...
Оттого-то в ночи неги и отрады
Веселей и чаще их мерцание...

1856

Но скоро любовь моя прошла, или, по крайней мере, сделавшись больше и приобретя серьезный взгляд, я перестал уже тратить драгоценное время на описание любовных чувств. Вокруг меня волновалась общественная деятельность, всё было полно новых надежд и стремлений, всё озарено было самыми светлыми мечтами. Весь мир представлялся нам в радужных красках. В таком

настроении услышал я однажды заунывную крестьянскую песню. У меня тотчас родился вопрос: «Отчего же она уныла, когда всё кругом так весело?» — «Нет, — сказал я сам себе, — я должен во что бы то ни стало отыскать в ней веселые звуки». И представьте силу таланта — отыскал! И не только отыскал, но и воспроизвел! В Москве говорили, что недурно. Что вы еще скажете? Вот эти стихи:

5

СУЩЕСТВЕННОСТЬ И ПОЭЗИЯ

Знаю вас давно я, песни заунывные
Руси необъятной, родины моей!
Но теперь вдруг звуки радостно-призывные,
Полные восторга, слышу я с полей!

Пусть всё те же песни — долгие, тоскливые,
С той же тяжкой грустью — пахарь наш поет.
Долю его горькую, думы терпеливые
Пусть напев протяжный мне передает.

Но в восторге сердца, под святым влиянием
Гласности, прогресса, современных дум,
Полн благоговенья к светлым начинаниям,
Жадно всюду внемля новой жизни шум, —

Не хочу я слышать звуков горькой жалобы,
Тяжкого рыданья и горячих слез. . .
Сердце бы иссохло, мысль моя упала бы,
Если б я оставил область сладких грез. . .

Всё светло и благо, всё мне улыбается,
Всюду дней блаженства вижу я залог, —
И напев тоскливый счастьем отзывается,
В грустной песне льется радости поток.

Пусть всё те же песни наши заунывные,
Но не то уж слышно в них душе моей:
Слышу я в них звуки радостно-призывные,
Чую наступленье новых, светлых дней! . .

1857

Вслед за тем у меня родилась потребность самому быть общественным деятелем, и я изобразил свое настроение в нескольких звучных пьесах, из коих вот одна:

6

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Я ехал на́ вечер. Веселыми огнями
Приветливо сиял великолепный дом;
Виднелась зала в нем с зелеными столами,
И бальной музыки из окон несся гром.

А у ворот стоял, болезненный и бледный,
С морозу синий весь, с заплаканным лицом,
В лохмотьях и босой, какой-то мальчик бедный
И грошик дать на хлеб молил меня Христом.

Я бросил на него взор, полный состраданья,
И в залу бальную задумчиво вошел,
И детям суеты, среди их ликованья,
О бедном мальчике печально речь повел.

В кадрилях говорил о нем я девам нежным;
Меж танцев подходил я к карточным столам;
Восторженно взывал я к юношам мятежным
И скромно толковал почтенным старикам.

Но глухи были все к святым моим призывам...
И проклял я тогда бездушный этот свет
За то, что он так чужд возвышенным порывам, —
И тут же мстить ему я дал себе обет.

Я скоро отомстил: за ужином веселым,
Лишь гости поднесли шампанское к губам,
Я тостом грянул вдруг, для их ушей тяжелым:
«Здоровье бедняка, страдающего *там*!»

И показал я им на улицу рукою.
Смутились гости все, настала тишина.
Не стали пить... Но я — я пил с улыбкой злою,
И сладок для меня был тот бокал вина!..

1858

Но вы сами знаете, как тяжело бороться против общественной апатии, безгласности, мрака предрассудков. Я все это изведал горьким опытом, и вот как выразилось мое новое, общественное разочарование:

7

РЫЦАРЬ БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА

(Современная элегия)

Исполнясь мужества и помолившись богу,
Я рано выступил в опасную дорогу.
Тропинка узкая лежала предо мной,
Сливаясь при конце в какой-то мрак густой.
Безмолвна даль была, как темная могила;
Высокая трава лишь с ветром говорила,
Да слышалось вдали, вводя меня в тоску,
Кукушки горестной зловещее ку-ку.
Я был один, один. . . вкруг ни души живой. . .
Но я пошел вперед отважною стопой!
Мне в платье яростно вонзался терн колючий,
Я ноги обжигал себе крапивой жгучей,
Ложилась пыль на мне от каждого куста,
И паутина мне садилась на уста;
Но я всё шел вперед, свой страх превозмогая,
О цели странствия прилежно размышляя.
А путь — чем далее, тем делался страшней:
Жужжали вкруг меня десятки ос, шмелей;
Над головой моей кружились вереницы
Какой-то скаредной и безобразной птицы;
И что-то длинное, подобное змее,
Узрел вдруг на своей я темной колее. . .
И страх меня объял. . . Стал день мрачнее ночи,
Упал я на траву, смежив в испуге очи. . .
И долго я лежал недвижно, как мертвец;
Но смирно было всё, и встал я наконец.
Взглянул окрест себя: природа улыбалась,
Всё солнцем радостно и ярко озарялось;
Кузнечик стрекотал и прыгал по траве,
И птички реяли в воздушной синеве,

Порхали бабочки на солнечном сияньи,
И в воздухе неслось цветов благоуханье.
А то, что мне змеей представила мечта,
То кем-то брошенный обрывок был кнута...
Дорога прежняя опять меня манила,
И сердце о пути мне громко говорило,
И жажда славных дел проснулася в груди,
И цель великая виднелась впереди!..
И вновь я двинулся... Но что со мною сталось?!.
Нет прежних сил во мне... отвага потерялась...
Я не могу идти... Я немощен и слаб;
Сомнений горестных теперь я жалкий раб.
Мечты высокие, стремленья мысли здравой —
Бесплодный анали́з облил мне злой отравой...
Я стал умней теперь. Все трудности пути
Я опытом узнал... Теперь бы мне идти...
Но дорого мне стал мой опыт безрассудный,
Я силы истощил, и на дороге трудной
С тоской, с презрением к себе теперь стою,
И не в траве — в себе я чувствую змею...

1859

Теперь я не знаю, куда мне идти, за что приняться. В голове пусто, совершенно пусто; в мире ничто не привлекает, сердце иссохло от разочарования. Оживите меня, влейте надежду в грудь отчаянного, определите мне цель жизни: есть ли у меня талант, должен ли я заниматься поэзией или поступить в военную службу, чтобы ехать на восточный Кавказ и искать смерти в битве с племенем адыге, которое, как слышно, еще не совсем покорилось.

От вас ждущий жизни или смерти

Аполлон Капелькин

P. S. Следующий мне гонорарий вышлите мне по адресу, который вам сообщу, когда увижу стихи мои напечатанными.

1860

163. ПРИЗВАНИЕ

М. П. ПОГОДИНУ ОТ РЫЦАРЕЙ СВИСТОПЛЯСКИ

Пусть Чернышевский говорит что хочет,
И Костомаров пусть тебя разит;
Пусть над тобой ученых суд грохочет,
Пусть ими будешь ты и презрен и забыт.

Не унывай! Готов приют тебе веселый:
Недаром пописал ты на своем веку,
Недаром шуткою ты сделал спор тяжелый
И ревностно служил науке и «Свистку».

Не унывай! Прочь Нестор, прочь норманны,
Прочь жалкий параллель Европы и Руси!
Владения «Свистка» обильны и пространны:
Тебе в них место есть — свой труд туда неси!

Умеешь ты мешать со вздором небылицы,
Смешить с ученым видом знатока:
Иди же, наполняй веселые страницы
Великодушного, игривого «Свистка»!

Ты о «Свистке» писал с презреньем величавым,
В намереньи его жестоко оскорбить.
Но он давно простил речам твоим неправым:
Он так высок, что может всё простить.

Иди же к нам! В «Свистке» мы памятник построим
Всем шуткам, шалостям и подвигам твоим,
Ученость дряхлую мы свистом успокоим
И слух твой ласковым романсом усладим.

1860

164—171. *НЕАПОЛИТАНСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ*

(НАПИСАННЫЕ НА АВСТРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ЯКОВОМ ХАМОМ И ПЕРЕВЕДЕННЫЕ КОНРАДОМ ЛИЛИЕНШВАГЕРОМ)

Неаполитанские дела занимают теперь первое место между всеми вопросами, увлекающими внимание Европы; можно даже сказать, что пред ними кажется ничтож-

ным всё остальное, исключая разве нового журнала, который собирается издавать г-жа Евгения Тур, и новой газеты, обещаемой «Русским вестником». Но понятия наши о неаполитанских событиях очень односторонни, потому что все наши сведения приходят от врагов старого порядка, которые, очевидно, стараются представлять дело в свою пользу. Вот почему нам показалось необходимым представить нашим читателям несколько неаполитанских стихотворений известного австрийского поэта Якова Хама, рисующих положение дел и настроение умов совершенно не так, как обыкновенные журнальные известия. Яков Хам — прежде всего поэт; он постоянно находится под влиянием минуты и, следовательно, чужд всяких политических предубеждений. Он то хвалит упорство короля неаполитанского в режиме его отца, то превозносит его за конституцию, то ругает освободителей Италии, то предается неумеренному энтузиазму к ним, то в восторге от жестокой бомбардировки, то в настроении нежных чувств... Во всех этих видимых противоречиях сказывается весьма сильно художественность его натуры и вместе с тем дается полное ручательство в его искренности. И так как литература вообще и поэзия в особенности служат выражением народной жизни, а Яков Хам — поэт австрийский, то в стихотворениях его мы можем видеть, в каком настроении находился народ австрийский в последний год и какими чувствами преисполнен он к династии Бурбонов. Не выводя никаких политических результатов из представляемых нами поэтических документов, мы не можем не обратить внимания читателей на их литературное значение: во всей современной итальянской литературе нет ничего, подходящего по благонамеренности к творениям австрийского поэта. В нынешнем году какой-то человек с итальянскою фамилией сочинил оду на именины австрийского императора — так на это указывали с ужасом, как на нечто чудовищное! Из этого одного уже достаточно видно, как много стесняется художественность, когда разыгрываются народные страсти, и как много выигрывает она при отеческом режиме, подобном австрийскому. Надеемся, что любители литературы, даже несогласные с г. Яковом Хамом в большей части его тенденций, оправдают нас в помещении его стихотворений уже

в силу того одного, что они блистательно разрешают одну из великих литературных проблем — о чистой художественности, разрешением которой так ревностно занималась наша критика в последние годы. Вместе с тем мы надеемся доставить читателям удовольствие и самыми звуками перевода, над которым так добросовестно потрудился г. Лилиеншвагер. Мы должны сказать откровенно: со времени патриотических творений Пушкина, Майкова и Хомякова мы не читывали ничего столь громкого, как стихотворения г. Якова Хама в переводе Конрада Лилиеншвагера.

1

НАДЕЖДЫ ПАТРИОТА

(При начале итальянских волнений)

Опять волнуются народы,
И царства вновь потрясены.
Во имя братства и свободы
Опять мечи обнажены!
Скатились тихо с горизонта
Три солнца чудной красоты;[1]
Честолюбивого Пьемонта
Осуществляются мечты!

Царит в Италии измена,
И торжествует в ней порок:
Тоскана, Парма и Модена
Безумно ринулись в поток;
И силой вражьего восстанья
Из рук святейшего отца
Отъята бедная Романья —
Стад папских лучшая овца! ..

Но против дьявольских усилий
Есть нам незыблемый оплот:
То королевство Двух Сицилий,
Бурбонам преданный народ.
Воссев на праотческом троне,
Как в небе солнца светлый диск,

[1] 1) Великий герцог Тосканский, 2) герцог Моденский и 3) герцогиня Пармская!

Там в Фердинандовой короне
Сияет царственный Франциск.

Не поддается он лукавым
Речам политики чужой
И твердо правит по уставам
Отцовской мудрости святой:
Карать умеет недовольных
В тиши полиции своей
И в бой нейдет за своевольных
Против законных их властей...

Вкруг трона вьется там гирлянда
Мужей испытанных, седых,
Хранящих память Фердинанда
В сердцах признательных своих.
К Франциску им открыты двери,
Страною правит их совет,
И вольнодумству Филанджьери
Нет входа в царский кабинет!

И верим мы: Кавур с Маццини
Обманут бедный их народ,
И он придет, придет в кручине —
Просить Францисковых щедрот;
Министр полиции Айосса
Умов волненье укротит
И итальянского вопроса
Все затрудненья разрешит!..

2

НЕАПОЛЮ

(По поводу некоторых манифестаций в Сицилии)

«Гордись! — стих каждого поэта
На всех наречиях земных
Гласит тебе: — Ты чудо света!
Гордись красою вод твоих,
Гордись полуденным сияньем

Твоих безоблачных небес
И вековечным достояньем
Искусства мирного чудес!
Гордись! ..»

Но лестию лукавой,
Неаполь мой, не возносись:
Всем этим блеском, этой славой,
Всем этим прахом — не гордись!
Пески сахарские южнее,
Стоит красивее Царьград,
И Эрмитажа галереи
Твоих богаче во сто крат! ..
Не в этом блеске суетливом
Народов мощь заключена,
Но в сердце кротком, терпеливом,
В смиренномудрии она! ..

И вот за то, что ты смиренно,
В молчаньи жребий свой несешь,
Вослед мятежникам надменно
Против владык своих нейдешь
И воли гибельного дара
Не просишь от враждебных сил, —
За то тебя святой Дженаро
Своею кровью подарил!
За то высокое призванье
Тебе в веках сохранено —
Хранить порядка основанья,
Народной верности зерно!
Ты невредимо сохранишься
В перевороте роковом
И безмятежно насладишься
Законной правды торжеством.
И жизнь твоя пойдет счастливо,
Во все века не зная бурь,
Как в тихий день волна залива
И как небес твоих лазурь!

15 декабря 1859

3

БРАТЬЯМ-ВОИНАМ

(После апрельских происшествий в Сицилии)

Меж тем как вы, друзья, в рядах родных полков
Готовитесь карать отечества врагов, —
Я, мирный гражданин рифмованного слова,
Я тоже полон весь стремления святого!
Возвышенным стихом напутствую я вас
И верю — он придаст вам силы в грозный час,
Когда с крамольником помчитесь вы на битву!
Я положил в него народную молитву —
Чтоб восстановлен был порядок и закон,
Чтоб вечно царствовал в Неаполе Бурбон!
Народной мыслию и чувством вдохновленный,
Мой стих могуществен — с ним смело киньтесь в бой:
В прозреньи радостном поэта отраженный,
В нем блещет идеал Италии святой —
Тот вечный идеал законного порядка,
При коем граждане покоятся так сладко,
Который водворить старался Фердинанд,
Которого достичь — решительно и резко —
Предначертал себе и новый наш Атлант —
Средь бед отечества незыблемый Франческо!..

1 мая 1860

4

ЗАКОННАЯ КАРА!

(На бомбардирование Палермо)

Исчадье ада, друг геенны,
Сын Вельзевула во плоти,
Коварство бунта и измены
Успел и к нам было внести!..
Как воры, в тьме ночной к Марсале
На двух украденных судах
Ватаги буйные пристали
И — мирный остров ввергли в страх!..

Угрозой, подкупом, обманом,
Приманкой воли, грабежа
Успев увлечь за атаманом
Толпы под знамя мятежа,
Дыша огнем и разрушеньем
И дерзкой ярости полны —
Они пошли с остервененьем
На обладателей страны!

Но прогремел уже над ними
Всевышней воли приговор:
Запечатлен в Калата-Фими
И в Партенико их позор;
И на ослушниках Палермо,
Дерзнувших власти презирать,
Решились показать пример мы,
Как бунт умеем укрощать!

О, не забудут сицильянцы,
Пока не рушится земля,
Имен Летиции и Ланцы,
Слуг неподкупных короля!
Их меры не остались тщетны:
Весь град развалиною стал...
Ни разу кратер грозной Этны
Так беспощаден не бывал!!

Зато погибнут флибустьеры
И успокоятся умы!
И с чувством радости и веры
Сынам и внукам скажем мы —
Как Ланца в сече и в пожаре
Толпы мятежные карал,
Как гром мортир с Кастелламаре
Им крепость трона возвещал!

30 мая 1860

5

ПЛАЧ И УТЕШЕНИЕ

(По поводу некоторых дипломатических советов неаполитанскому правительству)

Ужасной бурей безначалия
С конца в конец потрясена,
Томится бедная Италия,
Во власть злодеев предана.

Повсюду слышны крики шумные —
Народ изменой упоен. . .
Свободы требуют безумные
И рушат власти и закон!

И, к униженью человечества,
Проник неблагородный страх
В самих блюстителей отечества,
Держащих власть в своих руках.

Принципом странным невмешательства
Прикрыв бессилие свое,
Европа спит, когда предательство
Пожрать готовится ее;

И итальянские властители —
Одни бегут из их держав,
А те — становятся ревнители
Безумной черни мнимых прав!

Дают статуты либеральные,
Страстям толпы бесстыдно льстят
И дни отечества печальные
Презренной трусостью сквернят!..

Один средь общего волнения,
Как некий рыцарь на скале,
Стоит без страха, без сомнения
Король Франциск в своей земле. . .

Утешься, бедная Италия:
Закон и правду возлюбя,
Франциск не даст разлиться далее
Злу, охватившему тебя.

Он понимает все опасности
Льстить черни прихотям слепым:
Ни конституции, ни гласности
Не даст он подданным своим!

Не переменит он юстицию,
Не подарит ненужных льгот,
Не обессилит он полицию —
Свой нерушимейший оплот;

Не даст права свои священные
Толпе бессмысленной судить
И своевольства дерзновенные
Не поколеблется казнить!

И знаю я — он не обманется
В благоразумии своем:
Пьемонт падет, а он останется
Италиянским королем!

26 июня 1860

6

НЕИСПОВЕДИМОСТЬ СУДЕБ

(На обнародование неаполитанской конституции)

Не видать ни тучки в небе знойном...
Солнце блещет, сушит и палит
И в теченьи царственно спокойном
На поля засохшие глядит.

Всё томится, всё горит и вянет...
Надо влаги жаждущей земле!..
На работу пахарь завтра встанет
С безотрадной думой на челе

И, взглянув на солнце и на небо,
Не прельстится светлой их красой:
Без дождя ему не будет хлеба,
Он погибнет с бедною семьей!

И, томясь ужасной перспективой,
Даст он волю жалобным речам

И пошлет упрек нетерпеливый
Безмятежно-ясным небесам...

Но давно уж в области эфирной
Собрались и ходят облака,
Час настал, и над равниной мирной
Пролилась обильная река.

Поднялись поникшие растенья,
Освежился воздух и земля, —
И глядят с слезою умиленья
Земледельцы на свои поля.

А вверху по-прежнему спокойно
Над землей простерт небесный свод,
И, как прежде, весело и стройно
В ярком блеске солнышко плывет...

Так сгорал Неаполь жаждой знойной,
Так искал воды себе живой;
А Франциск свершал свой путь спокойный,
Разливая блеск свой над страной...

И народ сдержать сердечной боли
Не умел и горько возроптал...
Но давно готов был в вышней воле
Для него целительный финал!

Недоступен был Франциск народу;
Но пришла законная пора —
Даровал разумную свободу
Он единым почерком пера...

Ожил край. Всё стало в блеске новом...
Правосудье царствует в судах;
Всяк спокоен под домашним кровом,
Всякий волен в мыслях и речах;

От шпионов кончилась опасность,
В мрак архивов пролит новый свет,
И в три дня уврачевала гласность
Край больной, страдавший столько лет!

Рад народ!.. С молитвой благодарной
Новый воздух он впивает в грудь...
А король, как прежде лучезарный,
Продолжает царственный свой путь!..

4 июля

7

ПОБЕДИТЕЛЮ[1]

(На вшествие Гарибальди в Неаполь)

Демон отваги, грозный воитель,
Сильных и храбрых всех победитель,
В быстрых походах подобный стреле,
Тот, кому равного нет на земле,

---

[1] Стихотворение это весьма замечательно: во-первых, как новое доказательство той истины, что errare humanum est (человеку свойственно ошибаться!); во-вторых, как свидетельство о том, до какой степени все умы и сердца, даже самого австрийского склада, были поражены вступлением Гарибальди в Неаполь. Кроме того, просим читателей обратить внимание на психологическую подробность, касающуюся личности поэта: 26 июня он произвел мужественный дифирамб правительству, не соглашавшемуся на либеральные уступки; через день после того дана была конституция, а через неделю поэт нашел в себе достаточно силы, чтобы создать пленительную пьесу в похвалу нового конституционного монарха, совершенно с новой точки зрения. Но это чрезвычайное усилие, как видно, дорого ему стоило и на некоторое время истощило его плодовитый гений. Таким образом, в июле и августе, столь полных поводами для стихотворений, — он не создал решительно ничего: по-видимому, он был поражен до того, что не мог собраться с мыслями и вдохновением. Только вступление Гарибальди в Неаполь, как явление слишком уже сильное и неожиданное для поэта, могло разбудить его. Под влиянием минуты, отчаявшись в Бурбонской династии, он написал стихотворение, прославляющее военный гений и какую-то сверхъестественную силу Гарибальди. Но скоро он раскаялся в своей оплошности, и плодом раскаяния было стихотворение, которое читатели прочтут далее. Тут уже видно, что мысли и чувства поэта опять возвратились на старый путь... Это — последнее из доставленных нам стихотворений; но весьма вероятно, что теперь, после новых побед Гарибальди, опять произошла перемена и в расположениях поэта. В скором времени мы узнаем это, потому что г. Лиленшвагер обещает нам перевести также *Римские* и *Венецианские* стихотворения г. Хама, долженствующие служить отчасти продолжением неаполитанских. — *Примеч. ред. «Свистка».*

Мощный защитник народной свободы,
Тот, кого чтут справедливо народы,
Неотразимый, подобно судьбе, —
Ныне подходит, Неаполь, к тебе!

Горд и всесилен — на чуждые грады
Взглянет он гневно — и нет им пощады!
Сядет в корабль он — и море смирит!
Дунет на пушку — она задрожит!
Камень под тяжестью стоп его стонет!
Тысячи вражьи один он прогонит!
Он на плечах своих может один
Гордую массу поднять Апеннин!..

Встреть же, Неаполь, воителя с честью!
Радуйся: он не грозит тебе местью...
С тихой мольбою склонись перед ним,
Как перед новым владыкой твоим!
Пред королем ты не будешь в ответе,
Он малодушно укрылся в Гаэте
И без защиты столицу свою
Отдал герою, кого я пою!

О Гарибальди! И я, как другие,
Злобные чувства и мысли дурные
Против тебя на душе хоронил...
Ныне всё кончено: *ты победил*!..
Ты заслужил удивление мира!
Славит тебя моя скромная лира,
И, благодатным восторгом согрет,
Ниц пред тобою повержен поэт!..

7 сентября 1860

8

ПЕСНЬ ИЗБАВЛЕНИЯ

(На триумфы королевских войск под Капуей)

Триумфом вражьим ослепленный,
Поддавшись власти темных сил,
Недавно песнью беззаконной
Я сан поэта осквернил!!!

Но звон струны моей лукавой
Я беспощадно оборвал,
Когда мне голос мысли здравой
Мое паденье указал...

Я флибустьером беспощадным
Был отуманен, ослеплен
И думал с горем безотрадным,
Что трон законный упразднен...
Не знал я твердости Франциска
И в тайне сердца моего
Не ожидал такого риска
От юной доблести его...

Но ныне Капуи защита
Вновь образумила меня:
Победа правды мне раскрыта
Теперь ясней господня дня!
Пусть бунт шумит и льется бурно,
Пусть шлет Пьемонт за ратью рать:
Но с Каятелло и Вольтурно
Мы всех их можем презирать...

Теперь нам страшен Гарибальди
Так, как в то время страшен был,
Когда скитался он в Шварцвальде,
Когда в Тунисе он служил,
Когда в Нью-Йорке делал свечи,
Когда с Китаем торговал,
Когда, жену взвалив на плечи,
От войск австрийских он бежал...

И ныне в бегство обратится
Непобедимый сей герой,
И вновь с Франциском воцарится
Везде порядок и покой!..
Но, научен своей невзгодой,
Он узел власти закрепит
И преждевременной свободой
Уж свой народ не подарит!

27 сентября 1860

С австрийского — К. Лиленшвагер

172. СИРИЯ И КРЫМ

(Поэтический контраст)

Мы считаем себя счастливыми, что и начало нового своего поприща можем огласить лирою г. Лилиеншвагера, который с глубиною своего патриотизма и высотою таланта соединяет, как увидит каждый из читателей, и широту политических воззрений. Столь счастливое соединение этих трех качеств дает нам право надеяться, что в скором времени г. Лилиеншвагер, оставив мелочи общественных злоупотреблений, которые воспевать может и г. Розенгейм, обратит весь свой талант на предметы возвышенные и, таким образом, поравняется с г. Майковым и г-жою Павловою. Новое стихотворение его вызвано последними событиями в Сирии; но мысль поэта придала им, так сказать, новый смысл и новую прелесть смелым сопоставлением их с недавним движением крымских татар. Но вот само стихотворение.

Меж тем как в Сирии чудовищные друзы
Свирепствуют над горстью христиан,
Меж тем как из-за них волнуются французы
И ничего не делает султан,
Меж тем как Англия оспоривает право
Посылки войск французских на восток
И разливается, как огненная лава,
Неистовства безумного поток —
Иное зрелище, отрадное для взора,
Я нахожу в отечестве моем.

Не очень далеко от славного Босфора
Есть уголок не меньше славный в нем.
То — Крым! Пять лет назад он пламенем военным
Объят был весь — за благо христиан,
Там наша кровь лилась; там в бой с врагом надменным
Стремились мы, как грозный ураган.
Но кончилась война, и с братскою любовью
Спешили мы врагов своих простить,

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

И на земле святой, политой нашей кровью,
Поклонникам Пророка дали жить!
И водворясь на ней, счастливые без меры,
Они беспечно дни свои вели:
Никто не принуждал их к перемене веры,
Не отнимал ни хлеба, ни земли.
Но обольщенные невежеством и ленью,
Татары самовольству предались,
И вдруг, покорствуя какому-то внушенью,
Все наутек из Крыма поднялись!!.
Что ж мы? Послали ль мы, исполненные гнева,
Огонь и меч вдогонку беглецам?
Побиты ль старцы их? Поругана ли дева?
Пронесся ли пожар по их домам?
Нет, верны были мы гражданственности узам.
Мы дали им спокойно уходить;
Мы жалкой сей толпе, единоверной друзам,
Хотели лишь любовью отомстить!
То мало: видя их упорное стремленье,
Решили мы оставшихся спасти
И дать им ясное и строгое внушенье,
Чтоб вслед других не думали идти!
И после этих пор поклонники Пророка
Счастливо вновь живут у нас в Крыму,
Где зверский фанатизм безумного Востока
Решительно неведом никому...

О, пусть волнуются в Европе дипломаты,
Чтоб христиан сирийских защитить;
Смешны их прения, смешны мне их палаты
И хлопоты, как друзам отомстить,
В содоме криков их Россия позабыта!
А то б они давно понять должны,
Что русской доблестью страданья маронита
В Крыму давно отомщены!..

Конрад Лилиеншвагер

1860

173. МОИ ЖЕЛАНИЯ

Дики желанья мои, и в стихах всю их дичь изложу я:
Прежде всего я хочу себе женщину с длинной косою.
Ум и краса мне не нужны: пусть только целуется чаще.
С этакой женщиной вместе мне друга-философа надо.
С ней целоваться я буду, а мудрый мой друг в это время
Будет науки мне все изъяснять, чтоб не надо мне было
Время и зрение тратить над мертвою речью печати.

В этих условиях древней историей я бы занялся:
Нравятся мне пирамиды, развалины, сфинксы, колонны,
Море Евбейское с Желтой рекою и с Гангом священным...
В этом последнем омылся б я, с женщиной вместе и с другом.

Вымывшись, я бы отер себя длинной косою подруги;
Всё, что от друга услышать успел посреди поцалуев,
Всё это тут бы я вспомнить хотел, чтобы книжечку тиснуть,
С нею проникнуть в народ, уяснить ход общественной жизни,
Добрых утешить, а злых покарать и разлить в мире счастье...

Всё бы хотел я изведать: не только искусством заняться,
Но насладиться хотел бы я даже грехом преступленья,
Только чтоб нравственным правилам было оно не противно...

Всё, что от друга я слышал, весь скарб своих сил и познаний,
Всё бы хотел перелить, через женщину с длинной косою,
В новое я существо — и в сей сладкой работе скончаться:
Пусть существо молодое начнет с того, чем я окончил...
После же смерти хотел бы я зрителем быть его действий,
Чувствовать мыслью и сладко дремать в созерцаньи глубоком...

Аполлон Капелькин

1860

174—176. ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПУТЕВЫХ ЭСКИЗОВ

1

В ПРУССКОМ ВАГОНЕ

По чугунным рельсам
Едет поезд длинный;
Не свернет ни разу
С колеи рутинной.

Часом в час рассчитан
Путь его помильно. . .
Воля моя, воля!
Как ты здесь бессильна!

То ли дело с тройкой!
Мчусь, куда хочу я,
Без нужды, без цели
Землю полосуя.

Не хочу я прямо —
Забирай налево,
По лугам направо,
Взад через посевы. . .

Но — увы! — уж скоро
Мертвая машина
Стянет и раздолье
Руси-исполина.

Сыплют иностранцы
Русские мильоны,
Чтобы русской воле
Положить препоны.

Но не поддадимся
Мы слепой рутине:
Мы дадим дух жизни
И самой машине.

Не пойдет наш поезд,
Как идет немецкий:
То соскочит с рельсов
С силой молодецкой;

То обвалит насыпь,
То мосток продавит,
То на встречный поезд
Ухарски направит;

То пойдет потише,
Опоздает вволю,
За метелью станет
Сутки трои в поле.

А иной раз просто
Часика четыре
Подождет особу,
Сильную в сем мире.

Да, я верю твердо:
Мертвая машина
Произвол не свяжет
Руси-исполина.

Верю: все машины
С русскою природой
Сами оживятся
Духом и свободой.

2

В ДРЕЗДЕНЕ

Концерт на Брюлевской террасе —
Над мутной Эльбой, с кружкой пива...
Неподалеку, в Fischergasse,
Поманят в окна вас игриво...

Концерт на Брюлевской террасе,
Где немец курит, пьет, внимает
И точно в рукодельном классе
Чулок всех немок занимает.

Концерт на Брюлевской террасе,
Под звук бетховенской сонаты,
Где наш соотчич раз в экстазе
Подпел мотив из «Травиаты».

Концерт на Брюлевской террасе,
Где русский русских тотчас чует
И напоказ немецкой расе
Шампанским встречу торжествует.

Да, русский тотчас отличает
Здесь земляков в веселой массе,
Где звон стаканов заглушает
Концерт на Брюлевской террасе...

8

В ПРАГЕ

Только что расставшись с родиной святою,
Я скучал меж немцев русскою душою,
И, отвесть чтоб душу, к дорогим славянам
Полетел я в Прагу с легким чемоданом.
Облегчил его я, сколько то возможней,
Труся пред австрийской грозною таможней.

Но со мной возились — не скажу, чтоб много:
«Гид новейший Праги» рассмотрели строго.
Туфли, панталоны, галстухи, рубашки,
Пять иль шесть листочков почтовой бумажки —
Всё перевернули; в стенки чемодана,
В крышку постучали — не нашли обмана,
Лишь одна брошюрка, изданная в Вене,
Чуть не послужила к неприятной сцене.
О правах брошюрки спор было родился;

Но разумный немец тотчас уходился,
Как ему на *«Вену»* указал я пальцем.
Вообще в таможне не был я страдальцем.

Подъезжая к Праге, полон чувством новым,
Мог лишь повторять я, вслед за Хомяковым,
Как не должно Праге хвастать пред Белградом,
А Москве кичиться перед Вышеградом,
Как на Петчин в ризе древнего Кирилла
Шествовал епископ, а вослед валила
Народная сила, в доблестной отваге,
Как заснул поэт наш, думая о Праге...

И вступил я в Прагу и мечту поэта
Наяву увидел средь дневного света.
Был какой-то праздник. Не было проходу
В улицах широких от громад народа.
Впереди блестели, в воздухе подъяты,
Знамения веры, убраны богато:
Фонари, хоругви, мощи и иконы,
С торжеством особым высились мадонны.

1860(?)

177

Средь Акрополя разбитого,
Срисовавши Парфенон,
Да божка, плющом увитого,
Да обломки трех колонн, —

Вдруг на родину далекую
Я душой перелетел
И судьбу ее высокую
В книге муз прочесть хотел.

В сколько лет цивилизации
Край наш будет доведен,
Чтоб в изяществе и грации
Стал с Элладой спорить он?

Сколько школ академических,
Сколько выставок пройдет,
Прежде чем для поз пластических
Будет годен наш народ?

Скоро ль сменим мы котурнами
Безобразие лаптей?
Станем воду черпать урнами
Вместо ведер и бадей?

Июнь 1861

178

В начале августа вернулся я домой
Из с лишком годовой отлучки заграничной
И тотчас встречен был знакомою толпой —
Редакцией «Свистка» с мольбой ее обычной:
«Стишков, о наш поэт! Пожалуйста, стишков!
Украсьте наш «Свисток» своей высокой лирой
Иль пробудите вновь волнение умов
Своею острою и меткою сатирой!»

«Помилуйте, друзья: я долго жил вдали, —
Сказал я им в ответ, — отвык от ваших нравов.
Я так им чужд теперь, как, например, в пыли
Архивной тлеющий профессор Тихонравов.
Едва приехав, что ж могу сказать я вам
О тех стремлениях, какие вас волнуют?
Мне должно наблюдать, я должен видеть сам:
Что ныне здесь в ходу и что теперь бичуют,
Какими новыми идеями умы
Проникнуты теперь в святой моей отчизне?
На европейские дела как смотрим мы?
И как устроились мы в нашей русской жизни?»

«Ха-ха-ха-ха-ха-ха. . .» — мне дружный был ответ. . .
Мне бросилась в лицо пурпуровая краска.
Но скоро понял я, что тут обиды нет, —
А просто предо мной свершалась свистопляска.

Август или сентябрь 1861

179

Синее небо, зеленое поле...
В белой рубахе с сохой селянин...
Он размышляет о выданной воле —
Здесь, на просторе, с природой один.

Знаю я — труд ему весел и сладок...
Что же? Смягчилась земля пред сохой?
Сил стало больше у тощих лошадок?
Иль не печет его солнечный зной?

Нет, его поле по-прежнему в кочках,
Лошади — клячи, и солнце печет...
Но уже зрит он в таинственных почках
Воли грядущей живительный плод...

Осень 1861

180—182. ⟨*ИЗ СТАТЬИ «„СВИСТОК", ВОСХВАЛЯЕМЫЙ СВОИМИ РЫЦАРЯМИ»*⟩

1

Вы приличья презираете,
Вы родились с медным лбом:
В русской публике гуляете
Вы под ручку со «Свистком»;

В дни прогресса несказанного,
В дни возвышенных надежд,
Звуком свиста балаганного
Потешаете невежд!

Заблуждения прощаются,
Но из меры вышли вы:
Вас с презреньем отрицаются
Все ученые Москвы.

2

У Гоголя квартальный Свистунов
Всем любит фонарей наставить под глазами,
А *современная* ватага свистунов
Мнит просвещения фонарь задуть свистками.

3

НОВЫЙ ВЕК

Зреет всё, что было зелено,
Правде зиждется престол:
«Век» Дружинина, Кавелина,
Безобразова пришел.

«Век» Пожарского и Минина,
Дружбу князя с мясником,
«Век» Кавелина, Дружинина
Возвратил нам целиком.

В «Веке» Вейнберга, Кавелина
Будет всюду тишь да гладь,
Ибо в нем для счастья велено
Всем законы изучать.

«Век» счастливый Безобразова
Бедняка обогатит,
Зрячим сделает безглазого
И банкруту даст кредит. . .

Будет зрело всё, что зелено,
И свершится человек. . .
«Век» Дружинина, Кавелина,
Чернокнижникова «Век»! . .

1861

183. «СВИСТОК» AD SE IPSUM[1]

Свободный, как птица, не связанный сроком
Журнальной подписки и выхода книжек,
Являюсь я редко, всегда ненароком,
Но яркими буквами след свой я выжег
В сердцах благодарных российских сограждан.
Мой свист облегчал их сердечные раны;
Как влага в пустыне, я был ими жаждан,
Когда их томили сухие туманы;
Во мне лишь нашли они ключ разуменья,
Когда возникала российская гласность
И головы мудрых повергла в сомненье —
И розгу и взятку не ждет ли опасность;
Я был утешеньем, я был им опорой,
Когда населенье России смущенной
Пугал наш прогресс изумительно скорый,
Внезапно открытый в Москве умиленной.
Вопрос о евреях, вопрос о норманнах,
Великий вопрос об экзамене строгом,
Шестнадцать гусей, неповинно пожранных,
И опыт пощенья по волжским дорогам,
Короче — на всё, что родным публицистам
Тревожило сердце и ум волновало,
На всё отзывался я радостным свистом
И всех утешал я. . . Но этого мало:
В Европе свершалась великая драма;
И к ней обратил я родное вниманье,
Австрийской поэзией Якова Хама
Сограждан моих просветив пониманье.
Неаполю дал я благие уроки,
На всё отозвался — ни слабо, ни резко —
И, всюду сбирая прекрасные соки,
Воспев Гарибальди, воспел и Франческо! . .

И ныне явлюсь я к читателю снова,
Хочу наградить я его за терпенье,
Хочу я принесть ему свежее слово,
Насколько возможно в моем положеньи. . .

---

[1] Заглавие заимствовано у Горация; означает — «Свисток» к самому себе. — *Примеч. ред. «Свистка».*

А впрочем, читатель ко мне благосклонен,
И в сердце моем он прекрасно читает:
Он знает, к какому я роду наклонен,
И лучше ученых мой свист понимает.
Он знает: плясать бы заставил я дубы
И жалких затворников высвистнул к воле,
Когда б на морозе не трескались губы
И свист мой порою не стоил мне боли.

1861

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАННИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
(1849—1853)

184. ВЕСНА

Вот весна пришла
Ненаглядная,
Укротилися
Бури грозные...
Засияло вновь
Красно солнышко
И снега и льды
Растопило все;
Обогрело вновь
Землю мерзлую;
Оживило всё,
Что на свете есть.
Вот поля, луга,
Долы, холмики —
Наполняются
Птичек песнями,
Покрываются
Травой, зеленью...
Всюду радость здесь
И веселие,
Всё внушает мне
Восхищение...
Надо мною свод
Густой зелени,
Где могу найти
Я убежище —
В жар полуденный
И в ненастный день...
Под ногами я
Вижу пестрый луг,

Где цветы растут
Благовонные,
Мотыльки кружат
Быстрокрылые...
Позади меня
Поле чистое,
Взбороненное
Трудом пахарей...
Здесь посеяно
Всё богатство их...
Предо мной бежит
Речка быстрая;
В ней метаются
Рыбки разные...
А вон там рыбак
Их ловить идет, —
Чтоб другим найти
Пищу вкусную,
А себе достать
Лишь насущный хлеб.
Но он счастливей
Богачей иных:
Он трудом своим
Добыл хлеб себе...
О, всесильный бог,
Благий господи!
Как прекрасно всё,
Что соделал ты!
Сердце бьется здесь
Сильней прежнего;
Из груди моей
Хочет вылететь...
Если хочет кто
В мире счастлив быть,
Пусть сюда придет
В села мирные...
Пусть возьмет с собой
Совесть чистую,
Сердце нежное,
Душу добрую...

Июль 1849

185. ПРОЩАНЬЕ С ЛЕТОМ

Зачем так скоро удалилось
Ты, лето красное, от нас?
Зачем ты не остановилось
Еще хоть на́ день, хоть на час?

Тогда бы мы с тобой простились
В надежде видеться опять
И меж собой уговорились,
Как гостью мрачную принять.

А то теперь она застала
Нас всех как будто невзначай,
И нам теперь на ум лишь вспало
Сказать тебе: прощай! прощай!

Прощай же, милая часть года,
Ты, лето красное, прощай!
Прощай на целые полгода,
Прощай и нас не забывай...

Ты нас забудешь, в неге, в холе:
Страны других тебя прельстят,
А мы одни, в несчастной доле,
Тебя всё будем вспоминать.

Август 1849

186. НАСТУПАЮЩАЯ ОСЕНЬ

Вот осень настает, и с нею грязь и хлад.
Уж нет теперь цветов, весенних нет прохлад.
Уже летят с дерев поблеклые листочки,
И обнажаются прекрасные лесочки.
Где щелкал и свистал весною соловей,
Там воет осенью лишь северный борей.
Теперь уже роса земли не освежает,
А по утрам мороз трещит и прерывает

Наш крепкий, сладкий сон на утренней заре.
Мы приближаемся теперь уж к той поре,
Когда угрюмая зима придет с морозом
И белым саваном покроется природа.

19 сентября 1849

187. ВЕСНА

Весна прекрасная настала,
И всё приходит в новый вид.
Вот ярко солнце заблистало
И нашу землю всю живит.

Оно, лишь луч свой простирает,
Уж всю природу веселит,
Мороз и холод исчезает,
Снег от лучей его бежит.

Оно лед крепкий разрушает,
Дает движение воде.
Она бежит и, разливаясь,
Простора требует себе,

И, нагулявшись на раздолье,
К брегам ворочается вновь.
Так мы, наскучив буйной волей,
Скрываемся под мирный кров.

Но вот поля зазеленелись,
В них появилися цветы;
Везде теперь уж завиднелись
Природы вешней красоты.

Деревья листьями покрылись,
Леса прикрыли наготу,
Певцы крылатые явились,
Весны почуяв теплоту.

Все птички, по обыкновенью,
При встрече солнышка поют
И тем как будто дань почтенья
Красам природы отдают...

Веселье в душу проникает —
Приятен нам весны приход:
Она собой нас утешает
И красоты земле дает.

Повеселимся же весною —
Нам время есть еще пока;
Еще холодною зимою
Не скоро сменится она!

Но час ударит — будет поздно!
Весна уйдет от нас, уйдет!
И лето осенью холодной
Сменится, и зима прийдет!

20 сентября 1849

188. ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Обошедши свод небесный,
Солнце к западу идет;
В дали сумрачной, безвестной
Оно скоро пропадет.

Половина уж светила
Погрузилась в бездну вод,
А другая озарила
Тихий месяца восход.

До последнего движенья
Солнца он не дождался,
И луч солнечный последний
С первым месяца слился.

Тихо, плавно удалилось
Дня светило от людей.
Дай нам бог, чтоб так случилось
Провесть запад наших дней!..

Солнце скрылось. Вечеряет.
Ночь спускает свой покров.
Томно месяц озаряет
И поля и ряд холмов.

Всё в природе отдыхает,
Всё затихло; лишь в траве
Песнь кузнечик продолжает,
Нежась в мягкой мураве.

Ветр прохладный чуть колышет
Ветви нежные дерёв;
Чуть зефир прекрасный дышит
В тишине ночной лесов.

Но среди тиши всеобщей
Соловья песнь раздалась
И в лесах, полях и рощах
Громким эхом разнеслась! ..

Как приятно в час вечерний
Слушать пенье соловья!
Как приятно в вечер летний
Отдохнуть от жара дня!

Но вот ночь уж наступает
В заключение всего;
Взор напрасно мой блуждает, —
Он не видит ничего...

От меня благодаренье,
Мой создатель, ты прими!
И души моей стремленье,
Царь небес, благослови!

Сохрани меня, спаситель,
От несчастья в эту ночь!
Будь сам гений мой хранитель:
Можешь ты во всем помочь!

21 сентября 1849

189. ВЕСЕННЕЕ УТРО

Ночь проходит; занялася
В небе алая заря.
В тьме ночной она зажглася,
Златом, пурпуром горя.

Вслед за ней и солнце всходит,
Из восточных выплыв вод,
Месяц меркнет и уходит,
Видя солнышка восход.

Вся природа начинает
Пробуждаться ото сна.
Тихим ветром освежает
Воздух теплая весна.

Солнце ясное встречая,
Песнь малиновка ведет;
Птичек хор, ей отвечая,
Также гимн ему поет.

Резвым, радостным весельем
Наполняется земля,
И веселым птичек пеньем
Оглашаются поля!

Вот на землю к нам нисходит
Благотворная роса;
В ней луч солнца производит
Златовидные цвета.

Лучом солнца озарившись,
Окропленные росой,
Свои чашечки раскрывши,
Сон цветы прервали свой.

Вот головки поднимают,
Испускают аромат;
К небу будто бы взывают
И творца благодарят!

Вот и люди появляться
Начинают там и сям;
Крик, шум, говор раздаваться
Начинают по местам...

Мирно-нежная хранилась
В всей природе тишина;
Но лишь люди пробудились —
Шумом вся земля полна!

Звонкий смех там раздается;
Песню кто-то здесь запел;
Дальше звук рогов несется;
Тут пастух трубит в свирель!..

И спокойное молчанье
И святая тишина
Заменяются кричаньем
Пробудившихся от сна!..

После будет что — не знаю,
Ныне ж думается мне,
Что спокойными бывают
Лишь в священной тишине

И что люди те блаженны,
Кто умеет бога знать
И перед творцом вселенной
Тихо душу изливать.

23 сентября 1849

190. ПРОГУЛКА ПО КЛАДБИЩУ

Вечером, поздней гуляя порою,
К темному кладбищу я подошел.
Сердце мое сжалось грустью, тоскою,
И на могилы я как-то зашел.

Всё на земле сей безмолвно и мрачно;
Здесь же особенно спит всё во мгле.
Здесь живым людям скончавшихся страшно;
Мирен покой здесь лежащих в земле.

Мертвых спокойствие здесь ограждёно
Страхом пустым суеверной толпы...
Юноша ль резвый иль старец согбённый
Идут путем средь ночной темноты —

Всякий кладбище обходит далеко,
Встретить боясь на пути мертвеца;
И над могилою крест одинокой
Тень с того света уж есть для глупца!

Правда, здесь страшно, но страшно не мертвых,
Жизнь потерявших, истлевших давно,
Алчною смертью с лица земли стертых:
Страшно в кладбище себя самого!

Сердце невольно мое замирает
В этой ужасной могильной тиши:
Мрачные мысли она вызывает
Из глубины пораженной души!

Странно и грустно нам видеть могилу —
И с мавзолеем и с бедным крестом:
То, что нам дорого было и мило,
В недрах земли беспробудным спит сном.

Что же земные именья? богатства?
Почести? слава? что сильных любовь?
Люди зачем нарушают здесь братство?
Ближних зачем проливают здесь кровь?..

Вот посмотрите вы — здесь погребёны
Тысячи разного званья людей:
Лучше ль лежать им в могиле холодной
От знаменитости их в жизни сей?!

Воин, увенчанный лаврами, славный, —
Умный правитель — отличный министр —
Знатный и сильный — и нищий бесславный —
Не на одном ли кладбище лежит?..

Смертью равняются все состоянья;
Нищий, богатый, слуга, господин —

В гробе равно всё червей достоянье,
Нет никому там пощады за чин.

Что ж, значит, в жизни сей есть скоротечной?
Где же богатство? где ум? красота?? .
Нет ничего, кроме памяти вечной!
Как не сказать тут, что всё суета! ..

Но за пределом сей жизни, по смерти,
Будет душа наша где обитать?
Если б на это кто мог нам ответить!
Но ни один здесь не может сказать...

Есть же такие, что их и за гробом
Тленье не тронет и червь пощадит!
Люди такие — все жили убого,
Чтобы за всех нас творца умолить.

Души их с богом, в селениях горних,
В неизъяснимом блаженстве живут;
Мощи ж нетленные жителям дольним
Счастье, целенье и помощь дают.

Внемля молитвам угодников этих,
Господи, даждь нам спокойно почить!
Дай за сей жизнью другую жизнь встретить,
Вечно, блаженно где можно нам жить!

26 сентября 1849

191. ЗАХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ
(I редакция)

Рано сегодня проснулось светило дневное,
Медленно плыло оно в голубом небосклоне,
Долго прекрасный мир божий оно озаряло,
Жизнь и отраду земле нашей всей подавая.

Только взошло, и вся наша земля оживилась,
Ароматический запах цветы испускают,
Птички приветствуют солнце веселою песнью,
Сидя на ветвях дерев, окропленных росою.

В свете во всем разливается радость, довольство:
Солнце на всех на нас светит -- на злых и на добрых.
Но наконец вот и солнышко, знать, утомилось:
Тихо к закату оно начинает спускаться.

Косвенно чуть долетает к нам луч его светлый,
Всем здесь вещам сообщая отлив золотистый...
Вот уж совсем почти в бездне вод западных скрылось,
Моря поверхность лучом ударяя последним.

Солнце уж скрылось, но после него еще долго
Озарена была отблеском светлым природа:
Так всё прекрасное, доброе хоть и уходит,
Долго еще озаряет здесь всё своим блеском.

И уж когда закатилось прекрасное солнце,
Всё еще весело, радостно было в природе,
В небе заря пока алая ярко блистала
И темнотою ночь всей не покрыла природы.

О, как премудро господь всё на свете устроил!
Можно ли нам к тому близкое что-нибудь сделать?!
Нет, наше дело безмолвно дивиться лишь только
И просить бога решить для нас тайны природы.

27 сентября 1849

192. КРАСОТА НЕБА

Куда ни посмотришь на ясный мир божий,
В нем щедро рассыпаны всюду красы.
Пленительно всё в нем: душистые розы,
Лилеи и всякого рода цветы;
И гордые дубы, и тонкие ивы;
И бурное море, и тихий ручей;
И гор крутизны, и златистые нивы —
Всё, всё привлекательно в нем для очей!

Но к небу глаза от земли поднимите —
Другое представится зрелище вам.
На чистую неба красу посмотрите —
И чистый восторг сообщится душам.

Земные красы все не могут сравниться
С пленительной, девственной неба красой.
Земной красотою нам можно плениться,
Но хуже она красоты неземной.

Там небо во всякое время прекрасно:
Безоблачно ль ясно синеет оно,
К земле простираясь с улыбкою страстной,
Весельем и тихою негой полно,
Покроется ль тучею черной и мрачной,
Ударит ли грозным призывом громов,
Осветится ль молнии блеском ужасным —
Прекрасно во всяком убранстве оно...

Прекрасен свод неба — и в буре и в мире,
Но солнце на небе прекрасней всего:
Плывет оно медленно в нежном эфире,
И всех веселит луч отрадный его.
На светлое небо смотрю с наслажденьем,
Когда лучезарное солнце на нем,
Когда оно, чудным сияя весельем,
Как будто не знает, чтó тучи, чтó гром...

И чистые мысли в душе возникают,
И полон различных прекрасных я дум,
Любовь, умиленье душой обладают,
И ясен, и тих, и спокоен мой ум...
Но страшный вот гром загремел в отдаленьи,
И в сумраке блещет лишь молнии луч...
Неведомый трепет и благоговенье
Мне в сердце слетают сквозь мрак густых туч.

Создатель! Пленительно небо — престол твой:
Каков же ты сам есь во славе своей?!
О боже! Введи нас в небесный чертог свой!
Небесным огнем наши души согрей!

29 сентября 1849

198. ЛУНА

Всевышнего господа дланью
На пользу людей возжжена,
При общем молчаньи
Восходит на небе луна.

Восходит — и мрак проясняет,
И тихо на землю глядит,
И луч серебристый бросает
На темный земли нашей вид.

Вот с трепетным, кротким сияньем
Луна в тихом небе легла;
И томным, полсветлым мерцаньем
Природу она облила.

Люблю я ночное светило,
Когда в небе блещет оно,
То ясно, то снова уныло,
То снова веселья полно!

Люблю полусумрак чудесный,
На землю сведенный луной,
Люблю свод лазурный небесный,
Блестящий порою ночной.

Заветные в душу мечтанья
Слетают в ночной тишине,
И милые сердцу желанья
Теснятся души в глубине...

Но что же ты, месяц, не светишь?
Зачем начал ты померкать?
Иль солнце боишься ты встретить,
Чтоб светлых лучей не видать?..

Вот — солнце завидел и скрылся!
Таков-то бывает удел
Тех, кто на земле отличился,
Ума своего не имев!

Они в темноте лишь блистают,
Но ум гениальный блеснул,
Явился — они упадают,
Скрываясь, бледнея, бегут...

Луна хотя пользу приносит,
Чужими лучами светя,
А мы часто вред лишь наносим,
Чужою заслугой блестя...

Не будем же вдаль мы стремиться,
Но будем довольны своим,
Чтоб нечего было страшиться,
Что должны за всё мы другим.

2 октября 1849

194. ЗАХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ
(II РЕДАКЦИЯ)

Рано проснулось сегодня
Наше светило дневное;
Долго оно озаряло
Светлым лучом всю природу;
Не торопясь, оно плыло
На голубом небосклоне,
Нашей земле подавая
Жизнь, и отраду, и счастье.

Всюду во весь день разлито
Радость, веселье, довольство;
Солнце на всех на нас светит —
Так же на злых, как на добрых.
Но наконец вот и солнце
Красное, знать, утомилось:
Вот и оно начинает
К западу тихо спускаться.

Косвенно чуть долетает
Луч его светлый на землю,
Всем здесь вещам сообщая
Нежный отлив золотистый.

Вот уж совсем почти в бездне
Западных вод оно скрылось,
Моря поверхность последним,
Слабым лучом ударяя.

Несколько только мгновений —
И лучезарное солнце,
Скрывшись от глаз наших жадных,
Будет совсем нам не видно.
С тихою думой гляжу я
На заходящее солнце;
Грустно становится в сердце
При захожденьи светила...

Солнышко вот уж сокрылось,
Но еще долгое время
После него озарялась
Отблеском светлым природа:
Так на земле угасают
Славные, чудные люди;
Но остается надолго
Память о них во вселенной!

Доброе и по уходе
Светит во тьме еще долго,
Долго еще озаряет
Всё своим отблеском светлым...
Но наступает мрак ночи,
Месяц на небо восходит,
Свет его бледный лишь видим
Вместо прекрасного солнца..

Грустно нам солнца не видеть:
Землю живит оно нашу;
Что ж будет, если оставит
Нас благодать духа свята?..
Боже! от нас не отыди,
Злобе на жертву не дай нас!
В мраке ночном озари нас
Чудной своей благодатью!

3 октября 1849

195. СОЛНЦЕ

Люблю я наслаждаться
Природы красотой,
В час утра прогуляться
Весеннею порой.

Здесь часто, освежаясь
Прохладным ветерком,
Я в мысли погружаюсь
О созданном творцом...

Вот ночи мрак угрюмый
Уж начал исчезать;
И неба свод лазурный
Вот начал прояснять.

Заря вот заиграла
На небе голубом,
И солнце заблистало
Живительным огнем!..

Великое светило!
Источник красоты!
Как людям всем ты мило
И как прекрасно ты!

Ты чудными огнями
Блестишь людей очам
И светлыми лучами
На землю светишь нам!

Природу освещаешь,
Даешь ей теплоту,
Собою разгоняешь
Ночную темноту!

О, как ты благотворно
Для всей нашей земли!..
Ты чудно и узорно
Цветы все здесь пестришь;

Прекрасной покрываешь
Одеждою леса;
И их ты озаряешь,
Плывя по небесам;

Ты воду избавляешь
От ледяных цепей
И блеск свой отражаешь
В поверхности морей;

Ты плод даешь румяный
Нам летнею порой;
Зарей потом багряной
Ты путь кончаешь свой! ..

Прекрасно ты, творенье
Небесного царя!
Ты лучше всех явлений,
Каких полна земля! ..

Творенья так чудесны:
Что ж — стало быть — творец?!
О, если бы нам, грешным,
Увидеть тех чудес! ..

О, боже мой, спаситель!
Услышь глас тихий мой!
Прими небес в обитель
И там нас упокой! ..

4 октября 1849

196. ЗВЕЗДЫ

Вот чудесная мгла
Разлилась по земли;
Ночь на землю сошла,
В небе звезды зажглись.
    И люблю я смотреть
    На волшебный их бег.

И в ночной тишине,
Мрак уменьшив собой,
Тихо светят оне
С высоты голубой.
    И люблю я смотреть
    На таинственный свет!

То они вдруг блеснут,
То, минуту спустя,
Снова в мрак убегут,
То опять заблестят.
    И люблю их смотреть,
    К ним хотел бы лететь!

В небе будто резвясь,
Хоровод там ведут
И вдруг, с неба скатясь,
К нам на землю падут.
    И люблю я смотреть
    На блестящий полет!

И, на землю слетев,
Тихо гаснет звезда:
Скучно ей на земле —
Здесь она лишь одна.
    И смотреть я люблю
    Звезду гаснущую!

Не люблю я смотреть,
Как небесный огонь
Престает здесь блестеть,
Тьмой земной охвачён!
    Так, я думаю, нас
    Роковой сгубит час,

Погружёны когда
В упоении чувств,
Попадем, как звезда,
На кривой мрачный путь!..
    Берегитесь его,
    Пути мрака сего!

6 октября 1849

197. ГИМН СВ. ИОАННУ ДАМАСКИНУ

Я пред тобой благоговею,
Святый господень; чту тебя;
К тебе свой глас внести осмелюсь,
Тебя душою всей любя.

Средь мрачной тьмы иконоборства
Подобно солнцу ты сиял
И без боязни, без притворства
Еретиков злых поражал.

Для здешних, тленных наслаждений
Ты им потворствовать не стал;
Не убоясь земных мучений,
Против них смело восставал.

И ныне ты на нас взираешь
С лазурной неба высоты
И нас с небес благословляешь,
Благословлял как прежде ты!

Под кров твой ныне мы прибегли:
Наставь нас истину хранить,
Чтоб мы всегда в виду имели,
Как благонравно в свете жить;

Чтобы вовеки пребывали
Мы, православие храня,
И плодоносно возвращали
Священной веры семена!

Так — ты везде, незримо, с нами;
Нас наставляешь и хранишь.
Своих молений ты лучами
Нас и за гробом озаришь!

Ты благодать обрел у бога
Святою жизнию своей;
А мы грешили много, много...
Нам помоги ж мольбой своей!

11 октября 1849

198. ТАБАК И МОРФЕЙ

Два случая

1

Как ты это не стыдишься?
Как не совестно тебе?
Ах, Морфей, знать, веселишься
Ты страданьями людей!

Ты послушай, бог игривый,
Свое ухо приклони
К моей просьбе справедливой,
От меня сон отгони!

Ныне очень много дела,
А меня всё клонит сон;
Как могучи его стрелы!
Ах, какой невежда он!

Вот уж я перо бросаю,
Так дремота и томит...
Погоди... сон... Засыпаю.
Ах, Морфей, остановись!

Нет, Морфей не хочет слушать!
Обойдусь и без богов:
Табаку я взял понюхать —
Просидел до трех часов.

2

Как ты это не стыдишься,
Как не совестно тебе?
Ах, Морфей, знать, веселишься
Ты страданьями людей!

Бог ужасный, бог жестокий!
Ты услышь мольбу мою!
На земле этой широкой
Только я один не сплю.

Болен я болезнью страшной,
Зубы спать мне не дают.
Даруй мне, о бог прекрасный,
Хоть минуточку уснуть.

Хорошо же — он не слышит,
Без него усну как раз!
И давай я зубы чистить
Табаком — уснул тотчас.

Так табак против Морфея
Помогал мне два раза,
И теперь Морфей не смеет
Мне в прошеньи отказать.

14 октября 1849

199. ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ ТОВАРИЩА

Я был при нем, когда лежал
Один он на одре болезни.
Мне холод в душу проникал,
Я думал о часе последнем...

Страданье видно на челе.
Его пронзительны стенанья.
Не жить ему, знать, на земле,
Уж тяжело его дыханье.

Открыл глаза свои вот он
И тусклый взор на всё бросает,
Из груди вышел тяжкий стон,
И он навеки засыпает...

Я видел дней его закат,
Я слышал стон его печальный,
Я зрел его последний взгляд —
Взгляд с здешней жизнию прощальный...

И нет его! .. И умер он!
И дух уж с телом разлучился! ..
Прошла вся жизнь его как сон,
Но он от нас уже сокрылся.

Сокрылся он! И нет его!
И хладный труп окоченелый
Остался только от всего,
От жизни всей его веселой...

Где вы, прекрасные мечты?
Где вы, порывы вдохновенья?
Где чувств душевных красоты?
Где мыслей чудное стремленье?

Где ты, веселость прежних дней?
Где беззаботная ты радость?
Где ты, шум ветреных затей?
Где, где, цветущая ты младость?

Пропало всё! Нет ничего:
Ни радости, ни страсти нежной,
Ни чувств, ни мыслей, ни всего,
Что видим в жизни сей мятежной.

Вот наша жизнь! Мгновенный сон —
Веселый, чаще же печальный!..
Зачем желаем мы, чтоб он
Продлился до минуты дальной?!

Кто знает, что случится нам
Найти — веселье или горе?..
Добра ль мы сыщем в жизни храм?
Иль зла изведаем мы море?..

Не лучше ль рано умереть,
Оставить рано мир плачевный?
Не лучше ль в тихий гроб слететь,
Почить в могиле безмятежной?..

Так — счастлив, кто во цвете лет,
Несчастий, горя не видавши,
Оставит сей коварный свет,
Коварства, злобы не узнавши!

Он непорочною душой
На небо, в вечность преселится;

Найдет он чудный там покой
И там блаженством насладится!

Почий же мирно, милый прах!
С тобою мы теперь простимся;
Преодолеем здесь свой страх,
А там с тобой соединимся.

14 октября 1849

200. ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ О ПРИЯТНОСТЯХ ПОЭЗИИ

На дворе октябрь холодный,
Тучи ходят в небесах;
Воет ветр, как зверь голодный,
Лист с деревьев рвет в лесах.

Что мне делать в эту пору?
Как мне время коротать?
Мертво всё теперь для взору...
Дай начну стихи писать...

Я пишу к тебе посланье,
Друг мой, друг давнишних дней —
И уж бури завыванье
Мне как будто веселей.

И писать к тебе хочу я
О поэзии святой:
Я, горюя и тоскуя,
Только в ней нашел покой.

Лишь она мне услаждает
Скуку долгих вечеров;
Лишь она мне доставляет
Сладких несколько часов...

Свист ветров, свист погребальный,
Вой пронзительный, глухой

Мыслей рой родят печальный,
Нарушают мой покой.

И, в досаде на природу,
Принимаюсь за перо
И начну бранить погоду;
Глупо, тупо иль остро —

Мне об этом нет заботы,
Я пишу не для похвал.
Хоть избавлюсь от зевоты —
Для чего я и писал...

Мне поэзия чудесной,
Право, кажется всегда!
Ах, какой в ней огнь небесный,
Как она легка, горда!

Как летуча, как игрива,
Как прекрасна и стройна!
А порою как стыдлива,
Как ленива и томна!

Что за пламень загорится
В сердце, слыша ее глас?!
Что за сила в ней таится,
Очаровывает нас?!

Иногда поэт угрюмый
Вкруг не слышит ничего;
Иногда высокой думой
Оттеняется чело;

Иногда поникнет горько,
Блещут слезы на глазах;
Грудь вздымается лишь только,
Мысли бродят в небесах.

И всегда во всем прекрасен
Сей питомец муз, богов;
Взор его открыт и ясен,
Нет на нем мирских оков...

Не священное ль стремленье
Посещает нас порой?
Не господне ли внушенье —
Дар поэзии святой?..

Так — господь, по снисхожденью
К нам, ее нам даровал
И порою вдохновенью
Нисходить к нам приказал.

И чудесно то мгновенье,
Как с эфирной высоты
К нам слетает вдохновенье
И поэзии цветы.

И в роскошные мечтанья
Погружается поэт.
У него уж нет желанья,
У него уж чувства нет!..

И все чувства заменяет
Одно чувство для него,
И все мысли он бросает
Для мечтанья своего.

Ему тесны страны мира,
Мало места здесь ему;
Он летит в страны эфира —
К идеалу своему.

Он не чувствует несчастий,
Ни печалей, ни забот;
Для него уж нет напастей,
Горе сердца не грызет...

Он в покое, в упоеньи,
Он блаженствует вполне...
О святое вдохновенье!
Ты являйся чаще мне!..

Но прости, друг, забываю,
Что пишу не для себя;

Извини, что утруждаю
Пустым делом я тебя!

Я хотел писать не много, —
Вышло много невзначай.
Критикуй, прошу, не строго,
А затем скажу — прощай!

15 октября 1849

201. ЭПИГРАММА

Однажды муж с женой бранился
И к всем чертям был послан ей;
Иду, сказал, перекрестился
И подошел с насмешкой к ней.

16 октября 1849

202. К СЛАВЕ

Кто осмелился блеск славы
Так бесстыдно порицать?
Смертью, ядом и отравой
Славу кто посмел назвать?

Кто с холодным равнодушьем
Смел восстать против нее?
Не с участьем, не с радушьем
Говорить про блеск ее?

Чья душа так закалёна?
Кто так холодно суров?
Сердце чье не увлечёно
Обаяньем славы снов?

Нет, не верю, чтобы слава
Не тревожила ваш ум,
Чтобы сладкая отрава
Не смущала ваших дум!

Нет... припомните мгновенья
Резвой юности живой,
Как в тревоге и волненьи
Славы ждали вы порой...

Но для вас уж улетели
Нежной юности мечты,
И теперь вы нам запели
Про мирские суеты.

Вижу ваше я искусство
Нас обманывать подчас,
Понимаю ваши чувства
И не слушаюся вас.

Во мне страсти все замолкли,
Лишь одну я берегу:
Я, подобно Фемистоклу,
Спать от славы не могу.

Для меня бывает слава
Привлекательна всегда,
И я в слабости лукавой
Признаюся без стыда.

Упоительной отравой
Раны сердца я лечу,
Жажду славы, алчу славы,
Ей насытиться хочу.

Погружаюся порою
Я в мечтаньях роковых.
Думы сходятся толпою,
Планы явятся из них.

И к чему ж летят желанья?
И к чему ж ведут мечты?
К славе все бегут мечтанья,
Славы ищут красоты.

Середина октября 1849

203. САТИРА НА ЛЕНОСТЬ

Мне, право, смешно и досадно бывает,
Когда я встречаю ленивых людей,
Которые жажды познаний не знают,
Бездействие коим труда веселей.

Хоть сам я, быть может, ленивым бываю,
Но это бывает со мной не всегда,
А лишь когда труд я ненужным считаю
Или только после большого труда.

И я ненавижу всегдашних ленивцев.
Что делать? Такая натура моя.
Но их почитают за первых счастливцев
И в этом не раз уверяли меня.

«Смотрите, — однажды меня уверяли, —
Как счастливы все беззаботные здесь
(Они беззаботными тех называли,
Не делает кто ничего во век весь):

Проснется поутру, ни рано, ни поздно,
А так, середина — часам к десяти.
Тут с час потянуться, понежиться можно,
Потом он одеться велит принести...»

— «Но спать до полудня не всякому можно, —
Прервал я рассказчика тут моего, —
Иному на службу и к должности должно
Поспеть и проснуться пораньше того».

— «Ну что же такое? Пораньше он ляжет...
Заляжет тогда он часов с девяти,
Во сне он себе никогда не откажет,
Не будет он в день спать часов по пяти.

Потом он как следует завтракать станет,
А дальше тихонько на службу пойдет.
Он выговор там от начальства застанет,
Однако ему об нем мало забот.

Хотя у него тяжелы там бывают
Глаза от двенадцатьчасового сна,
Хотя у него всё лицо опухает,
Но в нем беспокойства не видно пятна.

К познанью вещей, для него бесполезных,
Стремиться не станет своим он умом.
Не ищет природы он таин чудесных,
Ни зá что с своим не расстанется сном».

— «Но это животных ведь жизнь бессловесных, —
Я снова его в этом месте прервал, —
А для человека не может прелестным
Быть то, что он всю свою жизнь лишь проспал».

— «И, полноте, — он мне ответил на это, —
Он тем и счастлив по природе своей,
Что здесь никогда не трудился для света,
Чтоб что-нибудь значить в кругу всех людей.

Ему всё равно, как его бы ни звали —
Животным или человеком живым,
Ему лишь бы нежиться больше давали
И дел бы не спрашивали никаких».

Между 15 и 19 октября 1849

204. ЛЕНОСТЬ

У господина молодого
Собаки было две дворовых.
Одна была стара, другая же щенок;
И молодую собачонку
Учил охотничий сынок,
Чтоб тешила она барчонка.
Она колясочку возила,
Ходила в воду за мячом,
На задних лапочках служила
И прыгала легко в кольцо.
Однажды Фрицу молодому
Пришла на ум такая мысль,

Что старую собаку можно
Гораздо легче научить.
Затем поставил он собаку
На лапы задние и прислонил к стене,
Но, всё терпенье потерявши,
В ней послушанья не нашел.
Того учителя позвали,
Щенка который научил.
Собаку старую и били и бранили,
Но им ничто не помогло.
Собака наконец сказала:
«Зачем вы учите меня?
Уж мне ученье не пристало,
И для него уж я стара!
С меня пример себе возьмите,
Учитесь, молоды пока,
Теперь пока вы не ленитесь,
А после поздно будет вам».

Между 15 и 19 октября 1849

205—206. *ЭПИГРАММЫ НА ЛЕНОСТЬ*

1

«Что ничего не делаешь, мой друг?»
— «Помилуй, недосуг».
— «Да, позабыл, — ты хочешь отдыхать,
Торопишься поесть, поспать».

2

Он глуп: тем лучше. — Отчего ж?
А оттого, что жалок был бы,
Когда, имевши ум хорош,
Его он леностью зарыл бы.
Теперь же пусть он ленится, как знает,
Нам пользы и дела его не доставляют.

19 октября 1849

207—208. *НАДПИСИ К ПОРТРЕТУ ЛЕНИВЦА*

1

Он на портрете смотрит в книгу,
Но, верно, видит фигу.

2

Портрет хорош, но не совсем:
Зачем так рот раскрыт, зевает будто он?
Зачем мутны глаза? — Затем,
Что в жизни для него всего милей был сон,
Иль, попросту сказать, всегда ленился он.

19 октября 1849

209—211. *ЭПИТАФИИ НА СМЕРТЬ ТОВАРИЩА*

1

Пока лежи в могиле темной,
Товарищ милый наш.
Мы шлем тебе привет наш томный,
А там увидимся, быть может, в небесах.

2

Во цвете лет, во цвете силы
Светильник жизненный погас.
Ты сшел безвременно в могилу.
Покойся в ней! к себе жди нас.

3

В могиле скрылся ты от жизненных забот!
Несчастье жизни сей тебя там не найдет!
Покойся ж здесь, наш друг любезный,
Мы чтим твой прах печалью слезной.

19—20 октября 1849

212. ОПИСАНИЕ ПОТОПА

Быстро размножилось племя Адама,
Много родилось людей.
Много явилось пороков и срама,
Зло стало людям милей.

Люди в пороках совсем утопали,
Бога забыли совсем.
Дел они добрых и честных не знали,
Зло полюбилося всем.

Не было мыслей благих, благородных.
Делал всяк то, что хотел.
То было царство порочных и злобных,
Всякий грешил, как умел.

Долго терпел их всевышний владыка,
Долго на них он смотрел.
Ждал он от них покаяния клика
И не пускал своих стрел.

Но уж его истощилось терпенье,
Гневом господь воспылал.
Мир весь подвергнут его осужденью;
Гнев на людей его пал.

Люди однажды повсюду справляли
Праздник всеобщий, большой.
Тут веселились, играли, плясали,
Пели с нечистой душой.

Вдруг потревожены игры, веселье —
Маленький дождик пошел.
Вскоре усилил свое он паденье,
Грязь на земле произвел.

Тут же послышались брань и роптанье,
Всякий богов тут винит
В том, что мешают веселью, гулянью,
Дождик на землю пустив.

Тучи меж тем всё мрачнее, чернее
Свод покрывали небес.
Дождь продолжался крупнее, сильнее,
Солнце сокрыв от очес.

Новое зрелище вскоре явилось,
Всех поразило людей;
Небо как будто с землей сговорилось
Для истребленья страстей.

Наша земля уж давно воздыхала,
Иго пороков несла,
Долго она очищенья искала, —
Ныне его обрела.

Воды земные — и реки и море —
Вышли тогда из брегов;
Водам небесным как будто бы вторя,
Шумно неслись на врагов.

Грозно нахмурилось, вспенилось море,
Грозно вздымались валы;
Буря всё больше бурлила, и вскоре
Воды покрыли скалы.

Волны всё выше и выше вздымались,
Ужас повсюду неся;
Все берега уж водой потоплялись,
Дождь всё сильнее лился.

Все, ужасаясь, кричат: наводненье!
В страхе бегут кто куда;
В бегстве, однако, не сыщут спасенья;
Их догоняет вода.

Вскоре, увидев опасность большую,
С низменных мест все бегут.
Все, на богов, на людей негодуя,
Брань и упреки несут.

Люди, однако, увидели скоро,
Что их догонит вода.
Бросились все на высокие горы,
Чтоб не постигла беда.

Водный разлив и туда устремился,
Вспенившись, вздувшись, стеня.
Дождь между тем на горах разразился
Шумным потоком ливня́.

В бешенстве страшном природа трепещет,
В ярости грозной дрожит·
Ливень повсюду бичует и хлещет,
Гибелью скорой грозит.

Все содрогались при гневе природы,
Все убегали скорей.
В бегстве поспешном сем много народу
Жизни лишилось своей.

Скрыться скорей от воды поспешали,
Шли на вершину горы,
В бездну друг друга в побеге толкали,
Прячась от божьей кары́.

Тут появилися богохуленья
Гибнувших чад сей земли.
Многие день своего тут рожденья
С зверством жестоким кляли.

Те погрузились в отчаяньи страшном,
Всюду лишь смерть находя.
Те лишь роптаньем и плачем ужасным
Думали тешить себя.

Страшным, ужасным, пронзительным криком,
Криком погибших людей,
Криком отчаянья, горести дикой,
Криком погибели сей

Гор всех вершины тогда оглашались.
Зрели все смерть пред собой.
Дикие звери туда ж прибежали,
Смерти боясь под водой.

Звери и люди друг к другу теснились,
Все были вместе они.
Люди зверей уже мало страшились:
Умерли б все и одни.

Это погибель ускорило только.
Звери, туда прибежав,
Многих людей постолкали далеко,
Сами их место заняв.

Бедственной смерти лишь все ожидали,
В людях господствовал страх.
Вдруг с гор корабль они там увидали,
Плавал который в волнах.

Ближе и ближе вот к ним подплывает.
Радость проникла в сердца.
Мысленно все уж себя в нем спасают,
Светлость видна их лица.

Муки уж их никакие не тронут!
Люди спасёны теперь.
Тотчас хотят отворить... но не могут:
Богом затворена дверь!..

С горестью тяжкой, с печалью двоякой,
С сотней проклятий своих,
Снова в спасеньи отчаялся всякой,
Смерть видел всякой из них.

Вновь океан и ревет и клокочет,
Чудный корабль уж исчез,
Всех океан поглотить снова хочет,
Грозные волны понес.

Быстро к вершине огромной катятся,
Страшно грозят всех увлечь.
Воды уж возле пред ними струятся...
Воды дошли уж до плеч.

Голос последний, прощальный раздался —
Волны ударились в брег...
Вскоре на всем океане остался
Только лишь Ноев ковчег.

25 октября 1849

213. ПОДРОБНОЕ ОПИСАНИЕ НАШЕГО КЛАССА

Заглавье это прочитавши,
Вы ждете, верно, от меня,
Что я, все мелочи узнавши,
Вам расскажу, как *дважды два.*

Но ошибетесь вы, читатель,
Когда подумаете так.
Я не внимательный писатель,
И у меня есть много врак.

Я не могу еще знать света,
Мне двадцати еще нет лет.
Признайтесь — люди в мои лета
Не углубляются в предмет.

Я расскажу вам то, что знаю:
За справедливость поручусь.
Хоть я кого и изругаю, —
Всё это правда, побожусь.

Теперь лишь было бы начало,
А как начнем — пошла писать.
И как фантазия помчала,
Так уж не нужно понукать.

Теперь свою настроим лиру
На ювеналовский манер!
Напишем злую мы сатиру,
Всех обругаем мы теперь.

Но есть еще здесь затрудненье:
Какой порядок нам избрать?
Начать ли с высших сочиненье?
Иль низших прежде описать?

Народ пониже осерчает,
Коль с высших будешь начинать,
А те давно нас наставляют,
Что должно старших почитать.

Я в этой крайности решился:
Как попадется мне писать,
И, чтоб никто не осердился, —
Как можно всё перемешать...

Конец октября
или начало ноября 1849

214. ЭПИГРАММА

«Постой! Когда-нибудь тебя обрежу я».
— «Тем хуже для тебя:
Тебе для этого семь дней не надо спать,
Да столько ж случая искать,
Вздыхать и думать ежечасно
И мучиться притом напрасно».

10 ноября 1849

215. НОВЫЙ ГОД

К громадной толпе промелькнувших годов
Еще один год вот подходит;
Узнавши весь свет, всё волненье умов,
Он к братьям со вздохом отходит...

И братья его обступают толпой
И сыплют вопрос за вопросом.
И держит один он ответ роковой
И им обдает их морозом:

Всё то же под солнцем, ответит он им;
И те же всё люди, как прежде.
И все отойдут с огорченьем немым,
Опять обманувшись в надежде...

И сходит на землю годок молодой,
Прекрасный, надеждами полный,
Неопытный, резвый, шалун удалой,
Кипящий отвагою вольной!

Слетает на землю и тихо глядит —
И вот предался восхищенью:
Ему вдруг представился радостный вид —
И он погружен в упоенье...

Музы́ки веселой где слышится гром,
Там гости в веселом волненьи,
Наполнив бокалы шампанским вином,
Лепечут свои поздравленья. .

А там, по деревням, *коляду* поют
Под звук деревенской музы́ки, —
Там в зеркало смотрят, там олово льют,
Там слышны разгульные крики, —

Повсюду веселье и радость видны...

2 декабря 1849

216–217. *ЖИЗНЕОПИСАНИЯ СВЯТЫХ*

1

ЖИЗНЬ СВ. ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО

Я не могу теперь призвать
Камен, и муз, и Аполлона.
Лишь бог мне может помогать
С высот небесного Сиона.

И я всевышнего прошу
Благословить мой труд посильный

И с наслаждением пишу,
Нашед себе предмет обильный.

Молю с усердием и вас —
И вас, великие святые,
Слететь с небес в удобный час
И подкрепить труды земные.

И недостанет если слов
Для описанья дел чудесных,
Выдь из обители богов,
Блаженный сонм мужей небесных.

Небесных звуков принеси
К нам в юдоль бедную, земную
И слов божественных снеси
На землю жалкую, немую.

Немую — да! — Земля нема
Перед небесными речами.
Она жалка, в ней нет ума
Пред небожителей умами.

Итак, начну теперь писать —
Не без забот, не без усилий.
Теперь намерен начертать
Я жизнь твою, святый Василий.

Как 329 лет
Прошло от рождества Христова,—
Произошел тогда на свет
Поборник сей Христова слова.

От предков славных и святых
Происходил святитель славный;
Всегда сияла святость их;
Спасенья путь — был путь их главный.

Василья дед еще страдал
За веру, чтя души спасенье,
И за Христа претерпевал
Гоненье, пытки и мученье.

С Макриной, верною женой, —
В Диоклитьаново гоненье —
Он подал всем пример святой
И в твердой вере и в терпеньи.

Отец Василия и мать
Святые также люди были,
Их род был знатен и богат,
Их все в отечестве любили. . .

3—8 декабря 1849

2

ЖИЗНЬ СВЯТОГО ИОАННА ЗЛАТОУСТОГО

Святитель славный и чудесный,
Благословенный Иоанн,
Великий доблестью небесной,
Светило ясное всех стран!

О, златоустый просветитель
Своих возлюбленных детей!
Всехвальный, доблестный учитель
Тебе всех вверенных людей! . .

Конец 1849

218. КРЕСТ И ПЕСТ

Часто в свете говорится —
Уж не знаю почему, —
Что *песта* мужик боится,
Что не страшен *крест* ему.

Да зачем нам обращаться
К бедным русским мужичкам?
Чтó над ними нам смеяться?
Пест не всем ли страшен нам?

Вот купец *крестом* клянется,
Что товар его хорош;

А увидеть *пест* придется —
Всё продаст он ни за грош.

Секретарь вас обдувает,
Крест в свидетели берет,
Что он дело ваше знает,
Что оно *«вот так»* идет...

Но лишь только приезжает
Кто-нибудь туда с *пестом* —
Уж никто не обдувает
И идет всё чередом.

Вор ворует на дороге,
Не страшится он *креста*,
Говорит хулы о боге,
Лишь раскроет он уста...

Но лишь только где узнает
Полицейского с *пестом* —
Тотчас в страхе убегает
С наворованным добром.

Мужа доброго проводит
Здесь коварная жена;
Он неверность в ней находит, —
Не сознáется она...

И клянется и божится,
Со стены снимает *крест*;
Но вдруг тише становится,
Только лишь увидит *пест*.

Вот должник душой желает
Кредиторов обмануть,
Страх *креста* он презирает,
Чтобы только их надуть.

Но *пестом* начнет лишь только
Кредитор ему грозить —
Он, не медля уж нисколько,
Сам приходит долг платить...

Многих мы нашли б на свете,
Не боится кто *креста*,
Но об этом мы предмете
Замолчим, боясь *песта*!

Март — сентябрь 1850

219. МОЛИТВА

Небесный отец! Да святится
Твое имя в наших душа́х!
Да царство твое водворится
В колеблемых наших сердцах!..

Да воля твоя исполняться,
Как на́ небе, будет у нас!
Нам хлебом простым напитаться
Дай, боже, на нынешний раз!

Как мы, сколько можем, прощаем
Долги и своих должников,
Так, боже, с небес ожидаем
Прощенья и наших грехов!

Ты нас не введи в искушенье
И освободи от лукавств!
Всё это в твоем есть владеньи;
Твоя слава, сила и власть!

13 апреля 1850

220. ВЕЧЕРНЯ СТРАСТНОЙ СУББОТЫ

Всю церковь мрачно облегает
Креп черный — общей грусти знак,
И грусть на душу навевает,
И молится уныло всяк.

Природа будто стосковалась,
С Христом страдания несла;
И в тучах солнышко скрывалось...
Природа пасмурна была...

Диакон в черном облаченьи
Пред плащаницею святой
Кадит в немом благоговеньи,
Поникнув горестно главой...

Положен в гробе бесконечный!
Владыка жизни мертв лежит!
И смерти подчинился вечный!
Какой ужасный, чудный вид!..

Но вот паремии читают —
И радость сходит на людей:
Пророки в них предвозвещают
Величие царя царей!

«Воскресни, господи, — запели, —
Будь судиею на земли!»
И будто ангелы слетели
И нас на небо понесли!..

Так вдруг проникла в душу радость,
Так сладки были те слова,
Так неизведанная сладость
Внезапно в сердце низошла!

И песнь святая громогласно
Под кровом храма разлилась;
И чудно-радостно-прекрасно
Отрада в душу пролилась...

И черный креп уже снимают
С паникадил и со свечей.
Блестящий вид их открывают, —
И радостен он для очей...

Священник, дьякон одеянье
Переменяют в алтаре
И в белых ризах и в сияньи
Выходят, взор стремя горé...

О, как божественно прекрасен
Для православных этот час!

Труд рассказать это — напрасен;
Да и не нужен тут рассказ...

Святое чувство затаите
Во глубине своей души.
Ни с кем об нем не говорите
И наслаждайтесь им в тиши!..

И что же? В этот миг блаженный
И солнце вышло из-за туч;
Открыло лик свой сокровенный,
К нам посылая светлый луч.

И наша радость возрастала,
И наше счастье всё росло;
И сердце горесть забывало,
Веселье в душу низошло.

И все с веселием молились,
Взывая к богу своему:
«Страстям твоим мы поклонились
И воскресенью твоему

Днесь поклоняемся, спаситель!»
Так в сердце к богу всяк взывал
И к слову «умер искупитель» —
«Христос воскресе» прибавлял.

22 апреля 1850

221

Раз по волнам
В струях реки
Везде — туда-сюда — мелькали челноки
С гребцами удалыми,
Веселыми, живыми...
Пестрела лодками река,
Все были веселы и рады
(Хотя она — заметить надо —
Весьма неглубока).

Но вот —
По этой самой речке
Плывет
(На самом меленьком местечке)
Большая барка с грузом страшным...
Как великан, она меж лодками идет
И с мужеством бесстрашным
Всё подвигается вперед.
Идет, идет... и вдруг остановилась...
— Что с ней случилось?..
— Что за беда?
— С ней не бывало никогда
Тако́ва
Несчастья злова.
Все начали шуметь, браниться и кричать,
Друг друга понукать,
А барка всё не подавалась
И с мели не снималась...
А лодочки опять
По речке начали шнырять...
И стали лодки все над баркою смеяться:
— Вперед тебе урок,
Не будешь в мелизну соваться:
Тебе там не пройти, где плавает челнок.
Мы — дело ведь другое:
Большому ж кораблю и плаванье большое.

22 мая 1850

222

Всё мрачно и тёмно,
И ветер свистит;
Лишь в комнате томно
Лампада горит.

Во мраке мерцает
Она лишь одна;
И тьму проясняет
Немного она...

Порою так тёмно
И в сердце моем,
Лишь веры свет томно
Светлеется в нем.

И в мраке мерцает
Лишь веры светóч
И мне проясняет
Душевную ночь...

22 мая 1850

223. ОПТИЧЕСКИЙ ОБМАН

Долго, долго странник заблудившийся
Шел по безводной, песчаной степи.
Наконец, усталый, утомившийся,
Больше не мог он по степи идти.

Весь изнеможенный, утрудившийся
Зноем палящим и долгим путем,
На песок упал он раскалившийся,
В страхе, отчаяньи робком, немом.

Зноем, жаждой мучимый всё более,
Он уже думал сейчас умереть,
Больше всё слабел он... и уж более
Жажды палящей не мог он терпеть.

Он в бесчувственность, оцепенение
Несколько времени был погружен...
Вдруг очнулся он при захождении
Солнца — и счастливо был поражен...

Май 1850

224

Раз я темным, зимним вечером
Захотел поуспокоиться
От забот дневных и утренних.
Отдохнуть лег на диван к себе

И уснуть совсем хотел было,
Но спать что-то не хотелося:
Резвый сон бежал от глаз моих.
И, как делать было нечего,
Стал я слушать со вниманием,
Как моей сестрице маленькой
Нянька сказывала сказочки —
Сказки дивные, старинные.
Всё про храбрых, сильных витязей,
Про дела их молодецкие
И про битвы богатырские,
Про сражения с полканами,
С колдунами, с исполинами
И про прочие их подвиги,
Все — достойные бессмертия...

Май 1850

225. СТАРАЯ ПЕСНЯ

Нас было две сестры... Его я полюбила...
Он полюбил ее... и я... ее убила...
Узнали это все... и прокляли меня...
А он... убил себя, преступницу кляня...
С тех пор не знаю я покоя никогда...
Их призрак чудится мне всюду и всегда...
И, кажется, они целуются так страстно...
И в страшной ревности терзаюсь я напрасно!..

11 июня 1850

226. ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ КОМАРА

Давно ль этот грозный воитель
Высоко и быстро летал?
Давно ль этот льва победитель
Свою всем победу жужжал?

Давно ли своими крылами
Он воздух легко рассекал?
Давно ли парил он над нами
И нам свою песню пищал?..

И вот — он теперь бездыханен;
Его вдруг постигла беда.
Недвижим лежит он и хладен,
Как мертвый бывает всегда...

С воздушных высот он спустился
На чей-то возвышенный лоб,
И только в него было впился —
Как пó лбу вдруг щелкнуло: хлоп!..

И был совершенно раздавлен
Комар наш щелчком этим злым
И без погребенья оставлен
Жестоким убийцей своим...

В таком положеньи несчастный
Найдён на полу мною был.
Его жребий жалкий, ужасный
В меня сожаленье вселил...

Я вырыл могилку простую,
В нее мертвеца положил
И ямку зарыл небольшую;
Я долг свой чрез то совершил...

Покойся же в мире, убитый!
Теперь ты спокоен навек!
В могиле холодной зарытый,
Из ней ты не встанешь вовек!..

3 июля 1850

227. ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

С восторгом на него глядел
Я, как, задумчиво-спокойный,
Он с важной думою сидел —
Прекрасный, тихий, бледный, стройный...

Как величав тогда он был,
Как безыскусственно прекрасен!
Как я его тогда любил!
Как взор его был чист и ясен!..

Но двадцать лет прошло с тех пор!..
Вот он: глядит теперь Катоном;
Строг, важен, холоден, не скор
И нашпигован весь «законом».

Он некрасив, румян и толст,
Во всех движениях изыскан;
Горб скрыл его прекрасный рост,
Духами вечно он напрыскан!..

Где ж бодрость, свежесть, красота
И всё, что нас так веселило?..
Иное отняли лета,
Иное ж в свете лишним было...

8 июля 1850

228. СМЕЛЫМ БОГ ВЛАДЕЕТ

К ненастью, к ненастью
    Ворон кричит...
К несчастью, к несчастью
    Сердце стучит...

Вот черные тучи
    В небе идут...
«Нет, право, брат, лучше
    Челн нам вернуть!»

— «Всё вздор говоришь ты;
    Действуй смелей!..»
— «Смотри, — угодишь ты
    В когти чертей!..»

Так спорили в челне
    Два рыбака...
Вот плещутся волны
    В край челнока...

«Эй, нет, брат, — вернемся!»
    — «К черту поди!..»
— «Куда ж мы несемся?..
    Брат! Рассуди!..»

— «Бог смелым владеет! ..» —
Тот отвечал...
Но ветр свирепеет,
Вал набежал...

Челнок утопает...
Братья в воде...
Река поднимает
Волны везде...

. . . .

«Владеет бог смелым!» —
Вдруг раздалось...
Из волн реки тело
Приподнялось...

Все силы собравши,
Брат один плыл
И, к брегу приставши,
Жизнь сохранил...

Другой же, хватаясь
Кой-как за челн,
Всё плавал, шатаясь,
Ужаса полн...

И вот, утомленный,
Пьет он волну,
И, валом сраженный,
Канул ко дну...

———

Бог смелых спасает! —
Я повторю...
Пусть всяк сохраняет
Смелость свою! ..

20 июля 1850

229. ГРЕХ

Он мне представлялся прекрасным, и добрым, и сладким,
Пока я не слушал лукавых внушений его. ..
Но вдруг он явился мне гнусным, ужасным и гадким,
Когда я прельстился лукавым наветом его! ..

21 июля 1850

230. ЭЛЕГИЯ

Я не знал ничего
И спокойно гулял;
А вдали на меня
Тучи черные шли...

Разразились они
Над моей головой...
Лишь тогда увидал
Тучи я над собой...

И с тех пор солнца луч
Не светил для меня;
И ненастье с тех пор
Неизменно стоит...

Постоянно с тех пор
Я влачуся в грязи,
И из туч не видать
Солнца красного мне.

21 июля 1850

231. ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ

Метко, звонко бьет о стекла
Дождик проливной:
На дворе уже всё взмокло,
Всё в грязи густой! ..

Небо в тучах. Солнце скрыто...
Воздух влажен, сыр...
Лужи по двору разлиты...
Темен как-то мир...

Мокрой курицей прямою
Курица стоит
И, поникнув головою,
На себя глядит...

Вот кухарка хлопотливо
Кадочки тащит;
С крыши дождик хлопотливо
В кадки те бежит.

Всё так пóшло... Западает
Нá сердце тоска...
Всё так скуку нагоняет...
Радость далека.

24 июля 1850

232. НА ЗЕМЛЕ И НА НЕБЕ

Тучи пó небу идут,
В доме гости пир ведут...

Вот грохочет в небе гром,
Гости спорят за столом...

В небе молния блестит,
Шпагой гостя гость разит...

Дождь из туч ручьем идет,
Друг-убийца слезы льет!..

31 июля 1850

233

...Любви младенческой, прелестной,
Любви высокой, неземной...

Все превратились в ожиданье...
С волненьем тайным всякий ждет...
У всех теперь одно желанье...
Теперь всяк в будущем живет...

«Когда же?» «Скоро ли прибудут?»
«Когда же их увидим мы?»
«Здесь долго ли они пробудут?»
Вот чем все заняты умы...

Их ждут — и бедный и богатый,
Их ждут — старик и молодой,
Их ждет крестьянин бородатый,
Их ждет и модник записной...

Их ждет ремесленник, чиновник,
Их ждет служитель алтаря,
Их ждет купец, солдат, сановник,
Любовью, верностью горя...

Их ждут и женщины всех званий,
Скорее видеть их хотят,
И изо всех своих желаний
Теперь одно они хранят.

Всё ждет, всё ждет — и ощущает
Заранее восторг святой.
Всё видеть их скорей желает,
И всё стремится к ним душой...

О, поскорее же придите!
Нас всех обрадуйте скорей!
Народ свой верный осчастливьте
Воззреньем царственных очей.

1—2 августа 1850

234

Весь город огнями блестит,
Народ веселится, гуляет,
На множество плошек глядит
И сам обо всем рассуждает...

Вот это не этак совсем...
Не так и не этак другое...
Здесь всё не по нем, а меж тем
Народу прибавилось вдвое! ..

Но вот два часа уже бьет,
И плошки, дымясь, погасают...
Лениво уходит народ
И то, что бранил, выхваляет...

12 августа 1850

235. ГУЛЯНЬЕ 12 АВГУСТА В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

Сколько свету, сколько свету
В нашем Английском блестит!
Сколько песенок там спето!
Сколько плошек там горит!

Вот откос стоит над Волгой:
Он огнями весь блестит.
Плошек ряд — широкий, долгий —
Там уставлен и горит...

Но расскажем всё ab ovo [1]
Мы читателям своим! ..
Это будет им не ново,
Но... но мы уж говорим.

В Нижний Новгород прибыли
К нам великие князья...
(Вы, уж верно, выходили
Встретить их, мои друзья!)

[1] С самого начала (лат.). — *Ред.*

Все с восторгом, восхищеньем
Их встречать бегут, летят,
С пылким, страстным нетерпеньем
Видеть их скорей хотят!..

В пять минут — не больше, верно, —
Площадь всю покрыл народ...
Он с любовию примерной
Появления их ждет...

Вот коляска появилась:
В ней царевичи сидят...
Площадь криком огласилась;
Все «ура! ура!» кричат...

В фанатическом волненьи
Весь народ кричит, шумит
И в каком-то упоеньи
За коляскою бежит.

Но вот кони подъезжают
Тихо, тихо ко дворцу,
Их народ сопровождает,
Идет к самому крыльцу.

13—28 августа 1850

236

Тучи черные
Ходят пó небу,
А печаль-тоска
В ретивóм сердце...

Тучи черные
Разразилися
Проливным дождем
С громом-молнией...

Грусть-тоска моя
Разрешилася
Током в два ручья
Горьких, горьких слез...

После дождичка
Прояснилося,
И пропали все
Тучи черные...

И слезами грудь
Облегчилася...
Грусть-печаль мою
Всю я выплакал...

17 августа 1850

237. ДВУМУЖНИЦА

Оженился мужик,
А чрез месяц набор...
И забрили его,
Он в солдаты попал...

И на злых недругóв
Он пошел на войну,
Долго бился с врагом
На чужой стороне...

Три почетных креста
На груди у него...
Три глубоких рубца
На груди же видны...

Прекратилась война,
И солдаты идут —
Иль к друзьям, иль к родне,
Иль к жене молодой...

Наш солдат, как и все,
С нетерпеньем спешит
И с восторгом в душе
Ждет объятий жены...

Но ее не нашел
Он в деревне своей,
А сказали ему,
Что-де в город ушла.

Там нашел он ее...
Входит в горницу к ней...
А у ней пир горой,
Шумно гости сидят...

И с замужством вторым
Поздравляют ее:
С мужем в мире, любви
Ей желают прожить...

Вмиг всё понял солдат...
Как шальной, закричал...
Сокрушен и разбит,
На пол грохнулся вдруг...

Встрепенулися все...
Молодая глядит
И, увидевши, вдруг
Побледнела как смерть.

«О мой муж! О мой муж! —
Закричала она. —
Неужли это ты?
Ненаглядный ты мой!»

Причитать начала...
Стала голосом выть...
Разбежалися все,
И расстроился пир...

. . . .

Вновь пошел наш солдат
Государю служить,
И всегда вперед всех
На врагов несся он...

Он бросался в огонь,
Всюду смерти ища;
Но и смерть от него
Убегала, кажись...

И сурово на всех
Старый воин смотрел,
И улыбки на нем
Не видали никто...

И, от всех удалясь,
Часто он горевал,
И катилась слеза
На седые усы...

. . . .

И далёко, в глуши,
Там безумная есть...
То жена двух мужей
Там лишилась ума...

Ходит весь день она,
Всюду мужа ища,
И кричит, чтобы он
Ей измену простил.

18 августа 1850

238. НЕДОВОЛЬНЫЕ

Что это за чудо? ..
Я не надивлюся...
Люди постоянно
Чем-то недовольны.

У того нет *денег*,
У другого *связей*,
Третий горько плачет,
Что *не знатен* родом.

Тот весь век горюет,
Что его *талантов*
Не признали в свете
Завистники люди.

У того нет *места*,
У другого *чести*,
Третий недоволен
Сварливой *женою*.

Этого *не любят*,
Тот обо́йден *чином*,
Того *оскорбляют*,
Тому *изменили*. . .

А глядишь: в несчастьи
Виноват он сам же,
Оттого что в жизни
Ума не имеет. . .

Отчего же это
Никто не горюет,
Что умом природа
Его обделила? . .

24 августа 1850

239. ВЕСЕННЕЕ УТРО

Утра свежее дыханье,
И цветов благоуханье,
И деревьев колыханье,
Птичек легкое порханье,
И на ветках щебетанье,
Мрака ночи исчезанье,
Звезд с луною померканье,
Солнца красного восстанье,
И природы всей молчанье —
Всё родит очарованье,
Тихо-сладкие мечтанья. . .
В душу входит упованье,
И милей существованье. . .

25 августа 1850

240. ПРИ ЛУНЕ

Я люблю, когда в природе
Всюду мрак и тишина
И когда в небесном своде
Зажигается луна;

Кротко, тихо, терпеливо
В небе путь свершает свой
И на землю молчаливо
Луч бросает золотой.

Сколько дум тогда родится!..
И серьезное с пустым,
С пошлым умное дружится,
И высокое с простым!..

Я тогда благоговею
Пред величием творца,
Дел считать его не смея
И не видя им конца...

И потом вдруг беззаботно
Я любуюся луной...
Наслаждаюсь безотчетно
Ночи чудной тишиной...

А потом — воспоминанье
О *воззваниях* к луне,
О рифмованных *страданьях*,
О *пылающем огне*,

Об ученых наблюденьях
И об пятнах на луне,
Об искусных объясненьях —
Есть ли жители на ней...

Дальше — дума, как лучами
Светит чуждыми луна
И поспешно как утрами
Меркнет на́ небе она.

Может быть, не потому ли
Так грустна всегда она?
Может быть, не потому ли
Так печальна и бледна?..

Но вот облачко затмило
Ненадолго блеск луны,
И она чуть-чуть светила
Средь полночной тишины.

И тяжелою тоскою
Грудь наполнилась моя,
С омраченною душою
Лег в свою постелю я...

25 августа 1850

241. ЖЕЛАНЬЕ СЛАВЫ

Сердце молодое
Просит, просит славы...
Не дает покою,
Хочет пить отраву...

А того не знает,
Что, будучи в славе,
Человек гуляет
По горячей лаве...

А того не знает,
Что блаженства слава
Нам не доставляет,
Что она — отрава...

А того не знает,
Что, добившись славы,
Человек кидает
Радости, забавы...

А того не знает,
Что́ для славы нужно,
И не понимает,
Что с ней гений дружен...

А того не знает,
Что кто славы хочет,
Тот уж не гуляет,
Дни не спит и ночи...

Ничего не знает,
Да и знать не хочет,
Ум мой омрачает
С утра до полночи...

Что ни говорю я,
Ничего не слышит,
Горестно тоскуя,
Только славой дышит...

Что же — иногда я
Думаю с собою:
Приходи, родная,
Хоть побудь со мною!..

Хоть бы посмотрел я,
Что это за слава?
Чтó она на деле —
Счастье иль отрава?..

26 августа 1850

242. ОСЕНЬ

Уж воздух осенью дышал,
Уж лист желтел и иссыхал
И вниз с деревьев упадал
Или по воздуху летал,
Коль сильный вихрь его гонял...
Рой птиц на юг уж отлетал,
Наш край в ненастьи оставлял,
Дождь чаще землю окроплял,
Но уж ее не освежал...
Ни зги глаз утром не видал:
Седой туман всё покрывал...

Ряд туч уж солнце закрывал,
Порядком холод пробирал;
Грязь, дождь, туман не преставал,
Пока снег зимний не напал...

2 сентября 1850

243. ТРУД

Труд мой велик. За него долго, долго не мог я приняться...
Начал его я не с ревностью жаркой, а с ленью холодной,
Думая всё, что он мне не по силам ничтожным прийдется...
Скоро, однако ж, увидел я сладость трудов неусыпных,
Скоро моим тяжким делом с любовью я стал заниматься...
Быстро мелькали в труде проведенные дни и недели,
Воспоминание сладкое мне по себе оставляя..
Долго трудился я и совершенно был счастлив занятьем...
Но наконец вот окончился труд мой, и сладкий и тяжкий, —
И никакое перо не опишет того восхищенья,
В сердце которое я ощутил в ту святую минуту,
Труд мой давнишний — и сладкий и тяжкий — когда был окончен...
Эта минута меня за труды все вполне наградила. .
Боже! О, если б минут таких в жизни побольше бывало! .

4 сентября 1850

244. УЧЕНАЯ ЖЕНЩИНА

Как осеннее утро, туманна она,
Философии немцев вполне предана...
Отвлеченным наукам она учена́
И субъектов, объектов различных полна.

Нет возможности час просидеть вместе с ней,
Видеть взгляд гелерте́рский прелестных очей,
Слышать милые звуки туманных речей
И не чувствовать страсти и жалости к ней!..

Как мила и добра! Всяк ее бы любил,
Если б голос сердечный доступен ей был,
Если б взгляд ее больше душе говорил,
Если б вид философский сердец не страшил...

Нет, *ученая* дама совсем не умна;
Философия ей никогда не нужна...
Только всех от себя оттолкнет ей она,
Только будет для всех и жалка и смешна!..

8 сентября 1850

245. ЭПИГРАММА

Ты шутишь зло и сразу поражаешь;
Зачем же двадцать раз ты шутку повторяешь?

10 сентября 1850

246. НАСМЕШКА

Я не люблю, я сожалею,
Когда смеются над глупцом;
Я сострадание имею
К тому, кто обделен умом;

Кто за насмешку сам насмешкой
Не в состояньи отплатить;
Кто в свете движется как пешка,
Себя не может защитить...

По мне — всё это очень схоже
С тем, как разбойник нападет,
Когда в беспечности прохожий
Леском повечеру идет...

Зато — как рад я, если прямо
Враля, педанта, гордеца
Заденут ловкой эпиграммой
И опозорят, как глупца!..

Вот прямо рыцарское дело:
Порок казнить, изобличать,
Или с врагом бороться смело,
А не на слабых нападать...

10 сентября 1850

247. ОДА ГОРАЦИЯ
AD SE IPSUM[1]

О, заблуждал я, заблуждал,
Средь нашей мудрости безумной,
Когда богов не уважал
В душе беспечной, вольнодумной!

Теперь я должен изменить
Свои все мысли и желанья,
Вновь той дорогой проходить,
Которой шел я без сознанья...

Сейчас Юпитер, облака
Разрезав молнией блестящей,
Вдруг в ясном небе сдалека
Пустил коней своих гремящих.

И колесницу вдруг промчал,
И неподвижный берег дальний,
И на водах восставший вал,
И Стикс, угрюмый и печальный,

И ненавистные места —
Ужасная обитель ада,
И Атлантиды берега —
Всё содрогнулось от удара.

О да, бог силен унижать
То, что недавно возвышалось,
Блеск знаменитых потемнять
И обнаружить, что скрывалось.

Так, гордый дух унизив мой,
Ужасным грома грохотаньем
Судьба смеется надо мной,
Мое увидя состоянье.

13—14 сентября 1850

---

[1] К самому себе (лат.). — *Ред.*

248

Нет, плохо писать *на заказ*,
Когда вдохновения нет:
В такой прозаический час
Глядит прозой каждый предмет.

Тогда ни крестом, ни пестом
Не выжмешь стиха из башки,
И как ни работай умом,
Глядишь — не *стихи*, а *стишки*...

И рифмы никак не найдешь,
Стиха не составишь из стоп,
Напрасно перо изгрызешь,
Напрасно протрешь себе лоб...

К чему ж на заказ нам писать?..
На это есть много причин —
Но все о них строго молчат...
Зачем же начну я один?..

14 сентября 1850

249. ЖЕЛАНИЕ

Как бы я имел
Силу крепкую,
Молодецкую,
Богатырскую!

Как бы я имел
Коня доброго,
Моей силою
Укрощенного!

Как бы я имел
Друга верного,
Неусыпного,
Неподкупного!

Как бы я имел
Много золота,
Чиста сёребра,
Дорогих камней!

Как бы я имел
Столько разума,
Чтоб с добром своим
Мог управиться!..

О, тогда б я жил
Припеваючи
И на сей земле
Был бы счастливым!

А о будущем
Постарался бы
Умолить творца
Милосердого,

Чтоб помиловал
Меня, грешного,
И не воздал мне
По грехам моим!..

15 сентября 1850

250. ДОГАДКИ

Ночь темна... На небе тучи
Лунный свет заволокли,
И, взвевая прах летучий,
Ветер ходит по земли...

Всюду тихо, всюду тёмно,
Всё во мраке мирно спит,
Лишь в одном окошке скромно
Точка светлая блестит...

Неподвижно, постоянно —
Вот три ночи вижу я —

Зажигается там рано,
До утра горит свеча. . .

Для кого же свечка эта?
Для кого горит огонь?
Отщепенец ли от света
Богу молится при нем?

Или в сотый раз считает
Свое золото скупец?
Иль на счетах вычисляет
Барыши свои купец?

Математик ли счисляет,
Сколько к небу от земли?
Честолюбец ли мечтает
Планы выполнить свои?

Иль, боясь запрещенья
Строгой матушки своей,
Дочь сидит без утомленья
За романом средь ночей? . .

Иль ремесленник трудится,
Чтоб насущный хлеб достать?
Иль художник не ложится,
Идеал свой чтоб создать? . .

Иль писатель горемычный
Третью ночь перо грызет?
Или критик непривычный
Раз десятый книгу чтет? . .

Или нищий умирает,
Всеми брошен и забыт?
Иль богатый жизнь кончает,
Сытным ужином убит? . .

И так далей, и так дале
Понеслись мечты мои,
И предела не видали,
И вперед летели, шли. . .

Долго думал и гадал я,
Одного не отгадал:
То картежник, как узнал я,
В карты ночи все играл...

9 июля — 22 сентября 1850

251. НЕЛЕПОСТЬ

Что ты не лжец — ты уверяешь;
Но ты себя опровергаешь:
Что ты не лжец — ты уверяешь,
А сам нелепость утверждаешь,
А именно: что ты не лжец — ты уверяешь...

22 сентября 1850

252. КВИТАНЦИЯ

Не люби ты меня,
Позабудь ты меня;
Позабудь, что я был,
Что на свете я жил...

Пусть чужой я тебе,
Незнакомый тебе;
Ты ко мне не ходи,
На меня не гляди.

Уничтожь всё сейчас,
Съединяло что нас...
Мы менялись кольцом,
Мы менялись крестом.

Крест, кольцо ты сними,
Уничтожь, разломи!
Изорви, истерзай,
Искроши, изломай!

Моих локон волос
Ты сожги или брось.

Также письма мои —
Изорви иль сожги! . .

. . . .

Я делился с тобой
И умом и душой. . .
У тебя всё, что есть,
Ум, богатство и честь,

И чины, и друзья —
Всё, всё дал тебе я.
Без меня б ты пропал,
Был не то бы, что стал.

Так отдай всё, что есть:
И богатство, и честь,
Ум, чины и друзей —
Всё отдай мне скорей,

И мы квиты с тобой,
И ты чист предо мной.
Не люби ты меня,
Позабудь ты меня! . .

22 сентября 1850

253. СОН

Однажды я взял себе в руки книжонку пустую,
И скоро меня посетил благодетельный сон. . .
Уснул я и вижу сон чудный: что в тьму я густую,
Под землю, невидимой силою был пренесен. . .
Всё было во мраке, и я ничего не видал.
И долго я молча один неподвижно стоял.
Но вдруг мне открыты глаза неизвестною силой,
И кто-то сказал мне: смотри — вот здесь Лета-река. . .
И мне вдруг представился вид запустенья унылый. . .
И тени в воде, хотя я не видал челнока.
Все тени карабкались, плыли и бились в воде. . .
Из страшной реки убежать нельзя было нигде. . .

Тонули, но все-таки книжки из рук не пускали,
Которые крепко все тени держали в руках,
И с книжками вместе несчастные все утопали,
Навек сокрывалися все реки адской в волнах.

29 августа — 23 сентября 1850

254. К НЕРАЗРЕЗАННОМУ ЖУРНАЛУ

Разрезывать ли мне твои листы?
Что обещают мне твои страницы?
Изображенье ли столичной суеты,
Или поездку за границу?

Или уездный мелкий городок,
Иль сельской скуки описанье?
Представишь ли ты мне наказанный порок,
Иль добродетели страданье?

Иль о преданьях старины
Разговоришься ты со мною?
Иль о делах родной страны
Польешься речью медовою?

Иль просто ты представишь мне
Житье людей большого света,
Чиновника, любви в огне,
Или мундир и эполеты?

Иль будешь книги новые ругать?
Или иметь к ним снисхожденье?
Мораль ли дашь ты мне читать?
Роман ли — нравов развращенье?

Найду ль полезное в тебе
Иль просто болтовню пустую? . .
Авось! . . Начну читать! Угодно, знать, судьбе!
А что-то недобро я сердцем чую! . .

23 сентября 1850

255. ПРИМЕР ГАЛИМАТЬИ

Растут два камня перед тучей,
Покрыты молнией летучей;
Они, как дерево, блистают,
Чрез реки жесткие летают,
Являя всюду темноту
И опускаясь в высоту.
Здесь смысла здравого искали,
Но вдруг, разбитые, упали. .
О, если б вы им помогли —
И каплю смысла здесь нашли!

25 сентября 1850

256

Не говорите, что певец
Богат небесными дарами,
Что он сбирает дань с сердец
Своими звучными стихами.

Поэту деньги не нужны,
Но важны денежки для света,
Поэты ж в свете жить должны;
Так нужны деньги и поэту.

Итак, ты презирать не смей
Того, кто просит в награжденье
Лишь только несколько рублей
За все свои стихотворенья!

29 сентября 1850

257. БЕСК—МУ

Не говори, что для певца
За труд свой плату брать не должно,
Что часть его — пленять сердца,
А не корыстью жить ничтожной.

Не говори: певец богат
Богов священными дарами!

Ужель не знаешь ты, мой брат,
Что сыту быть нельзя стихами?

Ужель, по-твоему, певец
Живет одним воображеньем?
Ужель всегда стихов творец
Одет и сыт своим твореньем?

Ужель доселе ты не знал,
Что нужны средства для поэта,
Его талант чтоб возмужал
И лучше видим был для света?

Ужель не знал ты и того,
Что гений выше всё стремится,
Что нет предела для него,
Нет места, где б остановиться?

Скажи ж, что сделает поэт,
Коль бедность горькая случится,
При самом первом шаге в свет
Не даст уму его развиться?

Без средств и гений не творит,
Без средств погибнет он для света.
И часто бедностью убит
Бывает весь талант поэта.

29 сентября 1850

258

Есть такое время в жизни человека,
Когда всё немило, всё так страшно скучно,
Когда не желаешь ни за что приняться,
А за что возьмешься — всё из рук валится.

В сердце как-то смутно слышится желанье
Чего-то иного, что понятно сердцу,
Но что невозможно выразуметь ясно,
Высказать языком, выразить словами.

И душа болеет, мучится и рвется,
Темное желанье уяснить стремится,
И за всё берется, но успокоенья
Ни в чем не находит, что ни начинает.

От тоски душевной слабеет и тело,
Голова кружится, сердце изнывает. . .
Поневоле в это время пожалеешь,
Что на свет родился для тоски и горя. . .

И еще тяжелей на сердце ложится,
Как громадный камень, грусть-тоска лютая. . .
И все блага мира немилы, противны. . .
И, как из темницы, дух куда-то рвется. . .

30 сентября 1850

259. ДУМА

У пышной гробницы
В раздумьи стоял я
И думал о людях,
О жизни, о смерти. . .

Не все ли окончим
Мы путь земной жизни?
Не все ли мы равны,
Лежа на кладбище? . .

Зачем же так гордо
Меня смерил взглядом
Один провожавший
Роскошный гроб этот?

Зачем же и я сам
Взглянул так надменно
На старца, который
Мне не дал дороги?

Зачем тот, кто ныне
Лежит в этом гробе,
Недавно так гордо
Со мной не прощался?

Зачем нашу ссору
Унес он на тот свет?
Ужель и за гробом
Меня не простит он?

Его ж я прощаю
От чистого сердца...
С горячей слезою
Молюсь о нем богу.

1 октября 1850

260. ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Иссохшими, желтыми листьями
В саду все дорожки покрыты...
Шумят они грустно и жалобно,
Когда их ногой попираешь...

И с шумом печальным летят они,
Куда ветр осенний их гонит...
А ветр завывает так яростно,
Так злобно свистит на раздольи!..

И голые сучья древесные
Тоскливо так смотрят на листья,
Кружатся которые около,
Жалея о древе родимом...

И грустно становится ná сердце
При взгляде на эту картину...
С гармонией бури сливается
Тоска раздраженного сердца.

3 октября 1850

261. НАДЕЖДЫ

Еще я на заре моей жизни...
Еще много надежд у меня.
Я могу быть полезным отчизне,
У меня в душе много огня.

Только дал бы здоровья мне бог,
Только б зренье осталось при мне,
Я бы пользу доставить всем мог,
Благодарными все были б мне.

Я предчувствую — я не могу,
Как и все, свою жизнь провести,
Я быть выше и лучше могу,
Я могу вперед многих идти.

Неужли бог меня одарил
И умом и моим прилежаньем
Для того лишь, в толпе чтоб я жил
Своего превосходства с сознаньем.

Нет, я буду полезен и нужен отчизне. . .
Нет, не сгиб я, и люди прославят меня! . .
Еще я на заре моей жизни,
Еще много надежд у меня! . .

6 октября 1850

262

Все лучшие мысли приходят мне в голову
В таинственной, чудной ночной тишине.
В то время слетаются в сердце мечтания,
Тогда вдохновенье нисходит ко мне.

Широко и смело летает фантазия,
И ум мой так светел, и ясен, и тих,
И в сердце мелькают любимые образы,
И прошлую жизнь мою вижу я в них.

В то время уж нет для меня настоящего,
Одним лишь прошедшим живу я тогда,
Или же порою мечтаю о будущем,
Действительность позабывая всегда.

И вижу я милые сердцу видения
Средь чудной таинственной ночи тиши. . .
В то время нисходит ко мне вдохновение
И в звучных стихах льются чувства души.

7 октября 1850

263. СОМНЕНИЕ

В душе моей борются чудно
Презренье и дружба к нему.
Из них избирать сердцу трудно,
И нету покоя ему.

То сердцу представится ясно
Поступок бесчестный его...
И сердишься, злишься ужасно
На злого врага своего.

То вдруг на прошедшее взглянешь,
И сердцу представится друг...
И всё извинять ему станешь,
И с ним примиряешься вдруг...

То снова врага в нем увидишь,
То другом его признаешь...
И выхода снова не видишь,
Прямого пути не найдешь...

И сердцу решение трудно,
И нету покоя ему...
В душе моей борются чудно
Презренье и дружба к нему.

9 октября 1850

264

Люблю я в часы полуночи
Скитаться по улицам темным...
И нравится мне то молчанье,
Которое царствует всюду
В таинственный час полуночи,
И как мне бывает приятно,
Что я ни души не встречаю,
Что тихо везде, как в могиле,
Что света нигде я не вижу —
Лишь месяц на небе сияет.

Но больше еще мне приятно,
Что люди все сну предалися,
Бессилье свое сознавая,
Лишь я один бодро противлюсь
И с мужеством сон отгоняю.
И с радостью в полночь хожу я,
Как злого врага победитель,
Как высший, чем прочие люди...
И весело так мне, когда я
Ночей нарушаю молчанье...
И улицей гордо иду я,
Шагов своих эху внимая.

15 октября 1850

265

Нагие когда дерева
Печально и грустно стояли,
Когда пожелтела трава
И листья по ветру летали,

Когда отцвели все цветы,
Природа всё чахла, томилась,
Теряя свои красоты,
А буря всё выла и злилась, —

В то время на сердце тоска,
Как камень тяжелый, ложилась,
И радость была далека,
И сердце к чему-то стремилось.

Тогда лета было мне жаль,
Как будто чего-то родного;
В душе водворилась печаль...
И лета хотелося снова...

И долго так было со мной:
Надежда крепила желанье...

С тоскливой надеждой дух мой
Ждал лета второго восстанья.

Но скоро мороз оковал
Ледяною цепью все воды...
На землю снег зимний напал,
Лице убелилось природы.

Деревья все иней покрыл
Одеждою белой, пушистой...
Она при сияньи светил
Блестит в переливах волнистых.

И желтые листья с травой
Под снегом давно схоронёны,
Над ними метелицей злой
Из снегу холмы нанесёны...

И сердцу не так уже жаль
Давно промелькнувшего лета...
Из сердца уходит печаль,
И грусть, и тоска злая эта...

Пока нам надежда была,
То сердце надеялось, ждало...
Когда же зима уж пришла,
Тогда ожидать перестало...

И лета теперь уж не ждешь,
В зиме уж приятность находишь...
И бодро по снегу идешь,
С весельем по холоду бродишь...

Со мной так бывает всегда:
Когда есть надежда, я рвуся...
Но нету надежды когда,
Безмолвно судьбе предаюся.

18 октября 1850

266. ВЕТРЫ БУЙНЫЕ, ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ

(Подражание народным песням)

Что не ветры, ветры буйные
Разгулялись, расходилися;
Что не буря, непогодушка
Разыгралась, распотешилась...

Расходился добрый молодец,
Прогневившись на жену свою,
Что жена — раба ничтожная —
Невзлюбила добра молодца,
А взлюбила друга милого...
Рвет и мечет всё во гневе он,
Говорит ей гневным голосом:
«Ты зачем, жена — раба моя,
Невзлюбила добра молодца,
Полюбила друга милого,
Моего злодея кровного? ..»

Не тростинка гнется в три дуги,
Наклоняется к сырой земле,
Во все стороны шатается,
О пощаде ветру молится...
То жена — раба ничтожная —
Умоляет добра молодца
О пощаде, о прощении,
Наклоняет свою голову,
Ему в ноги, в землю кланяясь...

Буйный ветр щадит тростиночку,
Усмирен ее покорностью...
Не таков наш добрый молодец:
Не внимает он молениям...

Три денька прошло: тростиночка
Всё росла, росла по-прежнему.
На кладбище ж через три денька
Еще новый труп прибавился...

20 октября 1850

267. ВЫСОКОПАРНОМУ УЧЕНОМУ

Ты хочешь ум свой показать
В высокопарном разговоре,
Но можно ль что-нибудь понять
В мудреном слов твоих наборе?..

И как же смертные узна́ют —
Ты всех умней иль всех глупей,
Коль ничего не понимают
Из темных всех твоих речей?..

22 октября 1850

268. ОТВЕТ

К чему мне твои сожаленья?
К чему мне советы твои?
В участьи к чему уверенья
И клятвы в сердечной любви?

Не словом холодным участье
Ты выразить мог бы ко мне...
Совет не поправит несчастья,
Не может дать счастия мне!..

Словам же твоим изменяют
Все взгляды и жесты твои...
Невольно они выражают
Всю тайную радость души...

К чему же со мной притворяться?
Ужель я не знаю тебя?
К чему обо мне сокрушаться,
Меня от души не любя?

Уж лучше б ты прямо смеялся
В несчастьи моем надо мной,
А не вероломно ругался
Над тяжкой моею бедой!..

Простое твое вероломство
Тебе б я охотно простил...
Но низкое это притворство
Уж выше терпенья и сил.

Теперь я тебе объявляю,
Что я презираю тебя...
Участье твое отвергаю,
Тебя всей душой не любя.

22 октября 1850

269. МИГ СЧАСТИЯ

Я в жизни тогда лишь счастливым бываю,
Когда на свободе поплакать могу...
И только то время счастливым считаю,
Когда по щекам моим слезы бегут...
Тогда облегчаю я душу свою,
Когда свое горе в слезах изолью...
И на сердце станет так чисто, легко,
Тоска улетит далеко, далеко.

22 октября 1850

270. ДОРОГАЯ ВОЛЮШКА

Вырвалась птичка из клеточки,
Быстро летит по поднебесью,
Счастьем своим наслаждается,
Божиим миром любуется,
Пробует слабые крылышки,
С гордостью в воздухе плавает...
То в вышине закружится вдруг,
На землю ринется, падает...
То чуть не к солнцу поднимется,
То полетит прямо, прямо всё...
Но уж беда угрожает ей...
Вьется над нею уж коршун злой:
Жизнь милой птички в опасности...
Вот и она, знать, заметила:
Вдруг заметалась тоскливо так,

Вдруг так полет свой усилила...
Вот уж открыто и он за ней
Начал летать и преследовать...
Вот уж она истощается,
Коршун почти уж нагнал ее...
Вот ее прежняя клеточка:
В ней еще можно спастися ей...
Но прочь летит неразумная,
Чтоб не попасться в неволю вновь,
И тут же жизни лишилася —
Коршуну в когти попалася...
Не вырываться бы пташечке
Из безопасной бы клеточки...
Не вылетать бы на волюшку,
Ей бы не жертвовать жизнию...

29 октября 1850

271. ЭПИТАФИЯ ДОКТОРУ

Он всех вылечивал, кто за визит платил.
Себя ж по той причине уморил,
Что за визит себе платить он позабыл.

29 октября 1850

272. ПРОСЬБА

Прошу — оставь его в незнании блаженном
О том, что он и жалок и смешон...
Пусть для него, как смерть, то будет несомненным,
Что он всезнающ и умен.

Пусть проведет всю жизнь свою в незнаньи
О том, что он за человек...
Пусть в этом счастливом очарованьи
Останется на весь свой век.

Поверь мне — верно положенье:
Счастлив не знающий о глупости своей!
Оставь же ты его в приятном обольщеньи.
Прошу — не помрачай его счастливых дней!..

2 ноября 1850

273. ИМПРОВИЗАЦИЯ

О, как бы желал я такую способность иметь,
Чтоб всю эту библиотеку мог в день прочитать.
О, как бы желал я огромную память иметь,
Чтобы всё, что прочту я, всю жизнь не забыть.
О, как бы желал я такое богатство иметь,
Чтоб все эти книги себе мог купить.
О, как бы желал я иметь такой разум большой,
Чтобы всё, что написано в них, мог другим передать.
О, как бы желал я, чтоб сам был настолько умен,
Чтоб столько же я сочинений мог сам написать...

2 ноября 1850

274. ПРЕДЧУВСТВИЕ

Ноет, ноет сердце,
Ноет ретивое,
В будущность глядится,
Чует что-то злое.

Чует, слышит сердце
Какое-то горе,
Чует, слышит бурю
На житейском море...

Будущность таится
В мрачном отдаленьи...
Чует ее сердце
В темном разуменьи...

Из души невольно
Вырвется молитва,
И невольно скажешь:
Господи, помилуй!..

3 ноября 1850

275

Не печалься, мой друг, что тебе недосуг
Повидаться со мной.
Будет время и нам... И по целым мы дням
Будем вместе с тобой...

Начало ноября 1850 (?)

276. МИГ ДОСАДЫ

О поэт мой, поэт!
Знаешь ты или нет,
Как коварен весь свет!
Каково не жалеть
Вдохновенных речей
Для прелестных очей,
Для великих мужей,
Для любезной своей,
Иль добро воспевать,
Восхвалять, прославлять,
Иль порок порицать,
И разить, и карать?
Сколько счастливых дней
В краткой жизни своей
Тратил ты для людей —
Беспокойных детей!
Тебе ж дали они
Лишь проклятья одни...
Так и ты их кляни
За те прошлые дни,
Что сгубили они..
Прокляни!.. Прокляни?!.

15 ноября 1850

277. ПОЭТУ, ПРОКЛИНАЮЩЕМУ СВЕТ

Недалеко уедешь ты с проклятьем,
Немного им возьмешь ты у людей:
Проклятия твои тебе не будут счастьем,
Но только сделают тебя еще смешней.

15 ноября 1850

278. ВОСПОМИНАНИЕ

Чем-то высшим себя он считал,
И всегда он меня презирал...
И теперь не пойму я — за что,
Но, бывало, никто и ничто
Не сведет его вместе со мной.
И надменный, холодный, сухой,
Даже грубый, невежливый тон
Был ответ на учтивый поклон,
На сердечный, радушный привет.
Он с презреньем глядел на весь свет,
Он смеялся над всем, что в нем есть,
Он не мог ничего перенесть,
И когда кто его оскорблял,
То уж верного мщения ждал...

И далеко теперь он от нас,
Но его вспоминал я не раз.
Занимает он мысли мои,
Хоть во мне к нему нету любви.
И я часто стараюсь решить,
Что в самом себе должен он быть?
Но не мог я решенья сыскать,
Но не мог я наверно узнать,
Что за мысли в себе он питал,
Почему он меня презирал,
Почему так надменен он был,
Почему никого не любил?
Ничего я не мог отыскать!..
А желательно было бы знать,
Почему так себя он держал,
Почему он меня презирал?

16 ноября 1850

279. ПРИЗНАНИЕ

Желанье петь, порывы вдохновенья
Периодически находят на меня.
Иной раз так и льются песнопенья
От жара сильного сердечного огня...

А иногда сидишь весь вечер за стихами,
Напрасно мучишься умом,
Упорно борешься, как с лютыми врагами,
С цезурой, рифмою, стопою и стихом.

Напрасно силы напрягаешь:
Упрямы лютые враги!..
Напрасно в горести взываешь:
О Аполлон! О муза! Помоги!

16 ноября 1850

280

Он весь вечер на что-то сердился,
На меня исподлобья косился;
Был угрюм и задумчив весь вечер,
Говорил всё несвязные речи...

А природа цвела и блистала —
А луна так приветно сияла...
И в лесу соловьи распевали...
И кузнечики в травке стучали...

Ветерок повевал так прохладно...
В сердце было легко и отрадно...
Только он всё сердился весь вечер,
Говорил всё несвязные речи...

Декабрь 1850

281. ОСЕННЯЯ НОЧЬ

Один я сидел у окна,
А ночь была страх холодна!..
А месяц на небе сиял,
А я всё сидел да мечтал...
Мечтал о предметах высоких,
Об истинах думал глубоких,
Высоко умом поднимался,
Далеко фантазией мчался ..
А ветер осенний буянил,

Петух на насесте горланил,
Деревья шумели уныло,
Собака так жалобно выла,
Лакей мой так мерно храпел,
На улице кто-то *так* пел...
Мой кот про себя так мурлыкал,
Уныло так маятник тикал...
И в комнате было так душно,
В природе так мрачно и скучно...
Но я ни на что не смотрел;
Но я всё с мечтами сидел,
Мечтал о предметах высоких,
Об истинах думал глубоких...
А ветер так нагло буянил,
Петух так досадно горланил...
А храп раздавался так мерно,
На улице пели так скверно...

Декабрь 1850

282. МЫСЛИ ПОЭТА

Много звезд на небе
Светит по ночам.
Много водных капель
В море без границ.
Много есть песчинок
На брегу морском.
Много у поэта
Мыслей в голове.
И как звезды в небе,
Так они блестят.
И как волны в море,
Так они текут...
И как ветр песчинку,
Люди гонят их.

28 января 1851

283. БАЛЛАДА

Молния пышет на небе,
Гром потрясает всю землю,
Все с набожным страхом крестятся.

Но злодей не боится грозы —
В этот час он творит преступленье.

Вдруг гром... и злодей задрожал,
И выпал из рук наточенный нож,
И без чувств повергся на землю убийца.

И прочистилось небо, и солнце взошло...
Чирикают птички... В природе веселье везде.

Но убийце ночному радости нет...
Всё слышится грохот грома ему...
Всё видится грозный молнии блеск...

И в отчаяньи страшном сошел он с ума
И от думы ослеп и оглох...

И сидит в сумасшедшем он доме теперь...
Он спокоен... Но только во время грозы
Всегда начинается бешенство с ним...

28 января 1851

284. ПРОЩАНЬЕ

Прощенье, брат мой, — дай мне руку
На долголетнюю разлуку!
Пусть прекратится навсегда
Закоренелая вражда,
Какую ты питал ко мне,
Какую я питал к тебе!
Теперь с тобою разлучаясь,
От всей души с тобой прощаюсь.
Теперь нам нечего делить:
Мы не увидим, может быть,
Друг друга больше в этом мире;

Так разойдемся же хоть в мире,
Коль не дал бог нам жить в любви,
Коли вражда у нас в крови
Всегда друг нá друга пылала,
Нас друг на друга восставляла...
Прости же мне теперь мученья,
Какие я тебе принес;
И я прощаю огорченья,
Мне горьких стоившие слез.
Прости же, враг! Прости же, друг!
Теперь пожатье наших рук
Пусть примиренье довершит,
Пусть в нас вражду искоренит.

11 февраля 1851

285. Н. Л.

Нижегородское слово, французское слово,
Слово латинское, слово славянское, слово немецкое —
Просто смешенье языков в речи у него!..
Немцам, французам, римлянам, русским — равно
Всем должен быть разговор его пестрый понятен,
А между тем ни один хорошенько его не поймет!..

6 марта 1851

286. Н. Л.

Лишь успел он своей головою тряхнуть,
Как увидел я всю его гордость и спесь,
Как я понял, что он не сойдется со мной:
Надо льстить и во всем угождать этим людям,
Извиваться пред ними на всякий манер;
А в себе еще я этих свойств не открыл,
И дай бог, чтобы их никогда не открыть!

6 марта 1851

287. ПЕРЕД СВ. ПРИЧАСТЬЕМ

Не стыд в грехах своих признанья
Перед своим духовником;
Не тяжесть горького сознанья
Пред строгим совести судом;

Не страх земного наказанья,
Не страх небесного суда;
Не недостоинства сознанье
Мне сердце тяготит всегда,

Когда к святому причащенью
Приготовляться я начну
И с сердцем, полным умиленья,
К пречистым тайнам подхожу.

Языком смертного то чувство
Не может выражено быть;
И тут ни гений, ни искусство
Ничем не могут пособить.

А между тем с благоговеньем,
С печально-радостной душой,
С надеждой, верой и смиреньем
Взираю на сосуд святой.

С священным страхом приступаю,
С благоговеньем и мольбой,
И обновляюсь, оживаю
Своей восторженной душой.

5 апреля 1851

288. НА ПРИМИРЕНЬЕ ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Ясное небо... Крепкая дружба.
Черные тучи... Мрачные мысли.
Молния с громом... Бранное слово.
Дождик проливный... Слезы ручьем.
Свежесть природы после дождя...

Мир со врагами после тех слез...

. . . .

После беды лишь знаем мы счастье,
Лишь после бури вёдро приятно,
Лишь после ссоры ценим мы мир...

21 мая 1851

289. БУДУЩЕЕ

Безотрадно, мрачно в будущность гляжу,
Утешенья в ней ни в чем не нахожу.
Лишь препоны и препятствия одни,
Лишь тяжелые, мучительные дни
Ждут меня толпою мрачной впереди...
И спирается дыхание в груди,
И на сердце грусть тяжелая падет,
И слеза из глаз потухших потечет.
На душе вдруг станет больно, больно...
Сердце бедное сжимается невольно...

. . . .
. . . .

Но на битву я готов с судьбой!..
С ней я выдержу смертельный бой!
Я в броню терпенья облекусь,
Истины мечом вооружусь
И с сознаньем правды и добра
Буду жить и завтра, как вчера.
Прежним мыслям я не изменю,
Не поддамся ни железу, ни огню!
Выдержу без страха испытанье,
Вытерплю все муки и страданья...

. . . .
. . . .

Пусть паду в борьбе своей неравной
Смертью храбрых — счастливой и славной!
Но великий дух свой покажу,
Защищаясь, душу положу,
Не желаю ничего себе,
Но без бою не отдам судьбе!..

26 мая 1851

290. ВЕЧЕР 26 МАЯ 1851 г.

В небе ни тучки, ни звездочки...
Лишь месяц на землю глядит...
А здесь — на земле — так спокойно всё,
Так ясно и тихо везде...

На дереве лист не шелохнется...
И пыль по земле не летит...
И воздух в таком равновесии...
Река так спокойно бежит.

С природой как будто в согласии
И наш православный народ.
Никто не нарушит молчания —
Ни криком, ни словом одним.

Никто не проходит по улице,
Никто не проедет по ней,
Как будто природы молчание
Нарушить не смеет никто.

Не видно на небе ни звездочки,
Не видно нигде огонька.
Лишь светит светило небесное,
Небесный святой огонек.

И сладостно сердцу разбитому
Молчанье земли и небес.
И чудное в душу спокойствие
В те чудные льется часы.

26 мая 1851

291. МЕЖДУ ТОВАРИЩАМИ

Опять и опять я сердит,
Опять ни на что не смотрю,
И холоден вновь, как гранит,
И страшною злобой горю.

И злобу в душе затая,
С тяжелой улыбкой презренья,

Слова чуть кидаю им я,
С презреньем прошу извиненья.

С презреньем их благодарю,
Гордо́ на вопрос отвечаю,
Со всеми гордо́ говорю
И их ни во что поставляю.

И счастлив и злобно я рад,
Смотря, как они на меня
С досадой и злостью глядят,
Меня беспощадно браня.

Но больше и злобней я рад,
Коль случай найду посмеяться
И видеть, как жалко глядят
И сколько меня все боятся.

30 мая 1851

292. 20 ИЮНЯ 1851 г.

Ужасный жар!.. Совсем нет мочи;
Нет сил заняться чем-нибудь!..
Как рая, ждешь прохладной ночи,
Чтобы от зноя отдохнуть.

И с телом дух ослабевает...
И в сердце чувство замерло;
Ум ничего не понимает,
Душа не хочет ничего.

И мысль и чувство цепенеет...
И нападет такая лень...
Самосознание слабеет —
И ходишь сам не свой весь день...

От зноя мучишься жестоко,
Нигде прохлады не найдешь —
И вспомнишь кейф сынов Востока,
Его поэзию поймешь.

20 июня 1851

293. МОЛИТВА ЗА СЕБЯ

О, дай, молю, о, дай мне, провиденье,
До поздней старости дожить,
И всех надежд моих увидеть исполненье,
И все труды мои свершить!

Молю, дай пережить мне увлеченья
Годов кипучих молодых!
О, дай увидеть мне конечное решенье
Сомнений тягостных моих!

Я не хочу считать существованье
Числом пирушек и *побед*;
Хочу я приобресть познанья
И воле дать неложный свет.

Хочу по смерть мою работать и трудиться,
Пока могу полезным быть,
И лишь когда мой дух всех сил своих лишится,
Желаю в мире я почить...

21 августа 1851

294. УТОНЧЕННЫЙ ВКУС

Что вкус твой утончен,
Ты говоришь неложно...
И даже слишком тонок он,
Так, что его приметить невозможно...

21 августа 1851

295. ПРОБУЖДЕНИЕ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ум мой заснул... Не поет моя томная муза...
Не пробудила ее ни весна своим свежим весельем,
Ни пышное лето полной красою своей.
То ли она в наслажденьях и счастьи забылась,
То ли от жгучих лучей палящего солнца ослабла,
То ли избыток горячего, сильного чувства ей не дал
Выразить словом то чувство, вылить его на бумагу.

Как бы то ни было, летом почти ничего не писал я,
Вовсе оставил почти и перо я и лиру на лето.
Разве холодная, бурная осень заставит меня
Снова приняться за труд, и в осенние длинные ночи
Снова меня посетит вдохновенье поэта, и снова
Буду я мерные строчки писать, замыкая их рифмой.
Разве тогда, а теперь не могу — извините:
Рифмы, и мера, и склад из-под пера убегают, —
И в летние, жаркие дни бегать за ними невмочь.

4 сентября 1851

296. ОДИН ИЗ МОИХ ЗНАКОМЫХ

В своем лице он представляет
Прямой образчик бурсака.
Напропалую он гуляет,
Облуть готов он простака.

Везде он смел, везде развязен,
Везде по-своему умен;
Он ни хорош, ни безобразен,
И сыт и пьян по горло он.

Во всяком обществе найдется
Он — сделать что́ и что́ сказать.
И невпопад хоть всё придется,
На всё он скажет: «Наплевать!»

Острота с языка сорвется —
Он повторит ее раз сто
И сам же первый ей смеется,
Хоть не смеется ей никто.

Всегда хвастлив, самонадеян,
Всегда в себе уверен он.
Сто раз пусть будет он осмеян,
Сто первый — вновь он убежден

В своем успехе непременном;
И вновь он тешится, острит,

И об уме своем отменном
Он с убежденьем говорит.

В своих талантах он сомненья
Никак не может допустить
И ими просто удивленье
Во всех мечтает возбудить.

Его за нужду принимают, —
Он убежден, что всех пленил;
Его чуть-чуть лишь понимают, —
Он думает, что убедил.

Что он приятен и любезен,
Что все слова его — закон,
Что он для всякого полезен —
Он в этом твердо убежден.

Один с презреньем отвернется,
Другой так странно поглядит,
Иной так кисло улыбнется, —
Он ни на что не обратит

Свое великое вниманье,
И принят так он иль не так —
Во всем собой очарованье,
Во всем он видит добрый знак.

Не зная света, обращенья,
Себя он ставит образцом
С людьми в приятном обхожденьи,
В уменьи нравиться во всем.

Свои педантские сужденья
Он всем желает навязать,
И, без познаний, без уменья,
Он хочет всё критиковать.

Он нагл и груб, и пред другими,
Без опасений и стыда,
Такими свойствами своими
Готов хвалиться он всегда.

Вот он каков всегда бывает,
Во всем, при всех, для всех таков...
В своем лице он представляет
Прямой образчик бурсаков.

12 сентября 1851

297

Нет, никогда мой ум холодный
Не будет чувством побежден,
И темперамент мой природный
Ничем не будет изменен.

Флегматик — я не в состояньи
Предаться пламенным мечтам,
В них потерять самосознанье,
Подобно многим головам.

Умом хочу руководиться,
Хочу покорным быть ему,
И не хочу я покориться
Влеченью сердца одному.

Итак, да здравствует рассудок,
Пусть мною вечно правит он!..
Мечтанья сердца — предрассудок;
Мечтатель жалок и смешон.

19 сентября 1851

298. ЧЕЛОВЕЧНОЕ ЧУВСТВО

Что это за чудо вдруг сделалось ныне со мною?
С чего я вдруг стал так приветлив, радушен и весел?
С чего стал таким добряком, шалуном и мальчишкой?
Что это за пошлую роль я разыгрывать начал?

Еще ли я не был доволен и счастлив в то время,
Когда моих слов, как меча, как огня, все боялись,
Когда я острил, и шутил, и смеялся над всеми,
Пощады ни в чем никому никогда не давая?

Еще ль мне не весело было то чудное время,
Когда мизантропом пред всеми себя выставлял я,
Таким величаво-презрительным взглядом смотрел я
На всё, что меня окружало, на лица на все и на вещи?

Ужель невозможно всегда эту жизнь проводить мне,
Жизнь гордую, полную действий, забот и волнений?
Ужели нельзя жить с людьми, чтобы с ними не сжиться,
Не сделаться так, как они, простодушным и слабым?

Ужели нельзя быть всегда эгоистом холодным?
Ужели в себе самом только нельзя заключиться?
Ужели нельзя жить, отвергнув людское участье
И мнение света и чувства других презирая?..

Не много нуждаюсь я в людях!.. Крепки мои силы!..
Но что-то — и сам я не знаю, что это такое, —
Влечет меня к ним, заставляет любить их, как братьев,
И мне говорит, что я их не могу ненавидеть.

23 сентября 1851

299. БЕСКОРЫСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

О бескорыстии он книгу написал;
Что деньги суть ничто — в ней ясно доказал,
И... по пяти рублей ту книгу продавал!..

24 сентября 1851

300. ПЕСНЯ

Скучно мне, грустно мне,
Молодой, одинокой...
Мой покой взял с собой
Молодец черноокий...

Всё к нему одному
Мои мысли стремятся;
Только им, дорогим,
Я могу лишь пленяться.

Лишь об нем об одном
Я грущу и мечтаю.
Где-то он, где-то он —
Всюду я повторяю.

Птичкой быть, в небе жить
Я теперь бы хотела...
К тебе вдруг, милый друг,
Я б тогда прилетела.

Тебя нет — немил свет.
Всё уж в нем мне немило...
Без тебя лишь тебя,
Как всегда, я любила...

Предо мной, как живой,
Милый мой, черноокий...
И по нем, дорогом,
Грустно мне, одинокой.

24 сентября 1851

801. ПРЕЖНЕЕ

Она на меня поглядела,
А я на нее поглядел...
Сказать она что-то хотела,
Но я говорить с ней не смел...

Давно, уж не помню, когда-то,
Я чем-то ее оскорбил,
Она мне простила, как брату,
Но я сам себе не простил...

С тех пор перед ней я робею,
При ней становлюся глупей...
С тех пор говорить с ней не смею,
Мне часто неловко при ней...

28 сентября 1851

302

Гори, солнышко,
Ярче на небе!
Ты свети, сияй
Лучезарнее! ..

Твой приветный луч
Пусть обрадует
Меня, бедного,
Горемычного! ..

Теплота твоя
Благодатная
Пусть и в сердце мне
Теплоту вольет...

И в душе моей
Прояснится пусть,
Как лучи твои
Проясняют всё...

О, гори, сияй,
Солнце красное!
Освещай и грей
Поднебесную!

29 сентября 1851

303. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Не крушись, не плачь,
Добрый молодец,
Что житье твое
Так несчастливо...

Поборись с судьбой,
Потягайся с ней,
Покажи, что ты
Не совсем пропал...

Может быть, в борьбе
Против злой судьбы

Ты останешься
Победителем.

И с победою,
Может, счастие
Передóм к тебе
Оборотится.

Поднимись-ко ты,
Попытайся-ко,
С судьбой-мачехой
Посчитайся-ко!

Ты спроси у ней,
Поразведай-ко,
Что с тобой она
Понаделала?..

Хуже ль ты других,
Бестолковей ли?
И за что же век
Горе мыкаешь?..

Да собравшися
С духом, силою,
Ты поди-ко ей
Супротив во всем!..

Да по-своему
С ней разведайся;
Одолей ее,
Дай ей знать себя!

29 сентября 1851

804. БЛАГОРАЗУМИЕ

Ты не плачь, не горюй
Об несчастьи своем,
Не тоскуй, не крушись
В горькой доле своей.
Не ропщи на судьбу,
Что не любит тебя,

Терпеливо сноси
Все удары ее! ..
Не тягайся ты с ней,
Не ходи с ней на бой.
Перед ней ты ничто —
И в неравной борьбе
Ты бесславно падешь,
Опозоришь себя...
Но и сил не теряй
От ударов ее,
Перед нею клонись,
Но не падай совсем,
Ей напротив нейди,
Но сам крепко держись,
Уступай ей во всем,
Но себя защищай...
И тогда, может, ты
Пересилишь судьбу,
И несчастья твои
Прекратятся тогда.

29 октября 1851

305

Не смотри ты в даль туманную,
Не загадывай о будущем!
Будь доволен настоящим днем,
А об «завтра» думать нечего! ..
Не ищи ты счастья прочного,
Его нет, да и не может быть.
Знай живи себе, как хочется,
Делай, что попалось под руку.
День твой — век твой, — верь пословице;
Нынче жив, а завтра нет тебя...
Так живи, как птица вольная,
Иль как вольный добрый мóлодец...
. . . .
Разгулялся добрый молодец,
Забубенная головушка —
Так никто не смей указывать,
Не подумай останавливать...

Шуй-бушуй, гуляй, да пир горой,
Буйну голову хоть с плеч долой...
Не жалеючи последнего,
Не подумав о дне завтрашнем,
Пей, пируй, гуляй, как хочется,
А уж завтра — там как сможется.
Нынче радость — завтра горести;
Нынче пир, а завтра по миру.
Нипочем всё добру молодцу!
Хорошо бы лишь теперь было,
А на завтра — что господь пошлет...
Что захочет он — и будет то,
А что будет — не минует нас.

30 октября 1851

806. Ф. А. Щ.

Пламенные очи,
Взор ваш огневой —
Будто звезды ночи
Светят предо мной.

Но во время ночи
Много звезд блестит;
А как ваши очи —
Нет еще таких.

Но не разгоняют
Звезды тьмы ночей;
А при вас бывает
На душе светлей.

Но светила ночи
Всем равно блестят,
Пламенные ж очи
Не на всех глядят.

Мне до звезд нет дела,
Но всё брошу я,
Лишь бы вы смотрели
Чаще на меня.

7 ноября 1851

307

Не понимай речей его безумных,
Не обращай вниманья на него,
Оставь его в мечтаньях полоумных,
Что скажет он — не слушай ничего.

Его слова мучительным сомненьем
Наполнят грудь, нарушат твой покой
И мрачные возбудят подозренья
В доверчивой душе твоей младой.

Тогда в тебе волнения начнутся,
В душе твоей сомненья закипят,
И мысли все тревожные проснутся
И жизнь твою надолго отравят...

Оставь его: пусть говорит что хочет,
Не обращай вниманья на него;
Пусть он грозит, пусть плачет, пусть хохочет,
Не понимай, не слушай ничего! ..

Спокойствия тогда ты не лишишься,
И счастья своего не отравишь,
В сомнениях душой не возмутишься,
Любовь и мир и счастье сохранишь.

14 ноября 1851

308. СОНЕТ

(И. М. Сл—ву)

Давно уж я ничем не восхищался,
Давно я удивляться перестал,
За призраком каким-то я гонялся...
И наконец нашел мой идеал.

Явились вы — душа пришла в волненье,
За вами я восторженно следил;
Ваш разговор и каждое движенье
Я проследил, заметил, заучил.

Черты лица так много обещают,
Так дышат мужеством, отвагой и умом,
Ваш голос мне так в душу проникает,
Вы так умны, так хороши во всем! ..

Нашел я то, о чем давно мечтал:
Нашел, нашел я в вас мой идеал.

1 декабря 1851

309. СИЛА МОРОЗА

Как свеж я и весел,
Как бодро иду!
Мороз как румянит
Меня на ходу!

Нет слабости в теле,
Нет лени в душе!
Но телом я крепок
И духом я бодр!

Мороз ободряет,
Крепит и живит,
И так освежает,
И так веселит.

Недаром так славен,
Так мужествен, тверд,
Так весел и крепок
Наш русский народ!

Средь льдов и снегов он
На севере взрос;
Его укрепляет
Наш русский мороз.

Чудесную силу
Он в душу вдохнет,
И дивную крепость
Он телу дает.

Я радуюсь часто
Холодной зиме,
И сердцем люблю я
Наш русский мороз! ..

24 декабря 1851

810. ДОБРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Каким-то нравственным недугом
Осуждены мы с ним страдать! ..
Зачем хитрим мы друг пред другом,
Стараясь ум свой показать?

Зачем кольнуть один другого
Мы с ним стараемся всегда?
Зачем не вымолвим мы слова
Без каламбура никогда? ..

Что за несчастное стремленье —
Словами без толку играть,
Чтобы досаду и сомненье
Чрез то друг в друге возбуждать?

Ужели искренность меж нами
Не водворится никогда?
Ужели дружными врагами
Должны остаться мы всегда?

Нет, ум — насмешливый, холодный —
Не может сердце покорить,
И в нас инстинкт наш благородный
Когда-нибудь заговорит.

И — я надеюсь — мы, как братья,
Сойдемся с ним когда-нибудь,
И наши братские объятья
Дадут нам дружно отдохнуть...

А впрочем, может, и враждою
Непримиримой кончим мы;
И будем, ссорясь меж собою,
Друг друга бегать как чумы.

Не захотим друг друга видеть
И меж собою говорить...
Друг друга будем ненавидеть
И всеми силами язвить.

Как знать, что будет между нами!..
Но жаль, что дружества в нас нет...
Когда бы были мы друзьями,
Тогда б не так нас принял свет...

28 декабря 1851

311. К СТАРОМУ ГОДУ

С тяжелым чувством я прощаюсь
С тобой, кончающийся год!
Невольно в думу погружаюсь,
Смотря с печалию вперед.

Хотя я счастьем совершенным
Не наслаждался прошлый год,
Но всё о будущем неверном
Раздумье грустное берет.

Кто знает, лучше ль проведу я
Тот год, который настает?
Не раз, быть может, вспомяну я
В год новый — прошлый, старый год.

Кто знает, что приготовляет
Судьба мне в этот новый год?
Что мне с собой он обещает?
Кто знает, что мне он несет?

И не люблю я пожеланий
О счастьи новом — в новый год...
Не новых ли еще страданий
Желает ветреный народ?

Иль говорит, что провиденье
Неверно блага раздает?

Иль выражает пресыщенье
Тем, что имел в прошедший год?

Нет, я себе не пожелаю
Другого счастья в новый год...
Пусть я, как прежде, доживаю;
Пусть так, как прежде, всё идет!

Итак, мне жалко расставаться
С тобой, кончающийся год...
Мне страшно в думу погружаться
И мысли устремлять вперед.

Я просто выражу желанье,
Чтоб в новый год я собрал плод
И мог увидеть возрастанье
Того, что сеял в прошлый год...

31 декабря 1851

312. НОВЫЙ ГОД 1852

С каким-то горестным сомненьем,
С какой-то грустною мечтой,
Со страхом и недоуменьем
Приход я ныне встретил твой!..

Невесело тебя я начал,
Угрюм и грустен всё был я.
Свой самый первый день означил
Ты днем тяжелым для меня.

Что, если целый год так станет
Меня собою веселить?
Сил человека недостанет,
Возможности не будет жить.

Однако это впечатленье —
Надеюсь — скоро пропадет,
Исчезнут все мои сомненья
И всё по-прежнему пойдет.

Я плохо верю предвещаньям:
Хоть грустно, но... несчастья нет...
И страх дружится с упованьем...
Дай бог, чтоб всё прошло без бед.

1 января 1852

313. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Скажи, что глуп я и смешон, —
Тебя я тотчас разругаю.
Скажи в глаза, что я умен, —
Тебя навек я презираю...

3 января 1852

314

Есть фантастическая прелесть
В святочных чудных вечерах!
Вот ярко звезды загорелись
На темно-синих небесах.

И зимней ночи обольщенье
Чарует нас еще сильней,
Еще сильней воображенье
У нас играет в тьме ночей.

Еще сильней очарованье
Святочных темных вечеров
При томном месяца мерцаньи,
Среди морозов и снегов!

Воображенье представляет
Видений дивных пестрый рой;
Легко и быстро их сменяет —
Одну толпу толпой другой.

4 января 1852

315. БЕСПОЛЕЗНЫЙ ТРУД

Какое тяжелое бремя
Хотел на себя я принять!
Убить драгоценное время
И много трудов потерять,

Пуститься премудрости в бездну,
Ночами работать в тиши
И, взявшись за труд бесполезный,
Истратить в нем силы души;

Оставивши все развлеченья,
Работать без пищи, без сна! . .
Какое ж потом награжденье
Могло быть за то для меня?

Что будущность мне представляла
На этом тернистом пути?
Трудов и занятий немало,
А пользу тут трудно найти.

А дни пролетают за днями,
Года неприметно идут.
Я гибну, корпя над делами,
И гибнет со мною мой труд. . .

Так лучше ж убить в наслажденьях
Кипучую юность мою,
Чем в трудных занятьях, в томленьях
Растратить всю силу свою!

20 января 1852

316

Как шатки мои убеждения!
Как мысли нетверды мои!
Как я изменяю решения
И все предприятья свои!

Напрасно фундаменты твердые
Я в жизни хотел положить,
Напрасно намеренья гордые
Я гордо хотел совершить.

Напрасно давал обещания,
Как надобно действовать мне;
Напрасно вдавался в мечтания
И думы о завтрашнем дне...

Играет во мне кровь кипучая,
Не даст утвердиться ни в чем.
Мечты мои носятся тучею
И паром исчезнут потом.

И чувства и мысли сменяются
Так быстро в душе молодой...
А всё между тем представляется,
Что чувствуешь так всей душой —

Что мысли и чувства сердечные
Останутся вечно, всегда...
Но месяц проходит — и вечное
Исчезло навек без следа.

И ум мой колеблют сомнения,
И сердце смущают мечты!
Неверны мои убеждения,
И полон я весь суеты.

26 января 1852

817. К СТАРОМУ ДРУГУ

Оставь, мой друг, свои сомненья.
Поверь, я искренен с тобой.
Мои правдивы уверенья:
Тебя люблю я всей душой.

То правда — было прежде время —
Тобою я пренебрегал,
Ты тяготил меня, как бремя,
Ты мне покою не давал.

Но это время миновало, —
Теперь тебя я разгадал.
Нам притворяться не пристало,
Я сам совсем другой уж стал...

К чему теперь мне притворяться?..
Тебя я прежде не ценил;
Но ныне вновь могу признаться —
Тебя я снова полюбил.

И, подружившись вновь с тобою,
Я не поссорюсь уж теперь.
Век будешь дружен ты со мною —
Моим предчувствиям поверь!..

29 января 1852

318. В ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Ну что ж такое? Мне шестнадцать лет
Недавно минуло... Что ж тут такого?
Шестнадцать лет, как вышел я на свет:
Так мне не нужно ль быть ребенком снова?
Расплакаться иль написать сонет,
Достойный смысла детского, простого?
Иль не прикажете ль задать вам праздник,
Чтоб вы сказали: «Этакой проказник!»

Вот юноша в шестнадцать лет прямой!
Но отзыв этот вовсе мне не лестен,
Я славы не хочу себе такой.
Бал для меня совсем не так прелестен...
Еще я не люблю их блеск пустой,
Еще восторг от них мне неизвестен.
Но, впрочем, я теперь уж не ребенок,
Пора уже мне выйти из пеленок.

Не полагайте, что в шестнадцать лет
Я слишком молод для больших занятий;
Что я еще и плохо знаю свет
И всех людей привык считать за братий,
Тогда как в них любви и правды нет,

Тогда как все достойны лишь проклятий...
И многое другое в том же роде —
Что вовсе нет хорошего в природе...

Напрасно вам мне это говорить:
Не хуже вас я сам всё это знаю;
Не хуже вас я сам умею жить,
Людей и свет без вас я понимаю...
И потому — я не хочу смешить
Других тем, что ребячески играю
И что не знаю меры восхищенью
По случаю дня моего рожденья!..

Нет, молодой и пылкий человек,
От предрассудков старины свободный,
Лишь начинающий свой трудный бег
С отвагою и смелостью природной, —
Не празднованьем я начну свой век,
Но делом иль хоть мыслью благородной,
Чтоб не отстать мне и нейти за веком,
Чтоб быть вполне и взрослым человеком!

31 января 1852

819. НЕПОНЯТОЕ ГОРЕ

Кто душе молодой
Крепость-силу подаст?
В час печали-тоски
Кто поддержит меня?

И родни, и друзей
Не сочтешь у меня.
Только грусти моей
Им поверить нельзя...

Над моею тоской
Засмеются они,
И их искренний смех
Отравит мои дни...

А ведь любят меня —
Нет сомнения в том;

Нежно ходят за мной,
Угождают во всем! ..

Но об чем я грущу —
Не умеют понять;
Чего сердцем ищу —
Не хотят того знать! ..

Кто ж поймет мою грусть,
Кто утешит меня?
Или с кем поделюсь
Я печалью моей? ..

24 февраля 1852

820. ДУХ И ПЛОТЬ

Дух наш бодр и могуч, плоть слаба, немощна,
Но она и в бессилии самом сильна.
Трудно духу могучему тело смирить,
Трудно сильному слабую плоть победить!
Вздумал сделать добро иль греха избежать,
Но при этом начнет тотчас плоть восставать
И на вид выставлять свою немощь начнет,
И невольно во грех бодрый дух вовлечет.
Вечно духу противится слабая плоть,
Хочет слабостью силу его побороть.
Неравна их борьба... Но как странен конец!
Часто плоть получает победы венец! ..
Нашим духом владеет несчастная страсть,
Обращает в ничто его силу и власть.
Эта страсть есть пристрастие к плоти своей:
Оно дух заставляет смиряться пред ней.
Странно! Чистый, прекрасный, небесный наш дух
Плотью грубой, земной обольщается вдруг.
Любит, нежит, питает, лелеет ее,
Для нее забывает всё счастье свое!
Счастлив, кто слабость плоти умеет крепить,
Силой духа бессилье ее победить!
Его плоть совершит на земле чудеса,
А по смерти душа воспарит в небеса! ..

29 марта 1852

821. ЖЕЛАНЬЕ СЧАСТЛИВЦА

Я всем на свете обладаю,
Мне больше нечего искать,
Об чем же я еще мечтаю?
Сам не могу никак понять...
Но может быть — я всё желаю
Узнать, чего б еще желать?..

8 июня 1852

822. МУДРОВАНИЕ ТЩЕТНОЕ

Немало сомнений
В душу мне запало!
Многих убеждений
Будто не бывало!
В чудеса вселенной,
В мировые тайны
Только взор надменный
Бросил я случайно;
Лишь хотел помыслить
О непостижимом,
Узнать и исчислить,
Что неизъяснимо;
Как мой дух пугливо
Как-то встрепенулся,
Разум горделивый
Дрогнул и шатнулся.
Вера колебалась,
Путался рассудок...
Всё — мне представлялось —
Глупый предрассудок.
Все наши познанья,
Нынешний порядок —
Жалкие мечтанья,
Сборище догадок.
И к какой-то новой
Мысли я стремился,
Новою основой
Я руководился.
Всё узнать желал я,

Ничему не веря,
Наобум искал я
Разуменья двери...
Но, смеживши очи,
Уши зажимая,
Будто в мрачной ночи,
Духом пролетая
Всюду по вселенной,
Гордою мечтою
В бездну увлеченный,
Всюду нес с собою
Лишь одни сомненья
И блуждал напрасно,
Чудеса творенья
Чтоб увидеть ясно.
На крылах свободы
Быстро я кружился,
Но к творцу природы
Я не устремился,
К таинствам священным
Я не возвышался
И в уме смятенном
Горько сокрушался...
Всё наше искусство —
Гордое, земное —
Ни уму, ни чувству
Не дает покоя...
Лучше ж возвратиться
К прежним убежденьям,
Лучше покориться
Тем святым внушеньям,
Какие, бывало,
Слушал я так жадно,
От каких ставало
Сердцу так отрадно,
Когда я душою
К богу возносился,
Мыслию простою
Верил и молился...

6 сентября 1852

323. НА СМЕРТЬ В. Т.

Он мне незнаком был... Мне его не жалко.
Холодно я слушал его отпеванье,
Весел и бесчувствен шел я на кладбище,
Говоря дорогой о вещах житейских,
Сердцем не растроган и душой не тронут...
Но какое чувство вдруг меня проникло,
Как внезапно мысли мои изменились,
Когда на кладбище слух мой поразило
Погребальных песней печальное пенье
И когда услышал я «Вечную память»,
Под открытым небом, средь крестов надгробных,
Вместе с тем последним молотка ударом,
От живых которым навек отделяют!..
Грустно сжалось сердце; горестные мысли
Одолели душу, отразились в взоре,
И из глаз невольно полилися слезы
О усопшем брате, друге незнакомом...
Я взглянул на небо: оно было чисто,
Будто принимая праведную душу,
Радуясь прибытью нового пришельца,
Между тем как тело предавалось в землю
При печальном пеньи песней погребальных,
С должным совершеньем обрядов священных.
И как-то печально в сердце отозвалось
Это возглашенье о памяти вечной;
И мне почему-то самому хотелось
Сделаться «покойным», быть зарытым в землю,
Чтоб и мне запели вечную же память,
Чтоб и мне душою преселиться в небо...

5 сентября 1852

324. УТЕШЕНИЕ В ПЕЧАЛИ

Не тужу я и не плачу,
Хоть болит душа моя,
Даром слез своих не трачу,
И грущу, не говоря

О своем тяжелом горе
Ни знакомым, ни родным,

Ни в движеньях, ни во взоре
Не высказываясь им...

Что им, что мое страданье,
Что тяжелая печаль?
Что мне, что их сострадапье,
Что их грустное: «Как жаль!»?

Что сердечное участье
Добрых, искренних друзей?
Вновь оно подаст ли счастье,
Даст ли мир душе моей?

Да и можно ль утешенья
От других в печали ждать?
Сердца грустное томленье
Им возможно ли понять?

Голод сытому понять ли
И счастливому печаль?
Утешения искать ли
В тех, кому вас только «жаль»?

Нет, оставьте, если раны
Не хотите растравить...
Речи их вам будут странны,
Будут мучить и язвить,

И не будет утешенья,
Лишь умножится тоска,
И подаст вам исцеленье
Только времени рука.

9 октября 1852

825

Посв. О. П.

Благороднейший предмет изучения
для человека есть сам человек.

Попе

Высоко это изреченье!..
Но и об нем у вас представилось сомненье!..
Вы начали себя когда-то изучать:
И что же вам пришлось узнать?..

«Что это изреченье ложно,
Что доказать его на деле невозможно...»
Не верить не могу: вы это испытали
В то время, как себя усердно изучали...

25 октября 1852

326. ЗИМНЯЯ ДОРОГА

На раздолье, на просторе
Путь мой стелется...
Мысль нестись за это море
Чуть осмелится...

В этом море не утонешь,
Не измочишься,
И лихую тройку гонишь
Так, как хочется!..

Гладко, ровно пролегает
Поле снежное.
Вольно, весело гуляет
Мысль мятежная!

Едешь, едешь — та ж равнина
Всё белеется:
И какая тут кручина
Не развеется?..

Видишь небо лишь и море
Это белое,
И гуляешь на просторе
Мыслью смелою!..

2 ноября 1852

327

Скажите мне, что это за волненье
Порой одолевает вдруг меня?
Небес ли то священное внушенье
Иль адского стремление огня?

Мой ум каким-то бешеным влеченьем
К чему-то неизвестному горит,
То верит он, то горестным сомненьем
Или неверием всем истинам грозит;

И в сердце страшные гнездятся подозренья,
И весь пылаешь злобой и враждой,
И кровь кипит ужасной жаждой мщенья,
И погубить всех хочешь за собой.

Что это? Ото зла ль благое отвращенье,
Ниспосланное ангелом святым?
Или во мне самом несчастное растленье,
Насланное мне в сердце духом злым?

5 ноября 1852

328. ОБРАЩЕНИЕ С ЛЮДЬМИ

Как мало надобно искусства,
К себе людей чтоб привязать
И коль не преданности чувство,
Так хоть почтение внушать!..

Сперва смотри на всех подольше,
Привычки, нравы изучай,
Один — чего желает больше,
Другой боится, — примечай!

Потом, чувствительные струны
У всех узнавши, — приступай...
Мечи на них свои перуны,
В яд лести стрелы опускай!

Умей при случае укрыться
Иль кстати броситься в глаза;
Готовы будут пусть явиться
И смех и горькая слеза...

И, словом, — только будь бесстыдным,
Чужие слабости узнай;
Затем, представясь благовидным,
Лишь всем почтение внушай!

27 декабря 1852

Чудесной силою паров,
К всему на свете примененной,
От просвещенных городов
До диких орд распространенной,

Идет вперед наш бойкий век
Неудержимыми шагами,
И просвещенный человек
Живет и движется парами...

Пары всем светом завладели,
Прибрали всё и всех к рукам,
И человек от колыбели
Весь обращается к парам.

Считая деньги, ум вертится
В водовороте паровом;
А сердце бедное крутится
В борьбе с расчетливым умом.

Духовной пищи жадно ищет
И не находит ничего.
А ум меж тем по свету рыщет,
Парам предав себя всего.

Везде господство пошлой прозы,
Нигде поэзии уж нет.
Лишь пароходы, паровозы
Теперь наполнили весь свет.

Кичливый ум теперь гордится
Великим множеством затей
И больше всё еще стремится
Усовершенствовать людей.

А между тем не примечает,
Чего лишает он людей
И что себя он унижает
Односторонностью своей.

Поэты в мире все пропали,
Когда машины развелись;
И все художества упали,
Когда ремесла развились...

И всюду в жизни проза, проза...
И сердце сохнет и болит...
Так приближение мороза
Цвет нежный губит и мертвит.

1852 или начало 1853 (?)

330. ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

(И. М. Сл—ву)

Поражен и очарован,
Перед вами я стоял.
И, смущен и весь взволнован,
Сам себя позабывал...

Ваши речи и движенья,
Блеск прекрасных синих глаз,
Гордой мощи выраженье —
Всё меня пленяло в вас.

И теперь, припоминая
Ваш пленительный портрет,
Я невольно забываю,
Что уж вас со мною нет.

И уносишься невольно
К вам тревожною мечтой,
И — как мне бывает больно,
Что вас нет уже со мной!..

Но зато я не забуду
Этой гордой красоты,
Всюду вспомню, где ни буду,
Эти смуглые черты!

6 января 1853

831. СТРЕМЛЕНИЕ ВПЕРЕД

Почему мне так дорого время?
Почему так я жить тороплюсь?
Или, в землю посеявши семя,
Возрастанье увидеть стремлюсь?..

Или скорый конец угрожает
Прекращением жизни моей?..
Иль душа моя только желает
То, что есть, изменить поскорей?..

Постоянно я годы считаю
И хочу всякий срок сократить;
Только выиграть время желаю
И затем всё готов позабыть...

Может — ныне стеснен — я скорее
Новой жизни изведать ищу...
И на поприще новом яснее
Показать себя людям хочу!..

10 января 1853

832

Холодна и темна
Ночь безлунная,
Но нейдет от окна
Дева юная.

Пригорюнясь, сидит
С думой странною
И тоскливо глядит
В даль туманную...

Воет ветер сильней
Песню бранную,
Тихо шепчет он ей
Весть нежданную.

И, тревоги полна,
Дева юная
Все сидит у окна
В ночь безлунную.

15 февраля 1853

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее собрание включает все стихотворные произведения Добролюбова, кроме нескольких стихов детской поры, тесно связанных с прозаическим текстом.

Не включен в настоящее издание отрывок (26 стихов) «Ты знаешь град, где Минин и Пожарский. . .», посланный Добролюбовым И. И. Бордюгову в письме от 4 июня 1859 г. (Изд. 1961—1965, т. 9, с. 361).[1] В следующем письме тому же адресату (там же, стр. 371) Добролюбов разъясняет, что стихи принадлежат ему «менее, чем наполовину. Это мы с Некрасовым однажды дурачились и, конечно, все лучшие стихи — его». Стихи этого отрывка в слегка измененном виде вошли в большое сатирическое произведение в стихах с обширными примечаниями в прозе «Дружеская переписка Москвы с Петербургом», напечатанное в 4-м номере «Свистка» («Современник», 1860, № 3), без подписи. Некрасов в заметке, продиктованной сестре во время предсмертной болезни, просил перепечатать «Дружескую переписку Москвы с Петербургом» в собрании его стихотворений, указав: «стихи — мои, примечания — Добролюбова» (Некрасов, т. 12, с. 24). Согласно предположению А. Я. Максимовича, «при окончательной обработке Некрасов воспользовался, видимо, лишь собственными строками и потому мог с полной определенностью называть стихотворение своим. Это соображение отчасти подтверждается наборной рукописью» (ЛН, т. 49-50, с. 300).

Добролюбов печатал лишь свои сатирические стихотворения, предназначавшиеся для «Свистка» — сатирического приложения к «Современнику». Из лирических стихотворений при жизни Добролюбова было опубликовано лишь шесть, напечатанных в «Современнике» (1858, № 9) под псевдонимом «Волгин»; отобрано было для печати одиннадцать стихотворений, но пять из них запретила цензура (см. письмо Добролюбова И. И. Бордюгову от 13 сентября 1858 г. — Изд. 1961—1965, т. 9, с. 327). В том же году в статье Добролюбова «Песни Беранже», в 12-м номере «Современника», были напечатаны два стихотворных перевода Добролюбова из Гейне.

После смерти Добролюбова Некрасов опубликовал со своей вступительной заметкой в «Современнике» (1862, № 1) двадцать пять оригинальных стихотворений Добролюбова и двадцать его пере-

[1] Список условных сокращений см. на с. 343.

водов из Гейне. Сюда вошли и все ранее печатавшиеся стихи. Два произведения были исключены цензурой: вместо них стоят лишь номера. Кое-где Некрасов внес изменения в цензурных целях. Все стихи, напечатанные здесь, вошли в Изд. 1862, где опубликовано еще девятнадцать стихотворений. В течение полувека это издание перепечатывалось почти без добавлений. Дальнейшие публикации стихотворений Добролюбова связаны с выходом в 1911—1912 гг. трех собраний его сочинений: под редакцией М. К. Лемке, В. П. Кранихфельда и Е. В. Аничкова. В этих изданиях, особенно в последнем, опубликован по автографам Добролюбова ряд его стихотворений, ранее не печатавшихся; однако текстологические качества публикаций — особенно в последнем из названных изданий — очень невысоки. В некоторых стихотворениях имеются и цензурные пропуски.

Стихотворения Добролюбова ранней поры (1849—1853), за исключением небольшого числа отдельных публикаций, впервые напечатаны в 6-м томе Изд. 1934—1941. Стихотворения в этом издании подготовлены к печати Б. Я. Бухштабом (некоторые стихотворения из числа печатавшихся в «Свистке» — С. А. Рейсером). В этом же издании впервые собраны революционные политические стихотворения Добролюбова, публиковавшиеся в основном в зарубежной печати по неисправным спискам. Как в этом издании, так и в Изд. 1961—1965 (в котором тексты стихотворений подготовлены теми же составителями) и в наст. изд., подобные тексты по возможности проверялись по спискам, не восходящим к печатным публикациям. Так в настоящем издании, благодаря обнаружению С. А. Рейсером списка стихотворения «18 февраля 1856 года» в альбоме В. Р. Зотова, удалось восстановить вторую половину 4-го стиха последней строфы, до сих пор заменявшуюся точками. Однако и доселе в текстах подобных стихотворений остаются явно искаженные места; по возможности они исправляются нами по смыслу; в настоящем издании все редакторские конъектуры заключены в угловые скобки.

В 1957 г. впервые опубликовано стихотворение Добролюбова «17 апреля 1856 года» и установлена принадлежность Добролюбову стихотворения «Друзьям в России. Из Мицкевича». Оба стихотворения введены в Изд. 1961—1965 и в наст. изд. со значительными редакторскими конъектурами.

Доселе остаются необнаруженными тексты следующих произведений, названия которых вошли в составленный Добролюбовым список его политических стихотворений (ПД): «На похороны Николая», «Твое ль провиденье святое. . .», «Слово за Клейнмихеля», «На перемену формы в войсках», «Рифмачам-патриотам» (под последним, возможно, имеется в виду стихотворение «Не гром войны, не бой кровавый. . .»). М. И. Шемановский вспоминает еще о стихотворении «К портрету Давыдова» («Добр. в восп. совр.», с. 82).

До нас, по-видимому, не дошли многие лирические стихотворения Добролюбова зрелых лет; основания для такого предположения изложены во вступительной статье к наст. изд., с. 15. Об утраченных же стихотворениях детских и юношеских лет мы имеем точные сведения: перечень не дошедших до нас стихотворений Добролюбова, включенных в составленный им список своих стихов 1850—1854 гг. (ПД), см. в Изд. 1934—1941, т. 6, с. 793—794.

За исключением тех революционных стихотворений, автографы

которых Добролюбов по понятным причинам уничтожил, почти все дошедшие до нас стихотворения его сохранились в автографах. Эти автографы и являются основным источником текстов всех изданий стихотворений Добролюбова.

Даты стихотворений Добролюбова проставлены под текстами. Если известна лишь дата, не позднее которой написано стихотворение, такая дата ставится в угловые скобки. Предположительные даты сопровождаются вопросительным знаком в скобках. Некоторые даты в издании под ред. М. К. Лемке, без указания источника или мотивов датировки, вызывают сомнение; такие даты в настоящем издании указаны только в комментарии. Даты под текстами набраны курсивом, кроме псевдодат (например, дат стихотворений «юного дарования» Аполлона Капелькина), набранных прямым шрифтом.

В настоящем издании стихотворения, печатавшиеся в «Свистке» или предназначавшиеся для «Свистка», выделены в особый раздел; выделены также стихотворные переводы Добролюбова (из Гейне) и — в качестве приложения — стихотворения ранних лет (1849—1853). Внутри каждого раздела стихотворения расположены в хронологическом порядке.

Примечания к отдельным стихотворениям начинаются с указания на первую публикацию. Если эта публикация была неисправной, подверглась цензурным искажениям и т. п., — указывается далее и издание, в котором впервые установлен правильный текст; такое указание вводится формулой: «Печ. по изд. . . .» Формула эта имеет условный характер, поскольку, как уже сказано, основным источником текстов являются рукописи Добролюбова.

Основная масса автографов Добролюбова находится в архиве Пушкинского дома. Поэтому в примечаниях указывается лишь отсутствие автографа либо наличие его в другом архивохранилище. Наличие автографа в ПД указывается лишь в том случае, если кроме него имеется автограф еще и в другом архивохранилище.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

Абакумов 1 — С. Абакумов, Детские сатирические стихотворения Добролюбова. — «Новое дело», 1922, № 1, с. 71—72.

Абакумов 2 — С. Абакумов, Юношеские стихотворения Н. А. Добролюбова. — «Казанский библиофил», 1923, № 4, с. 13—19.

Аничков — Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений. Под ред. Е. В. Аничкова, тт. 1—9, СПб., 1911—1912.

Герцен — А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, М., 1954—1965.

ГОА — Горьковский областной архив.

ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

«Добр. в восп. совр.» — Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников. Вступ. статья В. В. Жданова. Подготовка текста, вступ. заметка и комментарии С. А. Рейсера, Л., 1961.

Изд. 1862 — Н. А. Добролюбов, Сочинения, тт. 1—4, СПб., 1862.

Изд. 1934—1941 — Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений в шести томах. Под ред. П. И. Лебедева-Полянского, М., 1934—1941.

Изд. 1961—1965 — Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений, тт. 1—9, М.—Л., 1961—1965.
ИЛШ — Рукописное отделение Института литературы им. Т. Г. Шевченко Академии наук УССР.
Кранихфельд — Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений. Под ред. Вл. П. Кранихфельда, тт. 1—8. СПб., ⟨1911⟩.
Лемке — Н. А. Добролюбов, Первое полное собрание сочинений. Под ред. М. К. Лемке, тт. 1—4. СПб., Изд-во А. С. Панафидиной, 1911 (на обл. 1912).
ЛН — «Литературное наследство».
Некрасов — Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем. Под общей ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина, К. И. Чуковского, тт. 1—12, М., 1948—1953.
ПД — Рукописный отдел Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинского дома).
С — «Современник».
Св. 1 — «Свисток», № 1(«Современник», 1859, № 1).
Св. 2 — «Свисток», № 2 («Современник», 1859, № 4).
Св. 3 — «Свисток», № 3 («Современник», 1859, № 10).
Св. 4 — «Свисток», № 4 («Современник», 1860, № 3).
Св. 5 — «Свисток», № 5 («Современник», 1860, № 5).
Св. 6 — «Свисток», № 6 («Современник», 1860, № 12).
Св. 7 — «Свисток», № 7 («Современник», 1861, № 1).
Св. 8 — «Свисток», № 8 («Современник», 1862, № 1).
Сп. полит. стих. — Список политических стихотворений Добролюбова, составленный им самим. Автограф — ПД.
Чернышевский — Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, тт. 1—16, М., 1939—1953.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1854—1861

1. «Собрание запрещенных стихов и прозы», Лейпциг, 1865, с. 8, без подписи, с датой «Декабрь 1854 г.». Автограф — в ГПБ, без подписи, вместо которой поставлено десять точек. В тексте первой публикации (и восходящих к ней дальнейших заграничных публикаций) имеются два разночтения с текстом автографа; весьма возможно, что они восходят к тексту, исправленному автором. Ст. 98 читается здесь «Брант, не писатель — аферист», ст. 152 — «Высокомудрие свое». Перед автографом, на одном с ним листе, сопроводительное письмо А. А. Краевскому (Изд. 1961—1965, т. 9, с. 176). По указанию М. И. Шемановского, в его «Воспоминаниях о жизни в Главном педагогическом институте 1853—1857 годов», «это стихотворение разослано было во все редакции и самому Гречу, который получил его, находясь уже за своим юбилярным обеденным столом» («Добр. в восп. совр.», с. 51). О крупных неприятностях, которые принесло Добролюбову обнаружение его авторства, см. в письме Добролюбова М. И. Благообразову от 18 июня 1855 г. (Изд. 1961—1965, т. 9, с. 196) и в воспоминаниях М. И. Шемановского («Добр. в восп. совр.», с. 70—71). Юбилей Н. И. Греча состоялся 27 декабря 1854 г.; стихотворение написано, вероятно, незадолго до этой даты. *Греч* Николай Иванович (1787—1867) — журналист и литературный

делец, официозный публицист. *До генеральства* — то есть до чина действительного статского советника, соответствовавшего по «табели о рангах» военному чину генерал-майора. *В своих грамматиках без счета.* Греч составил ряд учебных грамматик русского языка. *Вы в географии мешали* и т. д. Имеется в виду «Учебная всеобщая география» Греча (СПб., 1838; 2-е изд. — 1844). *Фаддея с Гоголем равняли.* В «Учебной книге русской словесности» Греча (М., 1819—1822; 3-е изд. — СПб., 1844) помещены почти рядом произведения Гоголя и Фаддея Булгарина (1789—1859) — друга Греча, реакционного писателя, продажного литературного дельца, доносчика. *Чужой издавши перевод.* Греч издал перевод «Всемирной истории» К. Ф. Беккера (7 частей, СПб., 1843—1849). *И на позорище журнальном вы подвизались много лет.* Буквально этими же словами Добролюбов характеризовал деятельность Греча позднее, в 1853 г.: «Недаром же г. Булгарин столько лет подвизался на позорище журнальном вместе с Н. И. Гречем» (Рецензия на «Сочинения Пушкина. Седьмой, дополнительный том». См. Изд. 1862, т. 1, с. 468). *Ваш добрый барин* — то есть Николай I, разрешивший отпраздновать юбилей Греча «и поднести ему, в память этого случая, кубок или другую какую-либо вещь» (Кс. Полевой, Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности Н. И. Греча, СПб., 1855, с. 2). *В патриотическом журнале.* В 1812 г. Греч начал издание журнала «Сын отечества». *С другим мошенником связавшись.* Имеется в виду Булгарин. *В газете вашей.* С 1831 г. Греч стал вместе с Булгариным редактором-издателем ежедневной газеты «Северная пчела», основанной Булгариным в 1825 г. *Князь Вяземский* П. А. (1792—1878) — поэт, друг Пушкина. В «Северной пчеле» не участвовал и в 20—30-е годы был деятельным врагом булгаринской группы. Но в 40—50-е годы он становится реакционером, автором монархических и шовинистических стихов. Белинский в знаменитом письме к Гоголю называет его «князь в аристократии и холоп в литературе». *Брант* Л. В. (?) — романист, критик и журналист, один из главных сотрудников «Северной пчелы». *Зотов* Р. М. (1795—1871), *Масальский* К. П. (1802—1861) — романисты, в то время еще популярные в среднем кругу читателей, особенно в провинции. *Поздний фабулист* — здесь в смысле: запоздалый, устарелый автор произведений с занимательным сюжетом. *Розен* Е. Ф. (1800—1860) — третьестепенный поэт, немец по происхождению, часто подвергавшийся упрекам в плохом владении русским языком. *Сушков* Н. В. (1796—1871) — бездарный поэт и драматург. *Я. Я. Я.* — псевдоним Л. В. Бранта; псевдоним *А. А. А.* не раскрыт. *Тряпичкины* — собирательное имя ничтожных писак (по фамилии адресата письма Хлестакова в «Ревизоре»). *Взялись чиновные друзья* и т. д. Инициаторами и распорядителями юбилея Греча были адмирал П. И. Рикорд, генерал-адъютант Я. И. Ростовцев и тайные советники А. М. Княжевич, В. И. Панаев и граф Ф. П. Толстой. *Но тот, кто с Пушкиным, Крыловым* и т. д. Видимо, П. А. Плетнев. По указанию М. К. Лемке, «П. А. Плетнев пустил по поводу готовившегося юбилея какое-то остроумное и очень злое четверостишие» (Лемке, т. 1, стлб. 28). *И ты остался лишь с толпою* и т. д. Писатели демонстративно бойкотировали юбилей Греча. Большой «Список особ, изъявивших желание участвовать в юбилее» (Кс. Полевой, Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности

Н. И. Греча, СПб., 1855, с. 91—98) включает лишь несколько имен третьестепенных литераторов.

2. Аничков, т. 9, с. 2, под произвольным загл. «Стихи на пирушку студентов осенью 1854 г.» (хотя из примечаний видно, что пирушка происходила зимой). Текст представляет собой строфы из стихотворения Добролюбова, сохранившиеся в памяти М. И. Шемановского. Печ. по его «Воспоминаниям о жизни в Главном педагогическом институте 1853—1857 годов» («Добр. в восп. совр.», с. 51—52; рукопись в ПД). Стихотворение написано и прочитано на дружеской вечеринке группы студентов Главного педагогического института. На вечеринке говорилось о стихотворении Добролюбова, посланном на юбилей Греча, — значит, она происходила не ранее 28 декабря 1854 г. Об упомянутых в стихотворении студентах (фамилии которых даны Шемановским частью в сокращении и расшифрованы впоследствии комментаторами стихотворения) см. в тех же воспоминаниях («Добр. в восп. совр.»; см. по указателю имен и в примечаниях на с. 426—429). Фамилия «Л—ов» не расшифрована. *Крамбамбули* — наливка, ликер; на тогдашнем студенческом жаргоне — вообще всякий крепкий напиток; о нем существовала студенческая песня. *Мария-Антуанетта* (1755—1793) — французская королева, жена Людовика XVI.

3. «Русская потаенная литература XIX столетия». Отдел I. Стихотворения, часть 1, Лондон, 1861, с. 268, под загл. «На смерть помещика Оленина, убитого крестьянами за жестокое обращение с ними», без подписи. Автограф неизвестен. Печ. по первой публикации с рядом исправлений по публикации в «Голосе минувшего», 1917, № 5-6, с. 60, где стихотворение напечатано по неполному и неисправному списку из архива И. В. Малиновского под загл. «На смерть Николая I», с указанием «Приписывалось Некрасову». Загл. печ. по Сп. полит. стих., дающему возможность датировать стихотворение началом 1855 г. В номере выпускавшейся Добролюбовым рукописной студенческой газеты «Слухи» от 6 октября 1855 г., где помещено стихотворение Добролюбова «К Розенталю», названы и другие политические стихотворения того же автора: «На юбилей Н. И. Греча, ода на смерть Николая I и дума, которая давно уже была написана, но находилась в таинственности, а теперь, в скором времени, представится благосклонному вниманию читателей» (Изд. 1961—1965, т. 1, с. 127). *Оленин* Алексей Алексеевич (1798—1854) — чиновник министерства юстиции, действительный статский советник, сын писателя, художника и археолога А. Н. Оленина, был убит двумя своими дворовыми крепостными 25 декабря 1854 г. Даже «всеподданнейший» отчет III Отделения называет причиной убийства «дурное обращение Оленина с людьми его» и то, что он «обременительными повинностями» довел своих крестьян до нищеты и голода (Е. А. Мороховец, Крестьянское движение 1827—1869. Вып. 1, М., 1931, с. 103). *Баскаки* — в эпоху татарского ига представители ханской власти и сборщики податей. *Крючок приказный* — мелкий чиновник-крючкотвор. *«Статского» схватив.* Чин статского советника давал в ту пору звание потомственного дворянина и тем самым право владеть крепостными. *Дворянство силою добыв.* Потомствен-

ное дворянство присваивалось и при награждении некоторыми орденами за боевые подвиги. *Продажу негров порицал.* В «Уложение о наказаниях» 1845 г. включен закон, устанавливавший наказание русских подданных за участие в торговле неграми.

4. «Книга и революция», 1922, № 3(15), с. 37, в статье М. К. Лемке «Н. А. Добролюбов как политический поэт», под загл. «Ода на смерть Николая I». Автограф неизвестен. М. К. Лемке напечатал стихотворение по рукописи (видимо, не автографической), найденной им в Сенатском архиве. Местонахождение ее в настоящее время неизвестно. Печ. по тексту первой публикации с исправлениями по тексту списка из альбома Н. Соколова (ПД) и тетради А. М. Семеновой (ПД). Заглавие дано по Сп. полит. стих. Так же (только без года) названо оно и у М. И. Шемановского, который передает следующий свой разговор с Добролюбовым после чтения стихотворения: «„Ну что?" — спросил он, когда я кончил. „Ничего, хорошо. Только зачем ты предрекаешь страдания при сыне, да еще называешь его бестолковым. Ведь, по слухам, он хоть и пьяница, а с хорошим сердцем". — „Дело тут не в человеке, а в царе"» («Добр. в восп. совр.», с. 73). Стихотворение датируется указанием Шемановского, что оно было написано и прочтено ему в самый день смерти царя (там же, с. 72). *Один тиран исчез, другой надел корону.* 18 февраля 1855 г. умер Николай I, и на престол вступил его сын Александр II. *Братоубийца.* Добролюбов верил в ту пору слуху, будто Николай I отравил своего старшего брата Константина. В анонимном письме Н. И. Гречу по поводу напечатанного последним панегирика умершему царю Добролюбов называет Николая I «человеком, который своего брата не устрашился отравить» (Изд. 1961—1965, т. 1, с. 103). *По каплям кровь* и т. д. «Как паук, сосал кровь своих подданных», — говорит Добролюбов о Николае I в том же письме (там же, с. 102). *Немецкое отродье.* В родословной Николая I и по отцовской и по материнской линии были лица немецкого происхождения. *И немцам предавал* и т. д. В эпоху Николая I немцы играли особенно видную роль в русской бюрократии и в армии. *Ратное невзгодье.* Имеется в виду неудачная война с Англией, Францией и Турцией 1853—1856 гг. *Сын хочет взять себе его за образец?!* Имеются в виду слова манифеста о вступлении на престол Александра II: «Как оплакиваемый нами любезнейший родитель наш посвящал все свои усилия, все часы своей жизни трудам и попечениям о благе подданных, так и мы⟨...⟩ приемлем священный обет иметь всегда единою целью благоденствие отечества нашего».

5. Кранихфельд, т. 8, с. 319. Печ. по Изд. 1934—1941, т. 6, с. 228.

6. Аничков, т. 9, с. 8.

7. Аничков, т. 9, с. 9. Печ. по Изд. 1934—1941, т. 6, с. 229.

8—9. 1. Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861—1862 годах ⟨Н. Г. Чернышевским⟩, т. 1, М., 1890, с. 231. 2. Аничков, т. 9, с. 10, с цензурным пропуском («царский») в последнем стихе. Печ. по публикации в «Книге и революции», 1922, № 3(15),

с. 37. Автографы — в письме Добролюбова к М. И. Благообразову от 18 июня 1855 г. (см. Изд. 1961—1965, т. 9, с. 197). Загл. — по Сп. полит. стих. Эпиграммы относятся к альбому карикатур Николая Александровича Степанова (1807—1877) на воевавших в то время с Россией французов, англичан и турок. Особенно много в альбоме карикатур на Наполеона III. Стихотворение датируется периодом между выходом альбома (цензурное разрешение 1-го выпуска его датировано 18 марта 1855 г.) и датой упомянутого письма Добролюбова.

10. «Русская потаенная литература XIX столетия». Отдел I. Стихотворения, часть 1, Лондон, 1861, с. 300, под загл. «Друзьям в России (Мицкевича) (Перевод с польского)», без подписи. Перевод стих. А. Мицкевича «Do przyjaciól Moskali» («Русским друзьям»). Автограф неизвестен. Авторство Добролюбова установлено Е. Г. Бушканцем в статье «Неизвестные стихотворения Н. А. Добролюбова» («Известия АН СССР. Отд. лит. и яз.», т. 16, вып. 1, 1957, с. 68). Принадлежность стихотворения Добролюбову обосновывается наличием в Сп. полит. стих. стихотворения под загл. «Друзьям в России, из Мицкевича» и тем, что другие дореволюционные переводы этого стихотворения не носят такого заглавия, значительно отклоняющегося от заглавия оригинала. Печ. по весьма неисправному тексту первой публикации, с исправлениями явных искажений в соответствии с польским оригиналом. Загл. дано по Сп. полит. стих. Датируется по месту стихотворения в этом списке.

11. «Книга и революция», 1922, № 3(15), с. 42, в статье М. К. Лемке «Н. А. Добролюбов как политический поэт». Автограф неизвестен. Источник текста — рукописная газета «Слухи», 1855, 6 октября (ПД), где стихотворение приведено целиком в статье Н. П. Турчанинова «Библиографическая новость — стихотворение, посвященное Розенталю. *Н. Д.*». В Сп. полит. стих. — под загл. «Розенталь». *Розенталь* Иосиф-Антон Иосифович (ок. 1831 — после 1890) — агитатор, пытавшийся поднять в Киевской губернии в 1855 г. крестьянское восстание. Был сослан в Сибирь.

12. Кранихфельд, т. 8, с. 321. Печ. по Изд. 1961—1965, т. 8, с. 30. В автографе последние четыре строки зачеркнуты, но не заменены другими. Написано в ответ на многочисленные военно-шовинистические стихи 1854—1855 гг. Поскольку автографы стихотворений Добролюбова 1854 г. не сохранились в его архиве (вероятно, в связи с обыском, вызванным стих. «На 50-летний юбилей Н. И. Греча»), стихотворение, по-видимому, следует датировать 1855 г. *Какое дело Поэту мирному до них?* — слегка измененная цитата из стих. Пушкина «Чернь» («...какое дело Поэту мирному до вас?»).

13. Лемке, т. 1, стлб. 77, с цензурными пропусками. Печ. по Изд. 1934—1941, т. 6, с. 232. Автограф — в рукописной газете «Слухи» (1855, 8 декабря). В Сп. полит. стих. — под загл. «Русские газеты». В списке из альбома Н. Соколова (ПД) перед последним четверостишием находятся следующие стихи, вероятно авторского происхождения:

Я зрел позор моей отчизны,
Я слышал гром ее цепей:
И ужас этой рабской жизни
Всё возмутил в душе моей.

Синодом управлял солдат. С 1836 по 1855 г. обер-прокурором Синода был генерал от кавалерии граф Н. А. Протасов. *И поруганье дев покорных Через нелидовский подъезд.* Нелидова В. А. — фрейлина двора, любовница Николая I. Фрейлины часто становились любовницами царей и царских сыновей.

14. «Новое дело», 1922, № 1, с. 34, в статье С. Абакумова «Н. А. Добролюбов как сатирик», с рядом непрочитанных или неверно прочитанных мест. Печ. по Изд. 1934—1941, т. 6, с. 233. Автограф без загл.; заглавие дано по Сп. полит. стих., в котором стихотворение стоит первым под 1856 г. Впоследствии — очевидно, по цензурным причинам — переработано в стихотворение «Встреча». После 2-й строфы в рукописи зачеркнута строфа:

Рассказ был прост, но слезы навернулись
Мне на глаза... тоской сдавило сердце мне...
Воспоминания в душе моей проснулись,
Предстало прошлое как будто в тяжком сне.

15. «Собрание запрещенных стихов и прозы», Лейпциг, 1865, с. 3, под загл. «Годовщина (18 февраля 1856 года)», без подписи. Автограф неизвестен. Печ. по списку из альбома В. Р. Зотова (ПД), где текст дан полностью. Ст. 94 до настоящего издания печатался: «Да будешь проклят ты. . . . . . .» Ст. 74 печ. по первопечатному тексту; текст списка Зотова («Тебе б свободы, правды друг наскучил») представляется менее вероятным. Заглавие стихотворения печ. по Сп. полит. стих. (в списке Зотова под загл. «Февральская годовщина»). Авторство Добролюбова установлено М. К. Лемке в статье «Н. А. Добролюбов как политический поэт» («Книга и революция», 1922, № 3(15), с. 37—38). *18 февраля 1856 г.* — первая годовщина смерти Николая I. *Поэт, покрытый срамом.* Вероятно, П. А. Вяземский, написавший стихотворение «Плач и утешение», в котором восхвалял умершего Николая I. *Вот без конца проходит вереница* и т. д. Речь идет о войне России с Англией, Францией и Турцией в 1853—1856 гг. *Девка грязная, любовница министра, Продажей мест разбогатела быстро.* М. И. Буркова, любовница В. Ф. Адлерберга, занимавшего с 1852 г. пост министра императорского двора, была широко известна тем, что за большие взятки устраивала назначения на выгодные служебные посты. *Подлый мир.* В феврале 1856 г. происходили мирные переговоры, завершившиеся заключением в марте мира на тяжелых для России условиях. *Николаиды* — потомки Николая.

16. Начальные пять стихов — «Добр. в восп. совр.», с. 81, в «Воспоминаниях о жизни в Главном педагогическом институте 1853—1857 годов» М. И. Шемановского. «К 1856 году, — пишет М. И. Шемановский, — принадлежит Добролюбову одно юмористическое стихотворение «26-е августа», написанное им на иллюминацию, бывшую

в этот день. Вот начало его. ⟨...⟩ Я не буду выписывать всего стихотворения, оно слишком известно». Ст. 26—52 — в кн.: В. Жданов. Николай Александрович Добролюбов, М., 1955, с. 157. Полностью — «Известия АН СССР. Отд. лит. и яз.», т. 16, вып. 1, 1957, с. 70, в публикации Е. Г. Бушканца «Неизвестные стихотворения Н. А. Добролюбова». Автограф стихотворения неизвестен. Оно напечатано по неисправному списку из рукописного сборника «Либералист, или Собрание разных либерально-литературных произведений русских авторов, с 1860 по 1863 год. Иркутск», хранящегося в Свердловском областном историческом архиве. Печ. по тому же списку, с конъектурными исправлениями ряда явно ошибочных чтений. Так, в списке ст. 13 читается «Ах, же подлец, вскричал всевышний», ст. 39 — «Иль с рвением кого прославить», ст. 46 — «Ни громом страха, ни внушеньем», ст. 58 — «С умом, науками, развитьем», ст. 110 — «За не намеки все и плошки», ст. 125—126 — «И громогласное ура, В толпах народа клич безумья», ст. 144 — «Черты не зрящного лица». В списке, очевидно, пропущен ст. 47 (стих 45 не рифмуется). Обозначаем пропущенный стих строкой точек. М. И. Шемановский явно ошибся, указав, что цитируемыми им строками начинается стихотворение «26 августа». 26 августа 1856 г. была коронация Александра II, в стихотворении же говорится об иллюминации по случаю дня его рождения, происходившей 17 апреля. Стихотворение «17 апреля 1856 г.» значится в Сп. полит. стих., доведенном до апреля 1856 г. В стихотворении отразились иллюзорные надежды, пережитые Добролюбовым в начале царствования Александра II. *Мир неблестящий заключил* — см. примеч. 15.

17—18. Аничков, т. 9, с. 11. Предположительная датировка основана на характере бумаги и чернил автографа. Стихотворения не закончены.

19. Кранихфельд, т. 8, с. 320. Предположительно датируется на основании характера бумаги и чернил автографа: дата подтверждается тем, что стихотворение не вошло в тетрадь стихотворений Добролюбова, начатую, видимо, осенью 1856 г. Измененную цитату из этого стихотворения Добролюбов дал во «Внутреннем обозрении», помещенном в С, 1861, № 8: «Возвращался я из тех стран, где можно, не компрометируя себя, наслаждаться весною, где круглый год живут не взаперти, а на воле, —

Где воздух чище, солнце ярче,
Лазурь небесная светлее,
Страстнее речь, объятья жарче
И злоба глубже и вернее».

(Изд. 1961—1965, т. 7, с. 169)

20. Аничков, т. 9, с. 12. Стихотворение не закончено. Написано, очевидно, на коронацию Александра II, состоявшуюся 26 августа 1856 г.

21. С, 1862, № 1, с. 325. Датируется по месту автографа в тетради. В изд. Лемке — с датой «Авг. 1856 г.».

22. Изд. 1862, т. 4, с. 605, без последних восьми стихов. Полностью — Лемке, т. 1, стлб. 221. В автографе последние восемь стихов зачеркнуты, но это, очевидно, такой же результат цензурного приспособления, как и исправления в ст. 1 («Какой-то» вместо «незримый») и в ст. 4 («заочно» вместо «незримо»). Печ. по Изд. 1934—1941, т. 6, с. 238, где впервые восстановлены первоначальные чтения этих строк. Датируется по месту автографа в тетради. В изд. Лемке — с датой «Авг. 1856 г.». Можно думать, что стихотворение написано в связи со второй годовщиной смерти отца (6 августа), как близкое по теме стихотворение «Памяти отца» написано в связи с третьей годовщиной. Удар судьбы, о котором говорит Добролюбов в стихотворении, — это смерть отца вскоре после смерти матери. Ср. конец дневниковой записи от 18 декабря 1855 г. «Меня постигло страшное несчастье — смерть отца и матери, — но оно убедило меня окончательно в правоте моего дела, в несуществовании тех призраков, которые состроило себе восточное воображение и которые навязывают нам насильно, вопреки здравому смыслу. Оно ожесточило меня против той таинственной силы, которую у нас смеют называть благою и милосердною, не обращая внимания на зло, рассеянное в мире, на жестокие удары, которые направляются этой силой на самих же ее хвалителей!..» (Изд. 1961—1965, т. 8, с. 464). Первоначальный вариант ст. 37—40:

Напрасно... он не шел... И я ожесточился...
И говорили мне, что недостоин я
Теперь того, чтоб он ко мне явился.
Быть может. Но когда же был достойней я?

23. С, 1858, № 9, с. 343, под загл. «Приятное воспоминание». Печ. по С, 1862, № 1, с. 326, текст которого совпадает с автографом. Датируется по месту автографа в тетради. В изд. Лемке — с датой «Сент. 1856 г.».

24. С, 1862, № 1, с. 332.

25. Изд. 1862, т. 4, с. 608. Датируется по месту автографа в тетради. Стихотворение является переделкой стихотворения «Перед дворцом». Впоследствии текст его был использован Добролюбовым для сатирического стихотворения «Общественный деятель». В изд. Лемке — с датой «Дек. 1856 г.».

26. «Русская старина», 1887, № 10, с. 233, с рядом пропусков, с указанием: «Сообщил А. Галахов» и примечанием к ст. 1: «За несколько дней до этого послания мы в шутку играли в рифмы. *Г*». Печ. по Изд. 1934—1941, т. 6, с. 240. Автограф неизвестен. Источником публикации является копия А. С. Галахова (ПД); ст. 81—82 остаются неизвестными и заменены точками. Все факты, которых Добролюбов касается в стихотворении, — переход И. И. Паржницкого из Главного педагогического института в Медико-Хирургическую академию, подача им вместе с тремя другими студентами жалобы царю на начальство академии, обкрадывавшее студентов, исключение подавших жалобу из академии с назначением фельдшерами в Фин-

ляндию, помилование их по случаю коронации и определение студентами Казанского и Харьковского университетов — изложены в воспоминаниях М. И. Шемановского («Добр. в восп. совр.», с. 59—69). Из стихотворения видно, что оно написано незадолго до отправления И. И. Паржницкого в Казань, состоявшегося 10 января 1857 г. (см. запись в дневнике Добролюбова от 15 января 1857 г. — Изд. 1961—1965, т. 8, с. 532); это, очевидно, то стихотворение, о котором Добролюбов упоминает в дневниковой записи 1 января 1857 г. Описывая встречу Нового года у Галаховых, Добролюбов замечает: «Здесь меня встретили похвалами за стихи, которые я прислал к ним накануне, напутавши в них всякого вздору без складу и ладу» (там же, с. 500). *Галахов* Сергей Павлович (1806—1873) — камергер, главноначальствующий над почтовым департаментом, сыну которого Добролюбов давал уроки. *На Выборгскую сторону Болезни изучать.* Выборгская сторона — район Петербурга, где находилась Медико-Хирургическая академия. *Давыдов* И. И. (1794—1863) — профессор, директор Главного педагогического института. *Пеликан* В. В. (1790—1864) — профессор, в 1851—1855 гг. президент Медико-Хирургической академии. *Варвара Алексеевна* — сестра жены С. П. Галахова. *Шестилавочная* — название улицы в Петербурге, впоследствии переименованной в Надеждинскую (ныне ул. Маяковского).

27. С, 1862, № 1, с. 332, без последней строфы, замененной двумя строфами точек, и с измененным началом:

С печальной вестью смерти новой
Газеты чопорный листок.

Там же и в Изд. 1862 (т. 4, с. 608) — с последней строфой, напечатанной в следующем виде:

Ликуй же, смерть, в стране унылой,
Всё в ней отжившее рази,
И знамя жизни над могилой
На грудах трупов водрузи!

Как показывает автограф, переделка этой строфы принадлежит Некрасову; она, несомненно, сделана в цензурных целях. Печ. по Изд. 1934—1941, т. 6, с. 243, где впервые снята правка Некрасова.

28. С, 1862, № 1, с. 328.

29. Изд. 1862, т. 4, с. 609. Здесь ст. 12 читается: «От тебя навек бежать хотел. . .», — но это первое, зачеркнутое чтение автографа. Печ. по Изд. 1934—1941, т. 6, с. 244. Стихотворение комментируется дневниковой записью от 31 января 1857 г. (Изд. 1934—1941, т. 6, с. 473).

30. С, 1862, № 1, с. 333.

31. С, 1862, № 1, с. 327. Печ. по Изд. 1961—1965, т. 8, с. 50. Как и в этом изд., ст. 4 печатается по первоначальному тексту автографа,

так как поправка «Какой-то темный свод, да изверги с цепями...», с которой стихотворение печаталось раньше, носит характер цензурного приспособления.

32. С, 1862, № 1, с. 333, с цензурными искажениями. Печ. по Изд. 1862, т. 4, с. 611.

33. С, 1858, № 9, с. 344.

34. С, 1862, № 1, с. 327.

35. Лемке, т. 1, стлб. 255. Печ. по Изд. 1934—1941, т. 6, с. 246. Датируется по месту автографа в тетради.

36. С, 1858, № 9, с. 344, под загл. «Блаженство неведения»; С, 1862, № 1, под загл. «Очарование» и с другими изменениями. Печ. по Изд. 1862, т. 4, с. 619. Один из двух автографов — под загл. «Недостаток», с зачеркнутой последней строфой. Изменялась в основном строфа 4. Ее первая беловая редакция:

Лишь слабо вижу я, к несчастью,
И чувств своих же тесный круг
За мир считаю большей частью...
Как жаль, что я так близорук!..

Вторая редакция:

Мне говорят, я вижу мало,
Очки советуют носить,
Но, боже мой, к чему ж пристало
Себя мне счастия лишить?

Первая печатная редакция:

Мне говорят: «Лечите зренье,
Очки попробуйте носить».
Спасибо! Что за утешенье
Себя мне счастия лишить!

37. С, 1858, № 9, с. 345. В одном из двух автографов — под загл. «Проповедь».

38. Аничков, т. 9, с. 18. Конец стихотворения, отсутствующий в автографе, неизвестен. Предположительно датируется по месту стихотворения среди других в автографе.

39. Изд. 1862, т. 4, с. 620. Стихотворение, как и ряд следующих любовных стихотворений 1857 г., вызвано отношениями Добролюбова с некой Машенькой, с которой он начал встречаться примерно с конца 1856 г. (см. о ней: Изд. 1961—1965, т. 8, с. 667).

40. Лемке, т. 1, стлб. 259.

41. С, 1862, № 1, с. 334; печ. по Изд. 1862, т. 4, с. 621, с исправлением по автографу. Ср. запись в дневнике Добролюбова от 26 мая 1857 г. (Изд. 1961—1965, т. 8, с. 567—568).

42. С, 1862, № 1, с. 329.

43. Изд. 1862, т. 4, с. 622.

44. Изд. 1862, т. 4, с. 623. Ср. запись в дневнике Добролюбова от 13 июля 1857 г. (Изд. 1961—1965, т. 8, с. 568—569). Первоначальная редакция двух первых строф:

Ты холодна, ты опытна до срока,
Любовь не для меня ты бережешь,
Средь пошлости, позора и порока,
Забывшись, ты рассеянно живешь.

Но я, во всем бесстрастный и угрюмый,
Я увлечен любовию к тебе,
Душа моя полна одною думой —
О нашей общей будущей судьбе.

45. Аничков, т. 9, с. 33. Написано в Нижнем Новгороде, где Добролюбов пробыл с конца июня по конец июля 1857 г. Июлем датируется по месту автографа в тетради.

46. Аничков, т. 9, с. 33. Написано на пути из Нижнего Новгорода в Петербург.

47. С, 1862, № 1, с. 330. Первоначальное загл. стихотворения в рукописи — «Пой, ямщик». *Мою лучину облила водой свекровь.* Народная песня «Лучина» начинается следующими стихами:

Лучина, лучинушка березовая!
Ах, что ж ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, в печи не была,
В печи не была, не высушена?
Аль тебя, лучинушка, свекровь облила?

48. С, 1862, № 1, с. 334, здесь заменены точками вторая половина ст. 5 и ст. 6, ст. 9—12 исключены, внесены — очевидно, Некрасовым — изменения, приспособляющие стихотворение к цензурным требованиям, в ст. 7 («И безрассудному роптанью»), в ст. 13 («Но без надежд и упований»), в ст. 15 («И без наивных ожиданий»); Изд. 1862; здесь исключены ст. 10—12 и ст. 15, замененный строкой точек. Печ. по: Кранихфельд, т. 8, с. 300. Автограф находится в тетради между автографами стихотворений, датированных июлем и сентябрем 1857 г. С большой вероятностью можно считать, что оно написано в связи с третьей годовщиной смерти отца Добролюбова, умершего 6 августа 1854 г. О влиянии этого события на перелом в мировоззрении Добролюбова см. примеч. 22. В письме Добролюбова к

В. В. Лаврскому, написанном за несколько дней до второй годовщины смерти отца (3 августа 1856 г.), есть слова очень близкие к данному стихотворению: «...я доволен своею новою жизнью — без надежд, без мечтаний, без обольщений, но зато и без малодушного страха. 〈...〉 Вышел я на бой без заносчивости, но и без трусости — гордо и спокойно» (Изд. 1961—1965, т. 9, с. 253).

49. Изд. 1862, т. 4, с. 624, без загл. Печ. по Изд. 1934—1941, т. 6, с. 252.

50. Аничков, т. 9. с. 36. Тремя тире в тексте обозначен пропуск в рукописи. Датируется по месту автографа в тетради.

51. С, 1911, № 11, с. 274, в статье Е. Аничкова и В. Княжнина «Дела и дни Н. А. Добролюбова». Датируется упоминаемыми событиями: публикацией статьи К. Аксакова в газете «Молва» от 14 декабря 1857 г. и грядущим прекращением газеты, последний номер которой вышел 28 декабря того же года. *«Во тьме ночной* ярилась буря» — начальный стих баллады Карамзина «Раиса». *Граф Панин* В. Н. (1801—1874) — министр юстиции в годы 1841—1862, ярый реакционер, противник каких бы то ни было реформ. *Норов* А. С. (1795—1869) — министр народного просвещения в годы 1854—1858, умеренный либерал. *Фрейганг* А. И. (р. 1805 — ?) — цензор, известный своей придирчивостью и подозрительностью. *«Молва»* — еженедельная газета, выходившая в 1857 г., орган славянофилов. *Фон Крузе* Н. Ф. (1823—1901) — либеральный московский цензор. В 1858 г. был уволен со службы по распоряжению царя за послабления печати. *«Русская беседа»* — славянофильский журнал (1856—1860). *Байборода* — псевдоним, которым подписывались М. Н. Катков и П. М. Леонтьев — издатели журнала «Русский вестник», в ту пору либерально-западнического. *Константин Аксаков* (1817—1860) — один из основных идеологов славянофильства, фактический редактор-издатель «Молвы». *Зипун и божий страх* — формула, которой Добролюбов высмеивает славянофильскую идею «православия и народности». Зипун — верхняя крестьянская одежда. Славянофилы призывали интеллигенцию не отличаться от народа в одежде. *«Публика — народ».* В номере «Молвы» от 14 декабря 1857 г. появилась статья К. С. Аксакова «Опыт синонимов: Публика — Народ». Статья эта возбудила негодование правительственных кругов. Министр народного просвещения А. С. Норов писал помощнику попечителя московского учебного округа гр. А. С. Уварову: «В «Молве» напечатана весьма неуместная и по духу и по выражениям статья под заглавием «Опыт синонимов: Публика — Народ». Подобные определения могут только служить к возбуждению враждебных соотношений между различными сословиями общества. Выставлять низших членов общества образцами всех возможных добродетелей, а высших примерами всех возможных недостатков и нравственных слабостей — вредно и пагубно по последствиям, которые подобные лжеумственные парадоксы могут повлечь за собою. Особенно же в нынешнее время» (Н. П. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 15, СПб., 1901, с. 284). В этом же письме Норов требовал замены цензора «Молвы». *Хромец.* А. С. Норов потерял ногу в бородинской битве. *Ужасный господин Гиляров.* Гиляров-Платонов Н. П. (1824—1887) был московским цензором в годы

1856—1863. Добролюбов в стихотворении несколько спутал факты. Н. П. Гиляров-Платонов сменил Н. Ф. фон Крузе в качестве цензора «Молвы» еще в сентябре 1857 г.; именно Гиляров-Платонов пропустил криминальную статью, и его-то Норов требовал заменить цензором Бессомыкиным. Гиляров-Платонов никак не мог быть «ужасным» для «Молвы»; как и фон Крузе, он имел репутацию либерального цензора, притом он сам был публицистом славянофильского толка, лично близким к семье Аксаковых. Новый цензор не был назначен, так как газета прекратила существование и в 1858 г. уже не издавалась.

52. «Русские поэты в биографиях и образцах» Н. В. Гербеля, СПб., 1873, с. 604.

53. С, 1858, № 9, с. 345, с неверной датой «1857». Автограф находится в тетради среди стихов 1858 г. и имеет дату «Май». В автографе строфа 7 читается:

Будешь точно ангел божий, —
Заглядятся на тебя;
Не такой, как толсторожий,
Красноносый наш судья.

54. «Слово», 1878, № 2, отд. 2, с. 82, в статье М. А. Антоновича «Причины неудовлетворительного состояния нашей литературы». Публикации предшествует следующее сообщение М. А. Антоновича: «Покойный Николай Алексеевич Некрасов рассказывал нам, что друзья, ученики и почитатели Белинского, люди сороковых годов, ежегодно устраивали обеды в память Белинского. На одном из этих обедов, в пятидесятых годах, присутствовал и Добролюбов. Вероятно, это и был «пышный обед», на котором, кроме «мудрых бесед», лилось еще что-нибудь и участники которого горячились из-за бедного брата, разгоряченные или воспоминанием о Белинском, или чем-нибудь другим. Словом, этот обед и его участники произвели на Добролюбова такое впечатление, что он в негодовании прибежал домой, излил свое негодование в горячих стихах и немедленно разослал анонимно эти стихи наиболее выдающимся участникам обеда. В числе других это стихотворение получил и Николай Алексеевич и, по его словам, сразу же догадался, кто автор его; да притом Добролюбов не скрывался перед ним и сам признался ему во всем. Николай Алексеевич, конечно, и не подумал обидеться на присланное ему стихотворение; но другие известные литераторы сильно обиделись и, узнав, что автор стихотворения Добролюбов, ужасно рассердились на него и говорили, что «этот мальчишка сам не понимает Белинского». И с этого времени вообще началось охлаждение между литераторами сороковых годов и Добролюбовым. — У нас есть одно рукописное стихотворение Добролюбова, писанное его собственною рукою и, по-видимому, относящееся к случаю, о котором рассказывал Николай Алексеевич, хотя утверждать это наверное мы не решаемся. Стихотворение озаглавлено так: *«На тост в память Белинского. 6 июня 1858 г.»*. Вероятно, 6 июня было днем именин Белинского, т. к. в этот день бывает св. Виссариона; и если обеды в память Белинского устраива-

лись в этот день, то это еще более может подтвердить нашу догадку о происхождении этого стихотворения. Вот часть этого стихотворения». Далее Антонович приводит стихотворение в редакции, совпадающей с текстом автографа, но с указанием после строфы 6— «и т. д.». В «Журнале для всех», 1902, № 1, с. 87, в статье «Воспоминания о Н. А. Добролюбове», М. А. Антонович опубликовал два стиха дополнительной, 7-й строфы с примечанием: «В конце стихотворения Добролюбов до того разгорячился, что уже не мог найти достаточно сильных слов для выражения своего негодования, и употребил грубое, бранное выражение, — он и не предназначал своего стихотворения к печати». Последние четыре стиха строфы 7 опубликованы в книге «Шестидесятые годы. М. А. Антонович. Воспоминания. Г. З. Елисеев. Воспоминания» под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, М.—Л., 1933, с. 529. Текст этой строфы таков:

Пока мы трезвы, в нашей лени
Боимся мы великой тени...
Мы согласились уж давно,
Что мы г...., и утешаем
Себя лишь тем, что составляем
Всё ж не вонючее г....

В архиве М. А. Антоновича в ПД сохранился и листок со стихотворением в том виде, как оно приведено в «Воспоминаниях» Антоновича. Возможно, что это автограф Добролюбова, написанный нарочито измененным почерком. Как бы то ни было, окончательным следует считать шестистрофный текст несомненного автографа.

55. С, 1862, № 1, с. 331. Печ. по: Кранихфельд, т. 8, с. 303. В предшествовавших публикациях ст. 3 читался: «Я средь этой страны молчаливой». В автографе этот вариант написан рукой Некрасова и, несомненно, дан по цензурным соображениям.

56. Изд. 1862, т. 4, с. 626. В Новгороде Добролюбов был проездом из Петербурга в Старую Руссу.

57. Изд. 1862, т. 4, с. 628. В автографе после строфы 1 имеется зачеркнутая строфа:

Среди разврата жизни праздной,
В грязи порочной нищеты,
В толпе друзей разнообразной,
В которой погибала ты...

Стихотворение, как и ряд следующих стихотворений 1858 г., вызвано отношениями с Терезой Гринвальд (Грюнвальд) (см. о ней: Изд. 1961—1965, т. 8, с. 667).

58. Изд. 1862, т. 4, с. 628. На странице тетради, смежной с автографом, набросана тема этого стихотворения: «Я был чист, когда её встретил, но она была уже развращена. Но она меня полюбила чисто, а я ее не мог так безмятежно любить».

59. Лемке, т. 2, стлб. 339. Датируется по месту автографа в тетради.

60. Изд. 1862, т. 4, с. 629, без загл., опущенного, видимо, по типографской небрежности. Печ. по: Анчиков, т. 9, с. 43.

61. «Русская старина», 1886, № 7, с. 209, с указанием: «Сообщил А. С. Галахов». Автограф неизвестен. Датируется пребыванием Добролюбова в Старой Руссе (с конца июня по начало августа 1858 г.) и относится не к началу этого пребывания — по упоминанию о второй стадии лечения — грязевых ваннах. Об С. П. Галахове см. в примеч. 26. *Наталья Алексеевна* — жена С. П. Галахова, *Варвара Алексеевна* — ее сестра, *Алеша* — сын Галаховых, которому Добролюбов давал уроки. *Соллогуб* В. А. (1814—1882) — граф, беллетрист, популярный в 40-е годы; во второй половине 50-х годов шумным, но недолгим успехом пользовалась его либерально-обличительная комедия «Чиновник» (1856).

62. С, 1862, № 1, с. 336, без 4-й строфы. Печ. по Изд. 1862, т. 4, с. 630. В автографе на полях имеется надпись: «(Это стихотворение написано в Москве 1858 г. по возвращении из Старой Руссы)»; ниже рукой Чернышевского: «(заметка Мих. Ив. Шемановского. — *Н. Черн.*)». Первоначальный вариант начала стихотворения:

Я думал о любви своей
С сомненьем, страхом и тоскою.
Я думал, чем мне кончить с *ней*,
Чем порешить с самим собою.

Я проклинал свой шаткий ум,
Я плакал о своем безумьи
И, полный смутных, тяжких дум,
Сидел в безвыходном раздумьи.

63. С, 1858, № 9, с. 346.

64. Изд. 1862, т. 4, с. 631.

65—67. Аничков, т. 9, с. 54. Датируются по месту автографов в тетради. Стихотворения не закончены.

68. Лемке, т. 2, стлб. 737. Печ. по Изд. 1934—1941, т. 6, с. 263. Основание для датировки дает стих «Всех в восхищение приводит „Весельчак“»; журнал «Весельчак» стал выходить в феврале 1858 г., а в феврале 1859 г. прекратился, причем в последний период влачил жалкое существование. 1858 г. заставляют датировать стихотворение и намеки на подхалимство некоторых ученых перед товарищем министра народного просвещения П. А. Вяземским, оставившим этот пост в 1858 г. *И стих божественной псалтири вспоминаю*, то есть первый стих первого псалма: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых, и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании развратников». *Срезневский* И. И. (1812—1889) — академик, про-

фессор Петербургского университета и Главного педагогического института по славянской филологии. В студенческие годы Добролюбов выполнил под руководством Срезневского несколько филологических работ и одно время был фактическим секретарем Срезневского. *Поленов* Д. В. (1806—1870) — археолог и библиограф, *Дестунис* Г. С. (1818—1895) — историк греческой литературы, *Савваитов* П. И. (1815—1895) — археолог и историк, *Куприянов* И. К. (1820—1878) — историк-архивист, *Юшкевич* И. В. (?—1886) — исследователь литовского языка и фольклора, *Сухомлинов* М. И. (1828—1901) — историк русской литературы, *Савельев* П. С. (1814—1859) — археолог, *Ламанский* В. И. (1833—1914) — славист, *Пыпин* А. Н. (1833—1904) и *Пекарский* П. П. (1828—1872) — историки русской литературы. *Из «Известий»*. Срезневский основал и редактировал «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук». *Чебышев* П. Л. (1821—1894) — академик, знаменитый математик, *архимандрит Макарий* (Булгаков, 1816—1882) — богослов и церковный историк (*«хозяина сочлен»*, то есть академик, как и Срезневский), *Палаузов* С. Н. (1818—1872) — историк. *Князь Петр Вяземский* — см. примеч. 1. С 1855 по 1858 г. занимал должность товарища министра народного просвещения. *Блудов* Д. Н. (1785—1864) — граф, с 1855 г. президент Академии наук. *Дружеством с князьком* — очевидно, с П. А. Вяземским. Реминисценция из сатиры И. И. Дмитриева «Чужой толк»:

А наших многих цель — награда перстеньком,
Нередко сто рублей иль дружество с князьком,
Который отроду не читывал другова,
Кроме придворного подчас месяцеслова.

Благовещенский Н. М. (1821—1892) — профессор римской словесности Петербургского университета и Главного педагогического института. *А он-то всё твердит: «Мой новый труд — Гораций»*. Книга Н. М. Благовещенского «Гораций и его время» вышла в 1864 г., но частями в виде статей печаталась с 1857 г. *Владимирский* В. А. (1812—1877) — драматург. *Ходнев* А. И. (1818—1883) — химик, *Водовозов* В. И. (1825—1886) — педагог. *«Весельчак»* — юмористический журнал (1858—1859). Характеристика его дана Добролюбовым в статье «Уличные листки» (см. Изд. 1961—1965, т. 3, с. 246). *Павлов Николай* Филиппович (1805—1864) — беллетрист и критик, в это время приобрел известность как резкий либеральный публицист. Кто такие упоминаемые в стихотворении *«Федор Степаныч»* и *«черный харьковец»* — не выяснено.

69. Изд. 1862, т. 4, с. 633. Как и ряд дальнейших стихотворений, датируется наличием автографа в тетради, заключающей стихотворения 1860 и 1861 гг.

70. Аничков, т. 9, с. 536. По упомянутому итальянскому имени относится, очевидно, к пребыванию в Италии.

71. Аничков, т. 9, с. 537. Об использовании Некрасовым этого отрывка см. во вступит. статье, с. 16.

72. С, 1862, № 1, с. 339. Здесь ст. 10 читается: «На труд и горе я готов»; это, очевидно, цензурный вариант. Цензурой исключена вторая половина ст. 21 и ст. 22, вместо которых стоят точки. Полностью — Изд. 1862. Печ. по Изд. 1934—1941, т. 6, с. 266.

73—74. Аничков, т. 9, с. 537.

75. С, 1862, № 1, с. 325, со строкой точек вместо последнего стиха и со следующим комментарием Некрасова: «Уже с предчувствием смерти в груди написал эти строки Добролюбов. Смерть, разумеется, не подождала». Эта попытка истолковать стихотворение как обращение к смерти сделана, конечно, для цензуры. Стихотворение явно обращено к революции. Это подтверждается и воспоминаниями, восходящими к ближайшему окружению Добролюбова (см. А. Дживелегов, Добролюбов и идея революции. — «Литература и марксизм», 1931, кн. 3, с. 66). Печ. по Изд. 1862, т. 4, с. 637.

76. Изд. 1862, т. 4, с. 633. Печ. по Изд. 1934—1941, т. 6, с. 267. Датируется, как и ряд дальнейших стихотворений, по месту автографа в тетради.

77. С, 1862, № 1, с. 338.

78. Аничков, т. 9, с. 481. В автографе между двумя строфами оставлено место для ненаписанной средней строфы.

79. Аничков, т. 9, с. 482.

80. «Русские поэты в биографиях и образцах» Н. В. Гербеля, СПб., 1873, с. 604, с примеч. Н. В. Гербеля: «Получено мною в оригинале от самого автора незадолго до его смерти, для моего альбома». Автограф на листе, вклеенном в альбом Н. В. Гербеля (ГПБ).

81. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 269. Автограф в собрании Н. В. Гербеля (ГПБ), представляющий собой тетрадный лист, — по-видимому, из тетради, в которой записывались стихи 1860—1861 гг. Вероятно, соединенные два листа были вырваны из этой тетради и подарены Добролюбовым Гербелю, который разъединил их и большое стихотворение вклеил в свой альбом (см. предыдущее примеч.). Счет листов в указанной тетради показывает, что действительно в одном месте не хватает двух листов.

82. Аничков, т. 9, с. 482.

83. Изд. 1862, т. 4, с. 634. Первоначальный вариант конца стихотворения:

И меня не посмеет терзать
За горячие ночи кручина.

Стихотворение вызвано, очевидно, впечатлениями от Неаполя, где Добролюбов жил с перерывами с марта по начало июня 1861 г.

84. Изд. 1862, т. 4, с. 637.

85. Аничков, т. 9, с. 537.

86. Аничков, т. 9, с. 483. Датируется временем пребывания Добролюбова в Риме (апрель — май 1861 г.). В стихотворении сказалось горячее сочувствие Добролюбова делу объединения Италии и вера в возможность немедленного присоединения к итальянскому королевству владений папы («святого отца»). См. во вступит. статье, с. 14 и примеч. 87.

87. Изд. 1862, т. 4, с. 634. Датируется пребыванием Добролюбова в Неаполе — с перерывами с марта по начало июня 1861 г. Судя по месту автографа в тетради, стихотворение написано, вероятно, в конце этого периода. Сочувствуя свержению династии Бурбонов и присоединению Неаполя к итальянскому королевству, Добролюбов, однако, подчеркивает, как далек этот переход под власть Савойской династии от *свободы истинной*. *Сент-Эльмо опустелый* — крепость в Неаполе, служившая тюрьмой, из которой Гарибальди освободил всех заключенных. *Трехцветным пламенем*. Знамя объединенной Италии было трехцветным. *Штуцер* — вид ружья.

88. Изд. 1862, т. 4, с. 636. В рукописи имеются следующие карандашные поправки, сделанные Некрасовым: в ст. 1 — «опытов» вместо «шалостей», в ст. 3 — «земных» вместо «плотских», в ст. 4 — «потому отчасти» вместо «даже часто слишком». На полях приписка Чернышевского: «Эти поправки карандашом сделал Некрасов для печатания. *Н. Черн.*». Видимо, поправки были сделаны для публикации в С, где стихотворение не появилось, в Изд. же 1862 оно напечатано без поправок.

89. С, 1862, № 1, с. 338. В С опубликовано с указанием Некрасова: «Вот пьеса, написанная на обратном пути». Место автографа в тетради и содержание стихотворения подтверждают это указание. Стихотворение датируется, очевидно, второй половиной июля 1861 г., когда Добролюбов ехал степью из Николаева через Харьков в Москву. *Мусульманская столица* — столица Турции Стамбул (Константинополь), лежащая на морском пути, которым Добролюбов возвращался из Италии в Россию.

90. С, 1862, № 1, с. 340. Это произведение высоко оценил Тургенев. В «Нови» он полностью перепечатал стихотворение, назвав его устами героини романа «удивительным». «Надо, — говорит Марианна, — такие стихи писать, как Пушкин, — или вот такие, как эти добролюбовские: это не поэзия... но что-то не хуже ее» (Тургенев, Полное собрание сочинений и писем, Сочинения, т. 12, М.—Л., 1966, с. 214—215).

91. Изд. 1862, в качестве эпиграфа на титульных листах всех томов и в т. 4, с. 639. Автограф неизвестен.

92. Аничков, т. 9, с. 11 (без указания на то, что это перевод). Перевод стихотворения «Mein süßes Lieb, wenn du im Grab...». Дата под следующим стихотворением «Февр. 1856 г.», возможно, относится и к данному стихотворению, написанному на одном листке со следующим.

93. Кранихфельд, т. 8, с. 321. Перевод стихотворения «Aus meinen Thränen sprießen...».

94. С, 1862, № 1, с. 342. Перевод стихотворения «Vergiftet sind meine Lieder...». Автографы — в ПД и ИЛШ.

95. С, 1858, № 12, отд. II, с. 219, в статье Добролюбова «Песни Беранже». Печ. по С, 1862, № 1, с. 341. Перевод стихотворения «An deine schneeweiße Schulter...». Автографы — в ПД и ИЛШ.

96. С, 1862, № 1, с. 341; Изд. 1862, т. 4. Печ. по Изд. 1934—1941, т. 6, с. 273. Перевод стихотворения «Das weiß Gott, wo sich die Tolle...». Автографы — в ПД и ИЛШ.

97. С, 1862, № 1, с. 342. Печ. по Изд. 1862, т. 4, с. 615. Перевод стихотворения «Ich unglücksel'ger Atlas! eine Welt...». Автографы — в ПД и ИЛШ.

98. С, 1858, № 12, отд. II, с. 219, в статье Добролюбова «Песни Беранже». Печ. по: С, 1862, № 1, с. 341. Перевод стихотворения «Es blasen die blauen Husaren...». Автографы — в ПД и ИЛШ.

99. С, 1862, № 1, с. 343. Перевод стихотворения «Die holden Wünsche blühen...». Автографы — в ПД и ИЛШ.

100. С, 1862, № 1, с. 334, без ст. 16, замененного строкой точек. Печ. по Изд. 1862, т. 4, с 615. Перевод стихотворения «Fragen». Автографы — в ПД и ИЛШ. *Кидар* — у древних иудеев головное украшение первосвященника, изготовлялся в виде чалмы из виссона, то есть тонкого белого полотна.

101. С, 1862, № 1, с. 342. Перевод стихотворения «Du hast Diamanten und Perlen...». Автографы — в ПД и ИЛШ.

102. С, 1862, № 1, с. 342. Печ. по Изд. 1934—1941, т. 6, с. 275. Перевод стихотворения «Bist du wirklich mir so feindlich?..». Автографы — в ПД и ИЛШ.

103. С, 1862, № 1, с. 343. Печ. по Изд. 1862, т. 4, с. 614. Перевод стихотворения «Herz, mein Herz, sei nicht beklommen...». Автографы — в ПД и ИЛШ.

104. С, 1862, № 1, с. 345, без загл. Печ. по Изд. 1862, т. 4, с. 616. Перевод стихотворения «Mädchen mit dem roten Mündchen...».

105. С, 1862, № 1, с. 345. Перевод стихотворения «Ich trat in jene Hallen...». Автографы — в ПД и ИЛШ.

106. С, 1862, № 1, с. 345. Перевод стихотворения «Und als ich euch meine Schmerzen geklagt...».

107. С, 1862, № 1, с. 345. Перевод стихотворения «Mag da draußen Schnee sich türmen...». Автографы — в ПД и ИЛШ.

108. С, 1862, № 1, с. 346. Перевод стихотворения «Über die Berge steigt schon die Sonne...». Автографы — в ПД и ИЛШ.

109. С, 1862, № 1, с. 346. Перевод стихотворения «Teurer Freund, du bist verliebt...». Автографы — в ПД и ИЛШ.

110. С, 1862, № 1, с. 344. Перевод стихотворения «In mein gar zu dunkles Leben...». Автографы — в ПД и ИЛШ.

111. С, 1862, № 1, с. 346. Печ. по Изд. 1862, т. 4, с. 617. Перевод стихотворения «Ich stand in dunkeln Träumen...». Автографы — в ПД и ИЛШ.

112. С, 1862, № 1, с. 345. Перевод стихотворения «Werdet nur nicht ungeduldig...». Автографы — в ПД и ИЛШ.

113. С, 1862, № 1, с. 347. Перевод стихотворения «Doch die Kastraten klagten...». Автографы — в ПД и ИЛШ.

114. Лемке, т. 1, стлб. 314. Перевод стихотворения «Morgens steh ich auf und frage...». Автографы — в ПД и ИЛШ.

115. Лемке, т. 1, стлб. 313—314. Перевод стихотворения «Die Mitternacht war kalt und stumm...». Автографы — в ПД и ИЛШ.

«СВИСТОК»

116—120. С, 1858, № 11, отд. II, с. 80, 81, 82, 84, 87, в неподписанной рецензии Добролюбова на «Стихотворения Михаила Розенгейма. СПб., 1858»; Изд. 1862, т. 4, в тексте той же рецензии, с заголовком над рецензией: «Первые стихотворения Конрада Лилиеншвагера» и сноской: «Эта рецензия помещается перед «Свистком», потому что тесно связана с ним. *Примеч. Издат.*». Часть наборной рукописи (здесь стихотворения 1—4) — в ГПБ; часть цензорской корректуры (здесь стихотворение 5 от ст. 36 до конца) — в ПД; черновая рукопись, озаглавленная «Мотивы современной русской поэзии» (включающая стихотворения 3 и 5 данного цикла), — в ГПБ. В рецензии возникает пародийный образ либерального поэта Конрада Лилиеншвагера, которому приписаны стихотворения 1, 4 и 5. Стихотворения 2 и 3 приписаны «злому приятелю», который в рецензии выражает подлинное мнение Добролюбова о стихах Розенгейма. Михаил Павлович *Розенгейм* (1820—1887) — либерально-дидактический поэт. О стихах Розенгейма и о борьбе Добролюбова с либеральной «обличительной литературой» см. во вступит. статье, с. 21—22.

1. В автографе — под загл. «Пора обновления Руси». Стремясь показать своей пародией, что либерально-обличительные стихи не что иное как дидактическая риторика, которой лишь придан внешний вид поэзии, Добролюбов перелагает здесь в стихи монолог положительного героя либеральной пьесы В. А. Соллогуба «Чиновник» (1856) Надимова. В подстрочном примечании Добролюбов приводит и текст монолога Надимова: «Нет, графиня, шутить тут нечего. Тут ничего нет смешного, и смеяться я не в силах. Мне кажется, что тут, напротив, надо плакать, и каяться, и слезами покаяния стереть пятно, наложенное на нас веками. Надо вникнуть в самих себя, надо исправиться, надо крикнуть на всю Россию, что пришла пора, и действительно она пришла, *искоренить* зло *с корнями.* (В переложении эта тавтология исправлена. — Замечание Добролюбова. *Ред.*) Теперь словами не поможешь, надо действовать... и лучшее порицание дурному — пример хорошего. Надо, чтобы каждый из нас, кто дорожит честью своего края, пожертвовал собой и, не гнушаясь мелких должностей, в себе показывал бы другим образец».

2. Здесь, с той же целью, что и в предыдущем стихотворении, в стихи переложен отрывок из статьи «Несколько мыслей о судопроизводстве», напечатанной в «Русском вестнике» (1858, август, кн. 2) под инициалами Х. Д. Добролюбов приводит и текст абзаца статьи, переложенной им в стихи: «В стране, где устраивают железные дороги и пароходное движение, где поощряется устройство и развитие всяких промышленных предприятий, где сняты с народа оковы, препятствующие его свободному труду, где возвышают уровень народного воспитания, где вызывают к деятельности и движению все живые силы; в стране, которая громко просится на полезный и свободный труд, — можно ли еще сомневаться, что в такой стране необходима адвокатура как непременная часть преобразованного судопроизводства, как вернейшее средство в одно и то же время обеспечить правильность и быстроту суда и открыть народной деятельности новый источник к умножению частного богатства, к полезному занятию множества юных сил?»

3. В автографе — под загл. «Окаянному поборнику взяток». В стихотворении Добролюбов издевается над «силой выражения» в стихах Розенгейма, проявляющейся в таких словах и фразах, как «отступники», «бесстыдно», «по горбам придется бить».

4. «Я не вижу, — пишет Добролюбов в рецензии, — отчего бы г. Розенгейм, говоря, «что к богатству есть пути, кроме краж и взяток», заслуживал за это более почтения, нежели г. Лилиеншвагер, утверждающий, что „грех и стыдно красть“». Эпиграф из Кантемира (сатира «К музе своей», ст. 35) подчеркивает «безымянность» «обличительной литературы» — то отсутствие имен виновников, над которым Добролюбов постоянно издевался.

5. В черновой рукописи — под загл. «Уловленный крючкотворец». *Теперь по Щедрину вас русский свет узнал* — см. примеч. 134.

121—127. Часть цикла впервые напечатана в Св. 1, часть в «Искре» 1859 г., часть в Изд. 1862. Цикл объединяется на основании наборной рукописи (ГПБ), включающей четыре первых стихотворения, и черновой рукописи «Мотивов современной русской поэзии» (ГПБ), включающей стихотворения 1, 2, 5, 6 и 7, а также два стихотворения,

вошедших в рецензию на «Стихотворения Михаила Розенгейма» (см. предыдущее примеч.).

1. Св. 1, с. 212, с рядом цензурных пропусков: отсутствуют ст. 5—12 и 21—28. Печ. по Изд. 1862, т. 4, с. 355. Черновой автограф под загл. «Хор литературных обличителей» — в ГПБ.

2. Св. 1, с. 213. Черновой автограф, без загл., с изменениями в тексте — в ГПБ. *«Всегда и везде»* — название стихотворения Гете. Приводим строфы 4 и 7—9 по черновому автографу:

Я видел листья на осине;
Они все жалобно тряслись.
И вспомнил я о господине,
Что заставлял истцов трястись.

Я видел в молодой княгине
Любовь к отчизне и добру.
И вспомнил я о господине,
Лишь падком к злату и сребру.

Видал лягушек я в трясине,
Видал на людях комаров,
Видал шмеля на георгине,
Видал вкруг дам офицеров.

И всюду, в свете и в пустыне,
И на земле и на воде,
Я вспоминал о господине,
Берущем взятки на суде.

В «посвящении» перечисляются герои ряда комедий — либеральные болтуны-обличители: *Надимов* — герой пьесы В. А. Соллогуба «Чиновник» (1856), *Волков* — герой комедии Н. М. Львова «Свет не без добрых людей» (1857), *Фролов* — герой его же комедии «Предубеждение, или Не место красит человека, человек — место» (1858), *Фолянский* — герой комедии Л. Пивоварова «Надежда на будущее» (1858). *Фридберг* Е. И. — балерина, выступавшая в Петербурге в сезон 1857—1858 г. *«Катарина»* — балет Жюля Перро.

3. Св. 1, с. 214. Печ. по Изд. 1862, т. 4, с. 354. Черновой автограф — в ГПБ. *Винный пристав* — чиновник, контролировавший продажу водки откупщиками — частными лицами, откупавшими у государства монопольное право продажи водки в известном районе. *Еще откуп имеет поборников.* Откупная система была отменена в 1861 г. *Целовальник* — продавец водки в кабаке.

4. «Искра», 1859, № 8, с. 81. Черновые и наборная рукописи — в ГПБ. *Дважды в год, как известно, снимаются Все мосты на Неве.* Мосты через Неву первоначально были понтонными и снимались во время ледохода и ледостава. Первым постоянным мостом в Петербурге был *Благовещенский* (ныне — мост Лейтенанта Шмидта). *Такция* — такса.

5. Изд. 1862, т. 4, с. 593. Автограф — в ГПБ. О близости данного стихотворения к стихотворению «Рыцарь без страха и упрека» см. во вступит. статье, с. 25—26. Какое из двух стихотворений

написано раньше — неясно, так как стихи, вошедшие в цикл «Юное дарование, обещающее поглотить всю современную поэзию» (№№ 156—162), напечатанный в 1860 г., могли писаться разновременно. Комментируемое стихотворение содержит ряд иронических цитат и перифраз из стихов Плещеева. *Лишь веры и любви светильник благотворный* и т. д. Ср. в стих. Плещеева «С . . . . у»:

И веры и любви светильник животворный
Да не зальет в тебе житейская волна.

Светил мне на борьбу во тьме неправды черной. Ср. в стих. Плещеева «Тобой лишь ясны дни мои»:

Молю, чтоб в сердце не погас
Огонь вражды к неправде черной;
Чтобы к борьбе со злом упорной
Готов был друг твой каждый час.

Подъяв чело, я шел бестрепетной стопой. Ср. в стих. Плещеева «С . . . . у»:

Подъяв чело, иди бестрепетной стопою...

Я закалял свой дух в горниле испытанья. Ср. в стих. Плещеева «Не говорите, что напрасно...»:

Пусть дух изведает страданье,
В борьбе пусть будет закален,
И из горнила испытанья
И чист и крепок выйдет он.

Зажжет у них в крови Луч правды доблестной и луч святой любви... Ср. в стих. Плещеева «Странник»:

Что правды луч, что луч святой любви
Зажжет в сердцах озлобленных она.

6. Изд. 1862, т. 4, с. 594. Автограф — в ГПБ. Пародия на следующее стихотворение Плещеева:

Трудились, бедные, вы, отдыху не зная,
Судьбе покорные, трудились день и ночь
И думали: знать, доля уж такая
Нам богом суждена — и горю не помочь!

Смочив поля кровавым, скорбным потом,
Вы знали, что не вам они готовят плод;
Но не роптали вы, согбенные под гнетом.
Нет! вы несли свой крест, как праведник несет.

И тот, кто мир своею чистой кровью
От рабства искупил, кто, как и вы, страдал,

Кому молились вы смиренно и с любовью,
Вам избавителя венчанного послал.

И настает пора святая возрожденья!
Да будет ясен дня грядущего рассвет,
Да принесет он вам с прошедшим примиренье
И раны вековой да уврачует след!

См. вступит. статью, с. 22—23. Образ «благородного пансиона» для обозначения монархической России употреблен Добролюбовым также в «Письме благонамеренного француза» (в «Свистке»): «Вы еще, так сказать, отроки, безмятежно совершающие свой курс в тишине благородного пансиона» (Изд. 1961—1965, т. 7, с. 477). Фамилия прежнего «содержателя пансиона» *Фальбала* взята из «Графа Нулина» Пушкина («А в благородном пансионе у эмигрантки Фальбала»).

7. Изд. 1862, т. 4, с. 595. Автограф — в ГПБ. Пародия на ряд стихотворений Майкова, вошедших в его сборник 1858 г., и тем самым — на все творчество Майкова. См. об этом во вступит. статье, с. 33. Первоначальный порядок стихов в рукописи: 1—18, 25—36, 19—24, 37—40. *Сердцем, как Гете, на всё отозвался.* Пародийное использование строк из стих. Баратынского «На смерть Гете»:

На всё отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа.

Вот прохожу я по вспаханной ниве и т. д. Пародируется стих. Майкова «Нива» (1856). Ср. в особенности ст. 24—29:

О боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба,
Но, хлебом золотя простор ее полей,
Ей также, господи, духовного дай хлеба!
Уже над нивою, где мысли семена
Тобой насажены, повеяла весна...

Ср. пародию на это стихотворение («Лето», № 130). *Реют над нивою птички живые* и т. д. Пародируется стих. Майкова «Поле зыблется цветами». Ср. особенно строфу:

Взор мой тонет в блеске полдня...
Не видать певцов за светом...
Так надежды молодые
Тешат сердце мне приветом.

Вот к нам на лето летят журавли и т. д. Пародируется стих. Майкова «Журавли». Ср. последнюю строфу:

Здесь этих вод и лесу вволю,
На нивах сочное зерно...
Чего ж еще? Ведь им на долю
Любить и мыслить не дано...

По небу чистому тучки гуляют и т. д. Пародируется стих. Майкова «Облачка». *Ветер ли веет: так умственный гений* и т. д. Пародируется стих. Майкова «Эоловы арфы»:

Засуха!.. Воздух спит... и небеса молчат...
И арф эоловых безмолвен грустный ряд...
Те арфы — это вы, певцы моей отчизны!
То образ ваших душ, исполненных тоской,
Мечтой заоблачной и грустной укоризной!..
Молчат они, молчат, как арфы, в этот зной!..
Но если б мимо их промчался вихрем гений
И жизни дух пахнул в родимой стороне —
Навстречу новых сил и новых откровений
Какими б звуками откликнулись оне!..

Эолова арфа — ящик из тонких дощечек с натянутыми на нем струнами, которые звучат от действия ветра. *Виден подснежник над рыхлым снежком* и т. д. Пародируется стих. Майкова «Весна» (1857):

Голубенький, чистый
Подснежник-цветок!
А подле сквозистый
Последний снежок.

Последние слезы
О горе былом,
И первые грезы
О счастьи ином.

Вижу, коляску мчат кони вдали. Намек на стих. Майкова «Коляска» (1854) — панегирик Николаю I, по которому Майков получил в демократической сатире 60-х годов кличку «Аполлон Колябкин».

128. Изд. 1862, т. 4, с. 589. Автограф — в ГПБ. Первоначальный текст под загл. «Современная демоническая натура, или Страдания г. Калиновича» — С, 1911, № 11, с. 279, в статье Е. Аничкова и В. Княжнина «Дела и дни Н. А. Добролюбова». В этой редакции стихотворение состояло из 40 строф. Приводим основные варианты ранней редакции:

Вместо строфы 1 окончательной редакции:

Какое жгучее страданье!
Горю я в медленном огне!
Ты не поймешь мои терзанья,
Толпа завидующих мне.

Ты видишь лишь мою карету,
Дрожишь пред золотом моим,
Но ты не видишь душу эту,
Огнем горящую святым,

Не зришь пожар моих стремлений
И реки ядовитых слез!

Мой благородный, гордый гений
Твои понятья перерос.

Вместо строф 4—8

Нет, не таков я. Все порывы
Души возвышенной моей
Во мне и действенны и живы
При блеске денег и честей.

Когда объято было спячкой
Всё вкруг меня в толпе пустой,
Страдал я жолчною горячкой,
Но шел на путь широкий свой!

Достиг богатства я и чести
Затем, чтоб делать что-нибудь;
Обманов, низостей и лести
Исполнен был мой тяжкий путь.

И вот теперь толпа пустая
Мне вслед завистливо глядит,
Во мне счастливца признавая,
Меня судом своим язвит.

Но, люди! ежели б вы знали
Весь ад души моей больной, —
Вы, верно б, мне не отказали
Оплакать горько жребий мой.

О братья! Ведь любовь к собрату,
Любовь к добру я сохранил!
Еще душа моя богата
Избытком дум и свежих сил.

Но в этой жизни благодатной,
Какой я наконец достиг,
Какой-то демон непонятный
Меня карает каждый миг.

Он ставит грозные преграды
Для всех святых моих идей
И не дает вкусить отрады
Быть благодетелем людей.

Но никогда так зло, как ныне,
Он не смеялся надо мной.
Он оскорбил мою святыню,
Разбил души моей покой.

К каким чистейшим наслажденьям
Себя готовил я вчера!
С каким я ныне восхищеньем
Стремился к подвигу добра!

Вместо строфы 12	С негодованием глубоким О них я выслушал рассказ И, чувством движимый высоким, Решился действовать сейчас. Велел я заложить карету, Чтоб ехать бедных отыскать И словом братского привета И самым делом поддержать.
После строфы 18	Нельзя стремлений благородных Осуществить в толпе людей Дрянных, бессмысленных, негодных, Заплывших в пошлости своей.
После строфы 19	[Лишь приступи к благому делу, — Уже готов твой тайный враг, И путь твой преградит он смело, Парализуя каждый шаг. Лишив покоя и отрады И веру и любовь губя, Неодолимые преграды К добру он ставит для тебя.]
После строфы 21	Какой насмешкою ужасной Меня мой демон поразил! Отрады чистой и прекрасной Меня как злобно он лишил!.. [Любовью к бедняку томиться И, быв не в силах пособить, В бесплодной ярости беситься — Что может горестнее быть? . .]

Фамилия главного героя романа Писемского «Тысяча душ» (Калинович) в первоначальном заглавии стихотворения заставляет считать, что стихотворение было задумано как сатира на роман Писемского, но потом Добролюбов, видимо, предпочел придать своей сатире более широкое значение. Датируется на основании тетради (ПД), где стихотворения вписаны в хронологическом порядке и после стихотворения «Наш Олимп», помеченного 16 августа 1858 г., записано заглавие «Страдания вельможного филантропа», но самое произведение не вписано. Это обоснование датировки подтверждается выходом романа «Тысяча душ» в 1858 г. («Отечественные записки», 1858, №№ 1—6).

129—132. Св. 2, с. 359, 360. Наборная рукопись в ГПБ, цензорская корректура в ЦГАЛИ. Стихотворения написаны на листке почтовой бумаги, вложенном в наборную рукопись Св. 2. Это дает основание предполагать, что стихи были написаны не непосредственно для Св. 2, как остальные произведения, вошедшие в номер, а ранее

(то же имело место для «Мотивов современной русской поэзии» в Св. 1; ср. примеч. 121—127), возможно, еще в 1858 г. (Св. 2 вышел в апреле 1859 г.).

⟨К предисловию⟩. *Розенгейм* М. П. — см. примеч. 116—120. *Майков* А. Н. (1821—1897). Об отношении Добролюбова к его поэзии см. вступит. статью, с. 33 и примеч. 127. *Бенедиктов* В. Г. (1807—1873) — в 30—40-е годы — характерный представитель вульгарного романтизма, в 50—60-е годы — «гражданский поэт» либерального направления. *Дружинин* А. В. (1824—1864) — критик, пропагандист идей «чистого искусства».

1. По-видимому, пародия на стих. Розенгейма «Весна» («Други, тает! в поле, в поле! . .»). *Вертоград* — сад. Ст. 14 в рукописи первоначально: «Человеческих сынов», затем — «Канцелярий и судов». Окончательный вариант, *Правых английских судов,* намекает на англоманию, распространенную среди русских либералов и в эту пору особенно насаждавшуюся Катковым в «Русском вестнике».

2. Пародия на стих. Майкова «Нива» (текст его частично приведен в примеч. 127). Ср. в особенности ст. 24—27 стихотворения Майкова. Отзыв о «Ниве», уясняющий трактовку Добролюбовым этого стихотворения, имеется в напечатанной почти одновременно с пародией рецензии на «Сборник избранных мест из произведений современных русских писателей»: «Неужели не вредно для развития эстетического вкуса чтение плохо сделанного, дидактического стихотворения г. Майкова «Нива»? Взгляд на работы поселян на ниве пробуждает в авторе мысль о том, чтобы созрела у нас жатва просвещения... И это — поэзия! . .» (Изд. 1961—1965, т. 4, с. 355).

133. Изд. 1862, т. 4, с. 592. Автограф — в ГПБ. Датируется 1859 г., так как пародирует стих. М. П. Розенгейма (см. примеч. 116) «Элегия» («Русский вестник», 1859, № 9, с. 179. Позднейшее название — «Плач откупщика»). Первоначальный вариант строфы 4:

Раз я было вздумал дрянного купчишку
Под вечер в лесу облупить;
Стащить из повозки успел сундучишко
И в ближней деревне укрыть.

Розенгеймо-русская элегия. «Русские элегии» — название цикла стихотворений Розенгейма в его сборнике 1858 г., написанных как бы от лица старых чиновников, помещиков, откупщиков и пр., оплакивающих прежнее время и негодующих на гласность и либерализм. Стихотворение Добролюбова намекает на взяточничество самого Розенгейма в бытность его городничим в Белостоке (в 1854—1855 гг.). Ср. эпиграмму «Розенгейму» в «Альбоме ипохондрика» Н. Ф. Щербины. Анализ пародии см. в статье Н. Г. Леонтьева «Добролюбов-пародист» («Уч. зап. Лен. гос. университета», серия филологич. наук, вып. 30, Л., 1957, с. 125).

134. Св. 2, с. 366. Наборная, по-видимому, рукопись — в ПД; цензорская корректура — в ЦГАЛИ. Ст. 34 в рукописи и корректуре читается: «За зло считал он капитал». Стихотворение тесно связано со статьей Добролюбова «Литературные мелочи прошлого года»

(Изд. 1961—1965, т. 4, с. 48 сл.; вторая часть этой статьи напечатана в том же номере С, что и «Наш демон»). В начале статьи в С иронически применены перефразированные цитаты из стих. Пушкина «Демон» (см. об этом во вступит. статье, с. 20). *Когда Россия с умиленьем Внимала звукам Щедрина.* Несколько ироническое отношение Добролюбова к шумному успеху высоко оцененных им «Губернских очерков» (1856—1857) Щедрина объясняется тем, что это произведение вскоре положило начало совершенно измельчавшей «обличительной литературе», с которой Добролюбов постоянно боролся. *Рассуждала с увлеченьем, Полезна палка иль вредна.* Споры по вопросу о «телесном наказании» высмеяны Добролюбовым в «Литературных мелочах прошлого года» (Изд. 1961—1965, т. 4, с. 102). *Возгласы раздавались, Чтоб за людей считать жидов.* См. «Письмо из провинции» в Св. 1 (Изд. 1961—1965, т. 7, с. 320 сл.). См. дальше под словом «протестанты». *Мужики освобождались.* Имеется в виду разработка в 1858 г. губернскими комитетами и Главным комитетом по крестьянским делам проектов крестьянской реформы. *Вред был сознан откупов.* См. «Литературные мелочи прошлого года» (Изд. 1961—1965, т. 4, с. 86). Об откупной системе см. примеч. 123. *Громека с силой адской всё о полиции писал.* Громека С. С. (1823—1877) — либеральный публицист, а прежде жандармский офицер — поместил в «Русском вестнике» 1857—1859 гг. ряд обличительных статей о полиции, имевших громкий успех. *Когда в газетах Вышнеградский* и т. д. В статье «Русские в доблестях своих» (в Св. 1) Добролюбов высмеивает начальника петербургских училищ для приходящих девиц, известного педагога Н. А. Вышнеградского (1821—1872), печатно просящего, «чтобы ему не давали взяток» (см. Изд. 1961—1965, т. 7, с. 314). *Когда мы гласностью карали Злодеев, скрыв их имена.* Добролюбов постоянно издевался над «анонимностью» обличений, то есть над манерой скрывать подлинные имена виновников под инициалами или вымышленными именами. *Сэй* Жан-Батист (1767—1832) — французский буржуазный экономист, родоначальник школы вульгарной политической экономии, стремившийся представить капиталистическое общество как результат гармонического взаимодействия труда, капитала и природы. *«Атеней»* — литературный журнал, издававшийся в 1858—1859 гг. в Москве, под редакцией Е. Ф. Корша. В заметке «Атенейные стихотворения» (см. Изд. 1961—1965, т. 7, с. 535) Добролюбов показал низкое качество стихов, печатавшихся в «Атенее». *Не оценил комедий Львова.* Львов Н. М. (1821—1872) — автор либеральных комедий «Свет не без добрых людей» и «Предубеждение» — оценивался Добролюбовым как «благонамеренно-бестолковый фразер». Первоначальный вариант этого стиха в рукописи: «Не верил доблести Фролова». Фролов — герой «Предубеждения». *Кокорев* В. А. (1817—1889) — миллионер-откупщик, впоследствии либеральный публицист, деятельность которого «Современник» систематически разоблачал; много писал о Кокореве сам Добролюбов. *Экономисты* — буржуазная школа в политической экономии (в марксистской терминологии — «вульгарные экономисты»). *Вернадский* И. В. (1821—1884) — один из русских представителей этой школы; с ним неоднократно полемизировал Чернышевский. *Нужна ли грамотность иль нет.* В 1856—1857 гг. В. И. Даль напечатал ряд статей о вреде для народа «грамотности без

просвещения». Полемика по этому вопросу длилась и в 1858 г. В статье «Литературные мелочи прошлого года» Добролюбов писал: «...на поприще грамоты и розог успехи наши в прошлом году несомненны. Много уже сделано; говоря словами одной современной песенки,

Мы обсуждали очень тонко
(Хоть не решили в этот год),
Пороть ли розгами ребенка,
Учить ли грамоте народ».

(Изд. 1961—1965, т. 4, с. 103)

Строфа, вероятно, принадлежит самому Добролюбову. *Чтоб мужика не барин сек.* Имеется в виду журнальная полемика 1858 г. о том, должны ли помещики иметь право наказывать розгами временнообязанных крестьян или сечение должно быть предоставлено сельскому управлению. *Протестанты* — участники протеста против клеветы журнала «Иллюстрация», который объявил двух литераторов-евреев, принявших участие в полемике о расширении гражданских прав евреев, «агентами жида N, который не жалеет золота». В протесте приняло участие около 150 литераторов, в том числе много никому не известных, как упоминаемые В. Милеант и Е. Милеант. Добролюбов отнесся к протесту как к либеральной шумихе. Он писал: «Зачем это, думал я, русские ученые и литераторы ополчились в крестовый поход для доказательства того, что клевета гнусна? Неужели они полагают, что это еще предмет неизвестный и спорный для русского общества?» («Письмо из провинции» — Изд. 1961—1965, т. 7, с. 325). *Не оценил он Розенгейма, Ростопчину он осмеял.* Имеются в виду рецензии: Добролюбова на «Стихотворения» М. Розенгейма (см. примеч. 116), Чернышевского на «Стихотворения гр. Е. Ростопчиной» и Добролюбова на роман Ростопчиной «У пристани». К творчеству «светской» писательницы Е. П. Ростопчиной (1811—1858) оба критика отнеслись отрицательно; рецензии их написаны в ироническом тоне. *Бес отрицанья, бес сомненья.* Пародийное использование стиха из стих. Пушкина «Ангел» («Дух отрицанья, дух сомненья...»).

135. Св. 2, с. 380. Наборная рукопись, без загл. — в ГПБ.

136. Св. 3, с. 500. Наборная рукопись — в ГПБ; цензорская корректура — в ПД. В рукописи и в корректуре — без заглавия. Написано в виде комического перепева стих. Пушкина «В часы забав иль праздной скуки...». Добролюбов проводит аналогию между этим стихотворением, вызванным стихами московского митрополита Филарета («Не напрасно, не случайно...»), полемически направленными против стихов Пушкина («Дар напрасный, дар случайный...»), и своей пародией, в которой Конрад Лилиеншвагер якобы раскаивается в дерзком стихотворении «Наш демон», прочтя «Письмо в редакцию» „Московских ведомостей“» (1859, № 95) с оценкой «Свистка» как «литературного мальчишества и паясничества». *Бес отрицанья и сомненья* — строка из стихотворения «Наш демон» (№ 134). *За непростительную дерзость г. Лилиеншвагера досталось и нам и ему.* Имеется в виду «Письмо в редакцию „Московских ведомостей“»

(1859, № 95), перепечатанное в Св. 4, в примеч. 55 к «Дружеской переписке Москвы с Петербургом». *И притом почти немецкая натура.* В рукописи и корректуре: «и притом полунемецкая натура». *Во дни пасхальных балаганов.* В упомянутом «Письме в редакцию» «Свисток» назван «балаганным отделом «Современника» (возобновленным, вероятно, по случаю недавних праздников)». Очевидно, Добролюбов откликается и на статью Герцена «Very dangerous!!!» («Очень опасно!!!») в «Колоколе». Герцен, защищая «обличительную литературу», намекал на «Свисток» словами: «...при большом театре ставят особые балаганчики для освистывания первых опытов свободного слова литературы...» (Герцен, т. 14, с. 116).

137—140. Св. 3, с. 531, 532, 533, 535. Наборная рукопись предисловия и 3-го стихотворения — в ГПБ; остальных — в ПД. Цензорская корректура — в ПД. В предисловии Добролюбов снова, как и в предисловии к «Четырем временам года» (см. № 129), сближает Майкова с либеральными обличителями Бенедиктовым и Розенгеймом. Но в «Четырех временах года» пародируется главным образом либеральная дидактика, здесь — шовинистическая поэзия. Говоря о Майкове, Добролюбов имеет здесь в виду его военно-патриотические стихи эпохи недавней войны (1853—1856 гг.). «Австрийский поэт Яков Хам», от имени которого написаны стихи, сопоставляется еще с Державиным как автором военно-монархических од, а в предисловии к «Неаполитанским стихотворениям» (№ 164) — с Пушкиным (как автором «Бородинской годовщины» и «Клеветникам России») и Хомяковым, на фамилию которого, по-видимому, и намекает псевдоним *(Хомяков — Хам Яков).* Война Австрии с Францией и Сардинским королевством (Пьемонтом), которой посвящены стихотворения, началась 29 апреля 1859 г. и закончилась 11 июля того же года заключением Виллафранкского мирного договора, по которому к Пьемонту была присоединена итальянская область Ломбардия, с 1815 г. входившая в состав Австрии. Война вызвала по всей Италии подъем движения за объединение ее и освобождение земель, находящихся еще под австрийским владычеством.

1. Загл. в рукописи и корректуре — «Глупым народам».

2. *Наполеон* III (1808—1873) — с 1852 г. император Франции. *Курить на улицах не будут.* Намек на существовавшее тогда в России запрещение курить на улицах (во избежание пожаров), отмененное только в 1865 г.

3. *Виндишгрец* Альфред (1787—1862), *Радецкий* Иосиф Венцель (1766—1858), *Гайнау* Юлий Якоб (1786—1853), *Гиулай* Франц (1798—1868) — австрийские фельдмаршалы, участвовавшие в войне Австрии с Сардинским королевством 1848—1849 гг. и одновременном подавлении антиавстрийских восстаний в Ломбардии и Венеции.

4. В рукописи заглавие — «При вести о заключении мира», в корректуре — «При заключении мира», подзаголовка нет. *Палестро, Мадджента, Сольферино* — местности, при которых австрийцы потерпели решившие войну поражения.

141. Изд. 1862, т. 4, с. 588. Написано, как и следующее стихотворение, по-видимому, в период 1858—1860 гг. Стихотворение

высмеивает идеи славянофилов, прославляющих отсталость и «смирение» как признаки «русского духа», якобы религиозного и чуждающегося внешней, «машинной» западной цивилизации. Сопоставлением «русского» и «немецкого» духа напоминает стих. «В прусском вагоне» (№ 174).

142. Изд. 1862, т. 4, с. 589. О датировке и направленности стихотворения см. предыдущее примеч. *Средь Волги, реченьки глубокой*... — аллюзия на широко распространенную с XVIII в. народную песню «Волга, реченька глубока...».

143—152. Св. 4, с. 8, 10, 13, 16, 17, 18, 20, 21, 23. Стихотворения 2—10 в составе части наборной рукописи — в ГПБ; цензорская корректура — в ПД. Автограф стихотворения 1 неизвестен. Статья Добролюбова «Наука и свистопляска» — большой памфлет против М. П. Погодина (1800—1875), историка и реакционного публициста, издателя журнала «Москвитянин» (1841—1856), защитника «теории официальной народности». Статья написана в форме юмористического отчета о диспуте между Погодиным и Н. И. Костомаровым (1817—1885), либеральным историком, профессором Петербургского университета, по вопросу о происхождении первых русских князей — варягов. Диспут состоялся 19 марта 1860 г. в актовом зале Петербургского университета. Погодин защищал мнение о норманском происхождении варягов. Костомаров выводил варягов из Жмуди (Литвы). Из десяти стихотворений, включенных в статью, три первых и четыре последних приписаны Конраду Лилиеншвагеру.

1. *Где странствовал Максимов очень долго.* Этнограф и беллетрист С. В. Максимов (1831—1901), исследовавший по поручению морского ведомства берега Белого моря и Ледовитого океана, издал в 1859 г. книгу очерков «Год на Севере». *Где Общество родного пароходства* и т. д. За три месяца до диспута о происхождении варягов в Петербурге в зале Пассажа состоялся публичный диспут, на котором разоблачалась деятельность акционерного «Русского общества пароходства и торговли».

2. Стихотворение предваряют след. строки: «Вообще варяжский вопрос сильно взволновал умы, так что, смотря на всеобщее движение Петербурга, г. Лилиеншвагер сочинил даже, во славу нашей любви к науке, следующее стихотворение, которое должно насвистываться на голос: „Вот на пути село большое“». Стихотворение написано в виде перепева стих. Пушкина «Поэт» («Пока не требует поэта...», 1827). *Перозьо* (Перозио) Н. П. — экономист, выступил на диспуте в Пассаже с разоблачением деятельности «Русского общества пароходства и торговли» (см. предыдущее примеч.).

3. *«Славься сим, Максим Петрович»* — перифраз припева известного «Хора» Державина:

Славься сим, Екатерина,
Славься, нежная к нам мать,

начинающегося словами:

Гром победы, раздавайся!
Веселися, храбрый росс!

Текст, цитируемый Добролюбовым, взят из рассказа М. Н. Загоскина «Официальный обед»: «Осип Андреевич Кочька или сам недосмотрел, или переписчики ошиблись, только в припеве польского второй стих остался без поправки — и певчие, по писанному, проревели во весь голос:

Славься сим, Максим Петрович,
Славься, нежная к нам мать!»

(«Сто русских литераторов», т. 2, 1841, с. 120). Погодина звали Михаил Петрович. *Мы созрели!* На диспуте Погодин сказал, что интерес, проявленный к диспуту обществом, «представляет доказательство, что мы созрели для рассуждения, для участия в вопросах всех родов для нас важных и нужных, теоретических и практических». *Помнишь, как тебя в Пассаже уложили в колыбель?* Диспут в Пассаже закончился скандалом. В ответ на шумные выражения симпатий публики к обличителям акционерного общества председатель диспута Е. И. Ламанский заявил, что поведение публики свидетельствует о том, что «мы еще не созрели» для публичного обсуждения общественных дел, и закрыл собрание, оставив вопросы, служившие предметом диспута, неразрешенными.

4. Комический перепев стих. Пушкина «Золото и булат». *Ламанский* Е. И. (1825—1902) — государственный деятель и экономист, автор трудов по истории денежного обращения и казенных кредитных учреждений в России. *«Не созрел», — сказал Ламанский* и т. д. — см. предыдущее примеч.

5. Стихотворение обыгрывает тот факт, что совокупность доказательств в пользу норманской теории Погодин уподобил пучку прутьев, который можно разломить по прутику, но не в целом. *Александр Васильевич Лазарев* — композитор-дилетант. *Федоров Б. М.* (1794—1875) — реакционный писатель и журналист. Много писал для детей.

6. Изложение Погодиным сказания о пучке прутьев было встречено в части публики шиканьем. *Мeнений Агриппа* — римский политический деятель; посланный в 494 г. до н. э. к плебеям, ушедшим на Святую гору, уговорил их вернуться — по легенде, рассказав им басню о членах тела, возмутившихся против желудка.

7. На диспуте Погодин сказал: «Когда я в 1825 году, именно 26 декабря, имел счастие представлять Карамзину мое рассуждение о происхождении Руси и вместе с тем перевод Эверса, то он меня спросил: «Зачем вы переводили Эверса?» — «Чтобы русская публика видела всю слабость его доказательств», — отвечал я. „Это излишне, — возразил Карамзин. — Если есть какая-нибудь истина, то это та, что Рюрик, Синеус, Трувор были норманны; это для меня так же ясно, как то, что Сципион был римлянин“» (Из отчета о диспуте. — С, 1860, № 3, с. 288). *Один* — верховное божество в мифологии древних скандинавов. *Помню — двадцать шестого числа* и т. д. Добролюбов подчеркивает дату — через несколько дней после восстания декабристов.

8. Стихотворению предшествует следующее место в статье: «Константин Багрянородный, византийский император X в. 〈...〉 перебирая разные местности 〈...〉 между прочим, говорит о семи порогах

на Днепре и приводит их названия на двух языках: по-славянски, говорит, называется так-то, а по-русски так-то. Ученые принялись добираться, какой же это язык разумеется под именем *русского*. Лерберг написал об этом даже чуть не целую книгу. Норманщики, разумеется, принялись объяснять все из скандинавских языков. Между этими порогами особенно два показались им ясны: *Варуфорос*, по-славянски *Вульнипраг*, и *Геляндри*. Нашли в скандинавском war — тихий, и fors — порог, а славянское имя растолковали — вольный праг; *вольный* и *тихий* — все равно, стало быть — ясно... Другой порог, *Гелянðри*, назван у Константина *по-славянски*, а как он по-русски, этого не сказано; но норманщики решили, что тут ошибка, и нашли в исландском точно такое слово с значением *шумящий*. Опять ясно. Руководясь такими светлыми соображениями, г. Погодин после всех доводов противника объявил, что Гелянðри и Варуфорос — это такие два столба, которые всегда поддержат норманство и выдержат какой угодно напор. Наш сосед, соперник г. Розенгейма, так воодушевился при этих словах г. Погодина, что немедленно развил их в следующих стихах» (следует стихотворение). *«Задеть мою амбицию...»* — начало популярного куплета из водевиля П. А. Каратыгина «Чиновник по особым поручениям» (1837).

9. Подзаголовок в рукописи и корректуре: «На голос: „В коленях у Венеры сынок ее играл"». Ср. в отчете о диспуте: «*Костомаров*. Примите, что господствующий элемент той колонии, которая к нам пришла под именем Руси, был литовский, а я допущу возможность некоторой, малой подмеси норманского...

Погодин. Если я вам и сделаю эту уступку, то прошу мне не верить, потому что внутри у меня теперь же шепчется, твердится совсем другое; в сердце моем остается убеждение, что в основании русского государства преобладает норманский характер...» (С, 1860, № 3, с. 291).

10. Стихотворение заканчивает статью «Наука и свистопляска». Оно написано как комический перепев популярного в то время романса на слова Е. П. Ростопчиной «Когда б он знал, что пламенной душою С его душой сливаюсь тайно я...». *Рыцарями Свистопляски* Погодин назвал деятелей «Современника» в открытом письме Костомарову с вызовом на диспут. *Музей продавши свой*. Погодин продал в 1852 г. правительству составленное им «древлехранилище», то есть собрание рукописных и археологических памятников, за колоссальную по тому времени сумму — 150 000 рублей серебром. *«Москвитянин», Где всяк писать из чести был бы рад*. Погодин был известен своей скупостью, в частности в расчетах с сотрудниками своего журнала «Москвитянин». *Его порыв к востоку, на Царьград*. Постоянной мечтой русского империализма было присоединение к России Царьграда (Константинополь, Стамбул), обеспечивающее контроль над входом в Черное море. *В «Путевых заметках»*. Имеется в виду книга Погодина «Год в чужих краях. Дорожный дневник» (М., 1844), часто приводившаяся как пример бессодержательных и бессвязных путевых записок и пародированная Герценом под заглавием «Путевые записки г. Вёдрина» (см.: Герцен, т. 9, с. 165). *Его статью я в «Парусе» читал*. Появление в славянофильской газете «Парус» (1859, № 2) статьи Погодина «Прошедший год в русской истории» было основной причиной запрещения газеты. Несмотря на

монархически-шовинистическую позицию автора, в статье было усмотрено «едкое унижение нашей внешней политики» и «вмешательство частного лица в виды и соображения правительства, несообразное с началами нашего государственного и общественного устройства». *Кокорев* — см. примеч. 134. *О жмудском деле* — то есть о происхождении варягов из Жмуди или Скандинавии. *Решась сказать, что все уж мы созрели* и т. д. — см. примеч. 145.

153—155. Св. 4, с. 25, 26, 27.

1. В журнале под загл. «Прогресс и толпа». Печ. по Изд. 1862, т. 4, с. 465. Наборная рукопись — в ГПБ; цензорская корректура — в ПД. Одно из сильнейших нападений Добролюбова на буржуазный либерализм и парламентскую лжедемократию. Перекликается со статьей «По поводу одной очень обыкновенной истории» (Изд. 1961—1965, т. 3, см. особенно с. 424). Написано в виде комического перепева одноименного стихотворения Пушкина. Заглавие в корректуре зачеркнуто цензором и заменено им на «Публика». Эпиграф — неточно цитированное начало оды Державина «Об удовольствии». Ст. 6 в С: «Жужжала вкруг толпа пустая» (в корректуре этот стих отсутствует). Ст. 12 в корректуре и С: «Бедняк и нынче так же тужит». Ст. 14—17 в корректуре и С читаются:

Всё в ожиданьи благ неверных
Мы только зрим из-за угла,
Директоров акционерных
Как улучшаются дела.

Ст. «Среди царюющего зла» взят из стих. Добролюбова «Памяти отца» («И делал я благое дело Среди царюющего зла»). В ст. 23 слово «парламентской», зачеркнутое в корректуре цензором, заменено в С словом «ораторской». Перед ст. 30 слово «Чернь» заменено в корректуре цензором словом «Публика»; в С — «Толпа». Ст. 30—32 в рукописи читаются:

Но дай нам хлеб, дай нам приют,
Доставь нам честную работу
И платой обеспечь наш труд.

Ст. 40—41 в рукописи читаются:

Трудитесь для поддержки тела,
Покамест не пробьет ваш час!

Эти стихи (отсутствующие в корректуре) не восстановлены в Изд. 1862; видимо, они были заменены не по цензурным соображениям.

2. Автограф неизвестен. Цензорская корректура — в ПД. *Шамиль* (ок. 1798—1871) — руководитель освободительного движения горцев Дагестана и Чечни, направленного против местных феодалов и колониальной политики русского царизма. Пленение Шамиля в 1859 г. вызвало в петербургском обществе взрыв неумеренного восторга, осмеянного Добролюбовым. *Хрия* — термин школьной риторики, означавший совокупность приемов для развития предложен-

ной темы. *Газетное названье. «Наше время»* — еженедельная «газета политическая и литературная», начала выходить под редакцией Н. Ф. Павлова в 1860 г.

3. Автограф неизвестен. Цензорская корректура — в ПД. Ст. 16 по указанию цензора, сделанному в корректуре, напечатан в С в таком виде: Н ** — — И ** — — П** — — . . . . Печ. по Изд. 1862, т. 4, с. 467. В ст. 11, вероятно, опечатка; поэтому в ряде изданий этот стих напечатан с конъектурой: «Не хочу я брани и укора». Стихотворение связано со статьями Добролюбова «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» (Изд. 1961—1965, т. 6, с. 7—31) и «От дождя да в воду» (Изд. 1961—1965, т. 7, с. 133—160). Оно, как и статьи, обличает компромиссную позицию знаменитого врача и педагога Н. И. Пирогова (1810—1881) в отношении телесных наказаний (см. вступит. статью, с. 19—20). Написано в виде комического перепева стих. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу. . .» (1841). *Лютер* Мартин (1483—1546) — основатель протестантизма (лютеранства). *Говорил я нынче очень вольно, — Горячо отстаивал его* и т. д. «Правила о проступках» приравнивали «оскорбление за веру (фанатизм)» к «оскорблению посторонних лиц», последнее же «в третьей степени» наказывалось розгами. Очевидно, предполагается, что лютеранин проявил «фанатизм в третьей степени», горячо защищая Лютера. *Я б хотел, чтоб для меня собрался Весь педагогический совет* и т. д. В «Правилах» сечение разрешалось лишь «по определению педагогического совета, по большинству трех четвертей голосов по закрытой баллотировке». *Табличку наказаний Показавши молча на стене* и т. д. «Правила» предлагали повесить в каждом классе на стене табличку проступков и наказаний, «к которой провинившегося ученика дóлжно подводить и молча указывать ему то место, где поименован его проступок с соответствующим ему наказанием».

156—162. Св. 5, с. 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34. Автограф неизвестен. Цензорская корректура — в ПД. Об этом цикле см. во вспупит. статье, с. 34. *Ах, не всё нам слезы горьки*е и т. д. — цитата из «богатырской сказки» Н. М. Карамзина «Илья Муромец», ч. I, ст. 34—37. *Как говорит г. Григорьев о г. Случевском.* Стихотворения молодого поэта К. К. Случевского (1837—1904), опубликованные в С и «Отечественных записках» 1860 г., вызвали восторженные похвалы поэта и критика Аполлона Григорьева (1822—1864), который писал: «Это сила идет, новая, молодая сила. Она может разлететься прахом или создать новый мир, прекрасный мир, что-нибудь одно из двух — среднего быть не может» (Ап. Григорьев, Беседы с Иваном Ивановичем о современной нашей словесности и о многих других вызывающих на размышление предметах. — «Сын отечества», 1860, № 6, с. 167).

1. Пародия на стих. Фета «Шепот, робкое дыханье. . .». В двух последних строках пародирован образ из стих. Фета «Давно ль под волшебные звуки. . .»:

Я спал. Над постелью моею
Стояла луна мертвецом.

5. Пародия на стих. А. Н. Апухтина «Песни» (С, 1859, № 9, с. 50).
6. Здесь использованы две строфы из стих. Добролюбова «Встре-

ча» (№ 25): 1-я строфа почти совершенно соответствует заключительной строфе «Встречи», а 2-я — начальной строфе.

7. Стихотворение направлено против лирики жалоб и самобичеваний «лишних людей». Другой разработкой той же темы, с тем же развитием сюжета и текстовыми совпадениями, является стихотворение «Презрев людей и мир и помолившись богу...» (см. примеч. 125). Данное стихотворение пародирует цикл «Последние элегии» Некрасова (1853), в основном второе стихотворение цикла («Я рано встал, недолги были сборы...»); ст. же 45—49 пародируют часть первого стихотворения некрасовского цикла («Душа мрачна, мечты мои унылы...»). Подробнее см. во вступит. статье, с. 24—25.

163. Св. 5, с. 40. Наборная рукопись — в ПД. Стихотворение связано с тем же диспутом между М. П. Погодиным и Н. И. Костомаровым, которому посвящена статья Добролюбова «Наука и свистопляска» (см. примеч. 143). После этого диспута М. П. Погодин опубликовал заметку «О публичном диспуте в зале С.-Петербургского университета» («Русская беседа», 1860, № 1, отдел «Смесь»). В статье Погодин так описывал возникновение диспута: «...я предложил ему ⟨Костомарову⟩ дуэль. Это было не что иное, как шутка ⟨...⟩ Но г. Костомаров ⟨...⟩ отвечал мне: я принимаю ваш вызов. Как ни неожиданно было для меня услышать это, но не мог же я сказать ему, будто струсив: нет, я пошутил! Я отвечал ему, разумеется: ну, так идем на бой». На заметку Погодина в С (1860, № 5) были помещены отклики Н. И. Костомарова («Последнее слово г. Погодину о жмудском происхождении первых русских князей») и Н. Г. Чернышевского («Замечание на «Последнее слово г. Погодину» г. Костомарова»), а в Св. — неподписанная заметка Н. А. Некрасова «Развязка диспута 19 марта», обрамляющая комментируемое стихотворение Добролюбова (см. Некрасов, т. 9, с. 581—582). Как показывает рукопись, стихотворение правлено Некрасовым: у Добролюбова ст. 8 читался: «И ставил свечки ты науке и „Свистку“», а ст. 20: «Он так высок, что мог легко тебя простить». Название стихотворения намекает на тему диспута («призвание варягов»). *Рыцари Свистопляски* — см. примеч. 152. *«Нестор»* — исследование Погодина (1839). *Прочь жалкий параллель Европы и Руси!* Имеется в виду статья Погодина «Параллель русской истории с историей западноевропейских государств, относительно начала» (в т. I его «Историко-критических отрывков», М., 1846). *С ученым видом знатока* — стих из «Евгения Онегина» (гл. 1, строфа 5).

164—171. Св. 6, с. 24, 26, 27, 29, 30, 31, 33. 3-е печ. по Изд. 1862, т. 4, с. 541, с одним исправлением по Св.; 5-е, 6-е и 7-е печ. по Изд. 1862, т. 4, с. 543, 545, 547 (здесь восстановлен ряд цензурных изменений); 8-е печ. по кн.: Н. А. Добролюбов, Стихотворения, «Библиотека поэта», Малая серия, М.—Л., 1962, с. 217. Наборная рукопись (в ПД) неполна: отсутствуют листы со стихотворениями 2, 3 и 4, стихотворение 8 обрывается на ст. 16. 1-я и 2-я корректуры — в ПД. «Неаполитанские стихотворения», как и «Австрийские стихотворения», написаны от лица реакционера-монархиста Якова Хама. В цикле речь идет о событиях войны конституционного Сардинского королевства (Пьемонта) с абсолютистским королевством Обеих Сицилий

(Неаполитанским) в 1860 г. См. вступит. статью, с. 14 и 27—30. ‹Предисловие›. *Новый журнал, который собирается издавать г-жа Евгения Тур* — «Русская речь», издававшаяся в 1861—1862 гг. Евгенией Тур (псевдоним беллетристки Е. В. Салиас де Турнемир, 1816—1892). *Новая газета* — «Современная летопись» «Русского вестника» (1861—1862), еженедельное издание.

1. В рукописи под стихотворением дата: «Июнь 1859». *Опять волнуются народы* и т. д. Летом 1859 г. произошли восстания в герцогствах Тосканском, Моденском, Пармском и в Романье, принадлежавшей к Папской области. Национальные собрания, созванные в этих областях, постановили присоединиться к Пьемонту, ставшему центром объединения Италии. Присоединение состоялось в марте 1860 г. *То королевство Двух Сицилий* и т. д. С 1735 г. королевством Обеих Сицилий (включавшим о. Сицилию и юг континентальной Италии, также называвшийся Сицилией) правила династия *Бурбонов*, последним представителем которой был *Франциск* (Франческо) II (1836—1894), занявший неаполитанский престол в мае 1859 г., наследовав своему отцу *Фердинанду* II (1810—1859). *И вольнодумству Филанджьери Нет входа в царский кабинет!* Генерал Карло Филанджиери, подавивший сицилийское восстание в 1848 г., был военным министром Неаполитанского королевства с июня 1859 г. по февраль 1860 г., когда был вынужден выйти в отставку, так как оказался слишком либеральным министром для правительства Франциска II. *Кавур с Маццини.* Сопоставление руководителя пьемонтского правительства графа К. Б. Кавура (1810—1861) с революционером Д. Маццини (1805—1872), приговоренным этим правительством заочно к смертной казни, сделано здесь, конечно, с точки зрения тупого сторонника самодержавия Якова Хама; сам Добролюбов резко отрицательно относился к Кавуру и восторженно к Маццини.

2. Пародия на стих. А. С. Хомякова «„Гордись!" — тебе льстецы сказали...» (1839). Приводим несколько отрывков из стихотворения Хомякова, особенно близких к пародии:

«Гордись», — тебе льстецы сказали, —
Земля с увенчанным челом,
Земля несокрушимой стали,
Полмира взявшая мечом!

. . . .

Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись:
Всей этой силой, этой славой,
Всем этим прахом не гордись!

. . . .

Бесплоден всякий дух гордыни,
Неверно злато, сталь хрупка:
Но крепок ясный мир святыни,
Сильна молящихся рука.

И вот за то, что ты смиренна,
Что в чувстве детской простоты,
В молчаньи сердца сокровенна,

Глагол творца приняла ты, —
Тебе он дал свое призванье,
Тебе он светлый дал удел:
Хранить для мира достоянье
Высоких жертв и чистых дел;
Хранить племен святое братство,
Любви живительный сосуд,
И веры пламенной богатство,
И правду, и бескровный суд.
Твое всё то, чем дух святится,
В чем сердцу слышен глас небес,
В чем жизнь грядущих дней таится,
Начало славы и чудес! ..
. . . .
И станешь в славе ты чудесной
Превыше всех земных сынов,
Как этот синий свод небесный —
Прозрачный вышнего покров.

На место туманных религиозно-славянофильских призывов Хомякова Добролюбов подставляет их политический эквивалент: антиреволюционность, покорность власти, прославление застоя. *Святой Дженаро* (Январий, III в.) — епископ, казненный гонителем христиан римским императором Диоклетианом. В Неаполе, покровителем которого считался Дженаро, в главном соборе хранились две склянки якобы с «чудотворной» кровью Дженаро.

3. Пародия на военно-патриотическое стих. А. Н. Майкова времени Крымской войны «Послание в лагерь» (1854):

Меж тем как вы, друзья, в рядах родных полков
Идете божьею грозою на врагов,
О, как хотелось бы хоть знак подать вам, братья,
Чтоб видели вы к вам простертые объятья,
Чтоб знали чувства вы, бушующие в нас,
Чтоб мощь оставшихся вся в вас перелилась!
Мой стих есть тоже меч — и с вашими мечами
Ужели не блеснет за Русь он под грозой?
Ужели может он молчать перед врагами?
К вам шлю его, друзья, в ваш лагерь боевой.
В нем вся моя душа помчится с вами в битве.
Я чувствую, что в нем есть сила, как в молитве.
В нем блещет идеал России молодой,
Который светит нам водительной звездой,
Тот гордый идеал, который, окрыляя
Любовию наш дух в годину горьких бед,
Всё осязательней и ярче тридцать лет
Осуществляется под скиптром Николая.

Об устанавливаемых в пародии аналогиях между сицилийской и русской монархией см. во вступит. статье, с. 30—31. *Апрельские происшествия в Сицилии.* В течение всего апреля 1860 г. длилось восстание на острове Сицилия против неаполитанского правительства.

В С — в политических обзорах Чернышевского — о нем давались подробные сведения.

4. Знаменитый деятель объединения Италии Джузеппе Гарибальди (1807—1882) в ночь с 5 на 6 мая 1860 г. отплыл с тысячей волонтеров из Генуи и 12 мая высадился в г. *Марсале*, на северо-западном берегу острова Сицилия. «Щекотливая часть дела была заранее улажена с владельцами пароходов ⟨...⟩ Делу придан был такой вид, как будто Гарибальди, внезапно подъехав на лодках к двум пароходам одного итальянского акционерного общества, стоявшим на взморье около Генуи, насильно овладел ими» (Чернышевский, т. 8, с. 146). Свою армию, быстро пополнявшуюся сицилийцами, со всех сторон стекавшимися под его знамена, Гарибальди повел на *Палермо* — главный город острова Сицилия. В битвах при *Калата-фими* и *Партенико* Гарибальди разбил неаполитанские войска («хотя сначала неаполитанское правительство и объявляло о победе». — Чернышевский, т. 8, с. 133) и 27 мая вошел в Палермо. Правительственные войска под начальством генерала *Ланца* засели в цитадели *Кастелламаре* и оттуда бомбардировали Палермо при занятии его Гарибальди. Было убито много жителей, но войскам Гарибальди бомбардировка мало повредила. *Летиция* — генерал неаполитанской службы. *Флибустьеры* — морские разбойники.

5. Ст. 41—48, зачеркнутые цензором в корректуре, отсутствуют в С. *«Плач и утешение»* — название панегирического стихотворения П. А. Вяземского на смерть Николая I и воцарение Александра II (1855). *Дипломатические советы.* Французское и русское правительства старались склонить неаполитанское правительство к союзу с пьемонтским, чтобы избежать присоединения Неаполитанского королевства к Пьемонту. *Франциск* — см. примеч. 164.

6. Ст. 45—48, зачеркнутые цензором в корректуре, отсутствуют в С. *Неаполитанская конституция.* После взятия Палермо король Франциск (Франческо) II образовал либеральное министерство, выразил готовность объявить амнистию и восстановил конституцию 1848 г. (отмененную в 1849 г.).

7. *Вшествие Гарибальди в Неаполь*, оставленный королем, бежавшим в крепость Гаэту, произошло 7 сентября 1860 г. *Римские и Венецианские стихотворения г. Хама.* После присоединения к Пьемонту Неаполитанского королевства оставались лишь две итальянские области, неподвластные сардинскому королю: Римская — владения папы — и Венецианская, входившая в состав Австрии. Гарибальди намеревался завоевать и эти области. Но присоединение к королевству Венецианской области состоялось лишь в 1866 г., Римской — в 1870 г. *Горд и всесилен — на чуждые грады* и т. д. Пародия на одическую манеру Державина, воспевающего Суворова в оде «На взятие Варшавы» в таких выражениях:

Ступит на горы — горы трещат;
Ляжет на воды — воды кипят;
Граду коснется — град упадает;
Башни рукою за облак кидает.

8. Ст. 33 и 35 в Изд. 1862 заканчиваются словами «обратился» и «воцарился». Однако во всех прижизненных источниках (две корректуры и С) стоят слова «обратится» и «воцарится». Эти чтения

следует считать более правильными: Гарибальди «в бегство» от неаполитанских войск отнюдь не «обращался», и «покой» в этот период ожесточенных сражений не «воцарялся». Ст. 37—40, зачеркнутые цензором в корректуре, отсутствуют в С. Стихотворение основывается на следующих фактах. В сентябре 1860 г. происходили бои гарибальдийцев с войсками неаполитанского короля, которые сохраняли свои позиции, имея операционной базой реку *Вольтурно* с крепостью *Капуя*, и иногда переходили в наступление. Как особенная победа торжествовалось в Гаэте взятие неаполитанскими войсками города Каяццо *(Каятелло)*. Исход кампании решили сардинские регулярные войска, которые закончили войну, пройдя через папские владения и войдя в Неаполитанскую область с севера. *Но звон струны моей лукавой* и т. д. Пародируется следующая строфа из стих. Пушкина «В часы забав иль праздной скуки. . .» (1830):

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Когда скитался он в Шварцвальде и т. д. Реальные факты биографии Гарибальди.

172. Св. 7, с. 33, с рядом цензурных изъятий. Печ. по Изд. 1862, т. 4, с. 522. Предназначалось для Св. 6. Во время его печатания Добролюбова в России не было; стихотворение же встретило цензурные затруднения и появилось лишь в Св. 7. Наборная рукопись — в ГПБ; цензорская корректура — в ПД, под загл. «Ода на выселение татар из Крыма» и с предшествующей тексту заметкой: «*Письмо автора в редакцию* «Свистка». Мм. гг. Написав прилагаемое стихотворение около трех месяцев тому назад (чем и объясняются его начальные строфы), я тогда не решился его печатать, сомневаясь, соответствует ли мысль, в нем выраженная, действительному значению факта. Ныне же, прочитав в 23 номере «Русского вестника» (он же и 24), что «переселение татар есть одно из самых счастливых событий последнего времени» («Современная летопись», стр. 212), и радуясь, что поэтическое вдохновение, внушившее мне такой взгляд на бегство татар, совпало с научным обследованием вопроса, я смело посылаю вам мое произведение с просьбой напечатать его в ближайшем № «Свистка». Сердце говорило мне, что в Крыму совершается что-то знаменательное, и вот наука подтвердила вещую думу поэта! Прошу вас, мм. гг., удержать при стихотворении эпиграф, выписанный мною из «Русского вестника». *Ответ редакции.* „С удовольствием исполняем желание почтенного нашего сотрудника, и только прибавим к этому, что почитаем себя счастливыми, получив возможность огласить настоящий наш нумер лирою г. Лилиеншвагера, который с глубиною патриотизма и высотою таланта соединяет, как увидит каждый из читателей, и широту политических воззрений“». Эта часть корректуры перечеркнута. Перечеркнут и эпиграф: «Благословенна та минута, когда Крым расстанется с туземцами (татарами) и заселится иною, более одаренною породою» («Русский вестник», 1860, декабрь, кн. 1 и 2). Вместо всей этой зачеркнутой ча-

сти к слову «друзы» в первой строке сделан знак сноски и рукою Некрасова вписано: «Это стихотворение писано три месяца тому назад. *Авт.*». Текст стихотворения в С существенно сокращен: вместо ст. 37—52 было лишь четверостишие:

И зрелище единственное ныне
Являет Крым: куда ни оглянись,
В нем редок человек, как посреди пустыни
Цветущий оазис.

Возможно, что эти строки написал Некрасов (Добролюбов в это время находился за границей) — см. примеч. К. И. Чуковского в изд.: Н. А. Некрасов, Полн. собр. стихотворений, Изд. 6, Л., 1931, с. 628. Поводом к написанию стихотворения явились следующие обстоятельства. В 1860 г. турецкое правительство совместно с друзами (мусульманская религиозная секта и народность в Сирии) произвело жестокую резню христиан — главным образом секты маронитов. Во время погромов погибло около 13 000 человек. Погромы были прекращены лишь после энергичного вмешательства европейских держав: Франция даже на некоторое время оккупировала Сирию и добилась установления в Сирии поста губернатора-европейца. В это самое время, вследствие тяжелых условий существования и беспрерывных притеснений со стороны правительства, в Крыму началась массовая эмиграция татар в Турцию. Несмотря на попытки правительства задержать и даже вовсе запретить эмиграцию, с апреля по октябрь 1860 г. Крым покинуло свыше 100 000 человек (по другим сведениям — до 300 000). *Розенгейм* — см. примеч. 116. *Майков* А. Н. (1821—1897), *Павлова* К. К. (1807—1893) — поэты, сторонники школы «чистого искусства». *Крым... пламенем военным Объят был весь.* Имеется в виду Крымская кампания 1853—1855 гг. *Марониты* — приверженцы маронитской христианской церкви, главным образом в Ливане.

173. Св. 6, с. 44. Печ. по этому тексту, совпадающему с текстом второй корректуры (ПД). В Изд. 1862 напечатано менее исправно — видимо, по тексту первой корректуры (ПД). Полагаем, что здесь не учтена позднейшая правка Добролюбова. Печ. по тексту С. Автограф неизвестен. Пародия на стихотворение К. К. Случевского под тем же загл., напечатанное в С (1860, № 3, с. 151).

174—176. Св. 8, с. 56, 58, с подзаголовком «Стихотворения Конрада Лилиеншвагера»; в Изд. 1862 этот подзаголовок снят. Не восстанавливаем его, поскольку публикация в Св. 8 не более авторитетна, чем в Изд. 1862 (обе публикации посмертные, а рукопись не сохранилась). Автографы 1-го и 2-го стихотворений неизвестны, неполный черновой автограф 3-го (ст. 1—28), без загл. — в ПД.

1. Печ. по Св. 8, с. 56. Строительство железных дорог особенно оживилось в конце 50-х и начале 60-х гг. Железные дороги строились с необычайной быстротой, в условиях ажиотажа, вызванного подрядным способом производства работ и сдачей концессий иностранцам. Качество работ и обслуживание пассажиров было исключительно низко. Безобразия, о которых пишет Добролюбов, были

обычными на железных дорогах конца 50-х и начала 60-х гг. *Дух жизни* — характерное славянофильское выражение; ср. в стихотворениях А. С. Хомякова:

И в нем сокрытого глубоко
Ты духа жизни запроси!

(«„Гордись" — тебе льстецы сказали...»)

Потекут они толпой
К жизни духа, к духу жизни...

(«Киев»)

2. Печ. по Св. 8, с. 58. *Брюлевская* терраса была расположена на бывшей крепостной стене Дрездена, над Эльбой. Брюль Генрих (1700—1763) — министр Августа III, короля польского и курфюрста саксонского. *Где наш соотчич раз в экстазе* и т. д. О чем идет речь — не установлено.

3. Св. 8 — с цензурным пропуском ст. 33—34. Печ. по Изд. 1862, т. 4, с. 585. Черновой автограф ст. 1—28, без загл. — в ПД. *Гид* — здесь: путеводитель. *Как ему на «Вену» указал я пальцем*, то есть указал, что брошюра издана не за границей, а в столице Австро-Венгерской монархии (к которой принадлежала и Прага), где свирепая цензура пресекала любые попытки «вольнодумства». *Мог лишь повторять я, вслед за Хомяковым, Как не должно Праге* и т. д. Имеется в виду первая строфа стихотворения А. С. Хомякова:

Не гордись перед Белградом,
Прага, чешских стран глава!
Не гордись пред Вышеградом,
Златоверхая Москва!

(«Не гордись перед Белградом...»)

Вышеград — возвышенная часть Праги на берегу реки Влтавы со старинной цитаделью. *Как на Петчин в ризе древнего Кирилла* и т. д. Пародируется стих. А. С. Хомякова «Беззвездная полночь дышала прохладой...» (1847). Стихотворение рассказывает о сне поэта:

И Прагу я видел, и Прага сияла,
Сиял златоверхий на Петшине храм;
Молитва славянская громко звучала
В напевах, знакомых минувшим векам.
И в старой одежде святого Кирилла
Епископ на Петшин всходил,
И следом валила народная сила,
И воздух был полон куреньем кадил.

Кирилл (826—869) — христианский миссионер среди славян. Петчин — место расположения старинного монастыря, в котором некогда проповедовал Кирилл. Ироническим осмыслением мечты Хомя-

кова о религиозном воссоединении славян Добролюбов дискредитирует одну из основных тем славянофилов.

177. Лемке, т. 1, стлб. 737. Датируется пребыванием Добролюбова в Афинах в июне 1861 г. Стихотворение направлено против «эстетиков». Ср. ироническое высказывание Чернышевского: «Конечно, ваша эстетика для нашего мужика и сивуху с луком заменит амброзией с нектаром» («Из воспоминаний А. И. Артемьева о Н. Г. Чернышевском». — ЛН, т. 25-26, М., 1936, с. 233).

178. Изд. 1862, т. 4, с. 587, с примеч. Н. Г. Чернышевского: «Это вступление в новый нумер «Свистка» осталось недоконченным (прим. издат.)». Стихотворением начинался фельетон, предназначенный для Св. 8 и незаконченный. *В начале августа вернулся я домой.* Добролюбов уехал за границу в середине мая 1860 г. и возвратился в Петербург около 8 августа 1861 г. *Тихонравов* Н. С. (1832—1893) — историк древнерусской литературы, автор ряда исследований, библиографических и текстологических работ, в эти годы профессор Московского университета. Ироническое упоминание имени Тихонравова должно быть сопоставлено с отрицательным отношением Добролюбова к библиографии, когда она полностью уходит в незаслуживающие внимания мелочи.

179. Лемке, т. 4, стлб. 854. Автограф — в ПД на листе, оборот которого занят запиской в типографию. Здесь сказано: «Вам набирать все равно, — так попробуйте набрать «Свисток» ⟨...⟩ завтра мы выйти не успеем. Стихи на обороте, верно, пойдут в государственную канцелярию к Буткову, потому их наберите и тисните отдельно» (Изд. 1961—1965, т. 9, с. 482). Стихотворение написано в 1861 г. (как видно из упоминания о «выданной воле») и, судя по словам записки: «Завтра мы выйти не успеем», — не ранее начала сентября (первый по возвращении Добролюбова из-за границы номер С вышел в свет 5 сентября). Судя по записке, стихотворение предназначалось для Св. — очевидно, для 8-го номера, который Добролюбов составлял осенью 1861 г. Выдвигалась, правда, гипотеза, что стихотворение предназначалось не для Св., что оно не является сатирическим, что «грядущую волю», противопоставляемую «выданной воле», следует понимать как грядущую революцию. Эта гипотеза убедительно опровергнута Н. Г. Леонтьевым, указавшим на явно пародийный стиль стихотворения, на сходство его со стихотворением «Существенность и поэзия» (см. примеч. 160), «где пародируется либеральное прикрашивание крестьянской жизни». «Грядущую волю» либералы противопоставляли «выданной воле», считая «временнообязанный период» как бы переходом к «настоящей воле» (Н. Г. Леонтьев, Добролюбов-пародист. — «Уч. зап. Лен. гос. университета», серия филологич. наук, вып. 30, Л., 1957, с. 127—130). К аргументам Н. Г. Леонтьева можно добавить, что Добролюбов не считал русского крестьянина настолько верящим в скорую крестьянскую революцию, чтобы эта вера делала его тяжелый труд «веселым и сладким». Помимо того, Добролюбов из своих стихов печатал только сатирические, за исключением лишь одной публикации нескольких лучших лирических стихотворений, сделанной в 1859 г. по настоянию Некрасова.

180—182. Св. 8, с. 3, 4, 5. Наборная рукопись — в ГПБ.

1—2. Стихи пародируют негодующие упреки, с которыми ряд журналов обращался к «Современнику» за помещение в нем «шутовского» отдела, то есть «Свистка». *Звуком свиста балаганного* — см. примеч. 136. *Квартальный Свистунов* — персонаж «Ревизора» Гоголя (1836).

3. *«Век»* — еженедельный либеральный «общественный, политический и литературный» журнал, выходил в Петербурге в 1861—1862 гг. под ред. П. И. *Вейнберга* (1831—1908), поэта и журналиста, сотрудника журнала «Искра». *Дружинин* А. В. (см. примеч. 129) заведовал литературным отделом «Века», где в 1861 г. печатались его фельетоны. *Кавелин* К. Д. (1818—1885) — юрист, историк и либеральный публицист, в «Веке» вел юридический отдел. *Безобразов* В. П. (1826—1889) — либерально-буржуазный экономист, вел в «Веке» финансово-экономический отдел. *Для счастья велено Всем законы изучать.* «Юридическая хроника» открывается в первом номере «Века» следующими словами: «Одно из больших зол, которое вредит нам тем сильнее, что мы его едва замечаем, — это общее незнание или непонимание и кривое толкование законов». *Чернокнижников* Иван — псевдоним А. В. Дружинина.

183. Св. 8, с. 11. Печ. по Изд. 1862, т. 4, с. 572. Наборная рукопись — в ГПБ. Ст. 42 в С читается: «Совсем изменил бы их нравы и доли»; в Изд. 1862 Чернышевский предпочел более резкий текст рукописи, очевидно восстанавливая цензурное искажение. *Ad se ipsum* (К самому себе) — название, под которым в старых изданиях печаталась 34-я ода 1-й книги Горация. *Свободный, как птица, не связанный сроком* и т. д. «Свисток» выходил не периодически: в частности, 8-й номер вышел после годичного перерыва. *Когда их томили сухие туманы.* «Современник» постоянно восставал против помещения в общественно-литературных журналах узкоспециальных научных статей; в частности, в статье Добролюбова «Наука и Свистопляска» был высмеян журнал «Атеней», в двух книжках которого (1858) напечатана статья Я. И. Вейнберга «Сухой туман». *Наш прогресс изумительно скорый, Внезапно открытый в Москве умиленной.* Намек на издававшийся в Москве «Русский вестник» — в то время орган умеренного либерализма. *Вопрос о евреях.* Так или приблизительно так назывался ряд статей (Н. Ф. Павлова, В. И. Веселовского и др.), вызванных антисемитской статьей в журнале «Иллюстрация» (см. об этом инциденте примеч. 134). *Вопрос о норманнах* — см. примеч. 143—152. *Великий вопрос об экзамене строгом.* Излишним строгостям на приемных экзаменах в университеты посвящена сатирическая «трагедия» Некрасова «Забракованные» в Св. 3. *Шестнадцать гусей, неповинно пожранных.* Эпизод с некоей «девицей-дворянкой», ставшей жертвой адвоката-афериста, обманным путем получившего с нее 24 рубля $80^3/_4$ коп. и съевшего 16 гусей истицы, был подробно рассказан в «Одесском вестнике» (1860, № 130). Эта история послужила темой раздела «Шестнадцать гусей — жертва нашей безграмотности» в фельетоне Некрасова «Что поделывает наша внутренняя гласность» в Св. 6 (Некрасов, т. 9, с. 587). *Опыт пощенья по волжским дорогам.* В Св. 5 помещена большая статья Добролюбова «Опыт отучения людей от пищи» — о голоде и ужасных бытовых

условиях рабочих на постройке Волжско-Донской железной дороги. *В Европе свершалась великая драма.* Имеется в виду борьба за воссоединение Италии (см. вступит. статью, с. 14 и примеч. 164—171). *Гарибальди* — см. примеч. 167. *Франческо* — неаполитанский король Франциск II (см. примеч. 164).

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАННИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

(1849—1858)

184—201. Изд 1934—1941, т. 6, с. 493—511, 515.

202. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 515. Предположительная датировка основана на том, что стихотворение написано на одном листке с предыдущим.

203—204. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 513, 514. Датируется по месту автографа в тетради.

205—212. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 516, 517.

213. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 520. Датируется по месту автографа в тетради.

214—215. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 521.

216—217. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 522, 523. Второе стихотворение предположительно датируется принадлежностью к тому же циклу, что и первое.

218. Абакумов I, с. 71. Печ. по Изд. 1961—1965, т. 8, с. 138. Автографы — в ГОА и ПД.

219—220. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 525. Автографы — в ГОА и ПД. *Плащаница* — кусок ткани с изображением тела Христа в гробу. *Паремия* — читаемый во время богослужения отрывок из книги Ветхого завета, содержащий пророчество или поучение.

221. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 527.

222. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 527. Автографы — в ГОА и ПД.

223. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 528.

224. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 528. Датируется по позднейшей приписке: «Помнится, это написано по прочтении «Ильи Муромца» Карамз⟨ина⟩. Это около трех лет тому назад ⟨...⟩ 30 янв. 1853 г.» По этому указанию стихотворение датируется маем 1850 г., так как по записи в «реестре прочитанных книг» (ПД) в мае 1850 г. Добролюбов читал седьмой том сочинений Карамзина (издания 1820 г.), в котором помещена «богатырская сказка» «Илья Муромец».

225—228. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 529, 530. Автографы — в ГОА и ПД.

229—230. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 531. Автограф — в ГОА.

231. Н. А. Добролюбов, Дневники, изд. 2, М., 1932, с. 261. Автографы — в ГОА и ПД.

232. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 532. Автограф — в ГОА.

233—235. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 533, 534. Автографы: стихотворений 233 и 235 — в ПД, 234 — в ГОА и ПД. Стихи связаны с приездом в Нижний Новгород сыновей Николая I — Николая и Михаила, совершавших «образовательную поездку по России».

236. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 534. Автограф — в ГОА.

237. Частично (ст. 1—48) — Абакумов 2, с. 18. Печ. по изд.: Н. А. Добролюбов, Дневники, изд. 2, М., 1932, с. 262. Автографы: неполный — в ПД, полный — в ГОА.

238. Абакумов 2, с. 15.

239. Абакумов 2, с. 19. Печ. по Изд. 1934—1941, т. 6, с. 537.

240—243. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 538—540.

244—245. Абакумов 1, с. 72, 71.

246. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 541.

247. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 541. Вольный перевод 34-й оды 1-й книги Горация.

248. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 542. В автографе помета: «(NB. После неудачного перевода оды Горация «Ad se ipsum»)».

249—254. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 543—546.

255. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 547. В автографе помета: «(Импровизация учителя пиитики в одной из духовных семинарий)».

256—257. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 547. Стихи связаны с намерением Добролюбова (осуществленным в ноябре 1850 г.) предложить свои стихотворения в журнал «Москвитянин» и попросить за них гонорар. *«Беск — му»,* возможно, расшифровывается как «Бескорыстному».

258—260. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 548—549.

261. Абакумов 2, с. 14. Печ. по Изд. 1961—1965, т. 8, с. 172.

262—266. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 550—553.

267. Абакумов 1, с. 71.

268—272. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 554—555. Стихотворение № 270 в автографе не озаглавлено. Заглавие взято из составленного Добролюбовым списка его стихотворений 1849—1854 гг. (ПД).

273. Абакумов 2, с. 15. Печ. по Изд. 1934—1941, т. 6, с. 556.

274. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 556.

275. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 805. Стихотворение не закончено и в автографе зачеркнуто. Предположительно датируется тем, что написано на одном листке с предыдущим стихотворением.

276—292. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 556—563. Стихотворения № 276 и 287 в автографе не озаглавлены. Заглавия взяты из составленного Добролюбовым списка его стихотворений 1849—1854 гг. (ПД).

293. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 563. Полемический перепев стихотворения Е. П. Ростопчиной под тем же заглавием. Пометки Добролюбова «Совр.» и «перепис.» против заглавия дают основание думать, что Добролюбов впоследствии предполагал поместить это стихотворение в С. Такое предположение подтверждается наличием позднейшей правки, относящейся, судя по почерку, уже ко времени сотрудничества Добролюбова в С. Первоначальные варианты:

Ст. 5—8 Молю, дай пережить мне заблужденья
Годов безумных, молодых,
О, дай мне пережить тревожные волненья
Прошедших, юных лет моих,
Ст. 12 И поучить хочу весь свет.
Ст. 15—16 И лишь когда мой дух ослабнет, утомится,
Желаю в мире опочить...

294—295. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 564.

296. Абакумов 1, с. 72. Печ. по Изд. 1934—1941, т. 6, с. 564.

297—298. Абакумов 2, с. 13, 16. Печ. по Изд. 1934—1941, т. 6, с. 556.

299—305. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 567—570.

306. Абакумов 2, с. 19. Печ. по Изд. 1934—1941, т. 6, с. 570. Об увлечении Добролюбова 11-ти или 12-летней девочкой Феничкой Щепотьевой, к которой относится стихотворение, — см. записи в дневнике Добролюбова от 1 января и особенно от 2 и 3 сентября и 9 ноября 1852 г. (Изд. 1961—1965, т. 8).

307. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 571.

308. ЛН, т. 25-26, М., 1936, с. 328 (в публикациях С. А. Рейсера «Н. А. Добролюбов и И. М. Сладкопевцев»). Об исключительной привязанности Добролюбова к преподавателю семинарии И. М. Сладкопевцеву, к которому относится стихотворение, см. дневниковые записи от 17 июня, 11 и 19 ноября 1852 г. и от 24 января 1853 г. (Изд. 1961—1965, т. 8). Стихотворение названо сонетом, но написано не в сонетной форме.

309—311. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 572—573.

312. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 574. Во второй строфе — намек на неприятности, испытанные Добролюбовым в день Нового года. См. дневниковую запись от 1 января 1852 г. (Изд. 1961—1965, т. 8, с. 420—422).

313—328. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 575—583.

329. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 584. В автографе над стихотворением рукой Чернышевского написано: «1852? или начало 1853?»

330. ЛН, т. 25-26, М., 1936, с. 328 (в публикации С. А. Рейсера «Н. А. Добролюбов и И. М. Сладкопевцев»). Посвящено И. М. Сладкопевцеву. См. примеч. 308.

331. Абакумов **2**, с. 18. Печ. по Изд. 1934—1941, т. 6, с. 585.

332. Изд. 1934—1941, т. 6, с. 586.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* Фотография Н. А. Добролюбова 1857 г. Музей Пушкинского дома (Институт русской литературы АН СССР).

2. *С. 121.* Титульный лист 1-го издания.

3. *Между с. 128 и 129.* Фотография Н. А. Добролюбова 1854 г. Музей Пушкинского дома (Институт русской литературы АН СССР).

4. *Между с. 160 и 161.* Фотография Н. А. Добролюбова 1861 г. Музей Пушкинского дома (Институт русской литературы АН СССР).

5. *С. 201.* Автограф стих. «Пускай умру — печали мало. . .». Рукописный отдел Пушкинского дома (Институт русской литературы АН СССР).

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ. 1854—1861

ПЕСНИ ГЕЙНЕ

«СВИСТОК»

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАННИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ (1849—1853)

Добролюбов Николай Александрович

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1969, 416 стр. Тем. план вып. 1969 г., № 334.

Редактор *Л. А. Николаева.* Художник *И. С. Серов.* Худож. редактор *А. Ф. Третьякова.* Техн. редактор *В. Г. Комм.* Корректор *Ф. С. Флейтман.* Сдано в набор 4/VI 1969 г. Подписано в печать 2/IX 1969 г. Бумага $84\times108^{1}/_{32}$, № 1. Печ. л. 13+3 вкл. (22,16). Уч.-изд. л. 20,59. Тираж 25 000 экз. Заказ № 811. Цена 91 коп. Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28. Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Красная ул., 1/3.

